человек загадка

Вадим
ЭРЛИХМАН

ЗАГЛЯНУВШИЙ
В ГРЯДУЩЕЕ

МИШЕЛЬ НОСТРАДАМУС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мало кому из мистиков выпадает такой удел: творения Нострадамуса уже сотни лет толкуются вдоль и поперек, в непрестанных и прямо-таки страстных попытках найти в них точные пророчества о том, что ждет человечество. В России в некоторых дворянских семьях истолкование катренов (четверостиший) Нострадамуса стало наследственным занятием. В XX веке у него «вычитали» и историю СССР, и ожидания апокалиптических бед. А что, если его наследие, как это нередко бывает с творениями мистического плана, — лишь секретный код тайных учений древности? И, разгадав этот код, мы увидим, что прежде ошибались все, кто пытался это сделать?

- Предисловие
- Годы странствий
- Звездные знаки
- У края бездны
- Гадание на катренах
- Краткая хронология
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

Предисловие

Он повидал немало пышных храмов, но впервые посетил украшенное столь роскошно жилище человека — пусть даже короля. Стены увешаны гобеленами, позолоченная лепнина сверкает в свете множества канделябров. Зал с начищенным до блеска паркетным полом заполняли люди, среди которых он знал только коннетабля Монморанси, гостеприимно встретившего его в Париже. Лицо вельможи было непроницаемо, и только чуть заметное мановение руки показало, что он узнал гостя и просит его подойти ближе.

— Мэтр де Нотрдам, лекарь из Салона-де-Кро! — гаркнул над самым ухом откуда-то взявшийся слуга в красной ливрее. Вздрогнув от неожиданности, он сделал сразу несколько шагов вперед и оказался прямо перед троном — точнее, перед двумя рядом стоящими креслами, где расположились высокий мужчина с надменным, скучающим лицом и смуглая некрасивая женщина с глазами навыкате, глядевшими внимательно и цепко. Конечно, он знал, кто это — христианнейший король Генрих Валуа и его супруга-итальянка Екатерина. Собирая информацию о владетельных домах Европы, он многое выведал о них. Пытаясь заручиться помощью богатейшего семейства Медичи во время войн в Италии, король Франциск женил сына на сироте с богатым приданым, принадлежавшей к этому роду. Подобно отцу, Генрих проводил время в охотничьих и любовных забавах, почти не уделяя внимания жене; рядом с ним всюду появлялась постоянная фаворитка Диана де Пуатье, перед ней заискивали, ей посвящали стихи. Место Екатерины было в покоях Лувра, где она исправно рожала супругу детей, молилась и взращивала ненависть ко всем, кто унижал ее или просто не замечал.

Месяц назад губернатор Прованса передал Мишелю де Нотрдаму приказ королевы прибыть в Париж. Астролог встревожился — как узнать, что именно в его писаниях вызвало монарший интерес? Уже прибыв в столицу после долгого, почти месячного путешествия, он попытался выведать это у Монморанси, одного из знатнейших вельмож королевства.

— Уж не знаю, сударь мой, — сказал старый коннетабль. — Ее величество суеверна и не оставляет без внимания ни гадателей, ни звездочетов, ни торговцев реликвиями. Думаю, вы займете достойное место в их ряду. Слышал, ее интересует ваше предсказание, связанное с какой-то упавшей звездой.

Это кое-что прояснило — в минувшем году он, как и многие, видел яркую кроваво-красную звезду, прочертившую небо над

югом Франции и упавшую где-то в море. В альманахе на следующий год он упомянул, что эта звезда сулит страшную опасность королевству и лично королю Генриху. По привычке он писал туманно и осторожно, но оказалось, что в Париже его читают весьма внимательно. Теперь он стоял перед монаршей четой и думал, как выпутаться из неприятного положения. Покушение на жизнь короля намечалось им на июль, но в этом месяце, похоже, ничего подобного не случилось. Или все-таки случилось?

Генрих вымолвил несколько дежурных фраз — что-то о долге подданных быть кристально честными перед своим монархом. Он ответил, что в своих писаниях всегда говорит правду, которую ему сообщают не лукавые людские слова, а бесстрастные звезды, орудие Божьего промысла. При этих словах королева одобрительно кивнула:

— Это хорошо, мэтр, что ты видишь небесные светила исполнителями воли Всевышнего, а не орудиями слепого рока, как считали древние язычники. Вижу, нам справедливо говорили о тебе, как о человеке благочестивом. Надеемся, ты и впредь будешь направлять свои усилия к процветанию королевства.

Он не сразу понял, что аудиенция окончена, хотя король уже переговаривался о чем-то с коннетаблем, а королева и вовсе отвернулась. Уже у выхода его нагнал придворный, шепнувший: «Ждите, за вами придут». Отведенный в один из дворцовых коридоров, он прождал целых два часа, и вдруг дверь перед ним распахнула сама Екатерина. Усадила за небольшой круглый стол красного дерева, сама села напротив.

— Ваше предсказание встревожило нас, мэтр. В июле были приняты меры, и король избежал опасности.

Что ж, замечательно — он мог сказать, что принятые вовремя меры сорвали планы заговорщиков, и теперь никто не обвинит его в том, что предсказанное не сбылось. У него было еще несколько вариантов ответа, но этот, пожалуй, лучший.

— Но я хотела поговорить с вами о другом. Вы только что издали книгу пророчеств в стихах, мне доставили ее из Лиона. Там есть любопытное место… что-то про радугу, которая сорок лет прячется, а следующие сорок видна в небе каждый день. Интересно, что вы имели в виду?

Слова про Ириду, богиню радуги, он заимствовал из трактата знакомого лионского астролога Ришара Русса, но Екатерина эту книгу, очевидно, не читала. Он что-то забормотал про великую засуху в конце времен, которая будет длиться сорок лет, и тут королева сердито перебила:

— Бросьте вилять! Как будто вы не знали, когда писали это,

что радуга — мой личный герб! Сорок лет мне исполнится через четыре года. Что же случится тогда, что вам сказали звезды?

Ему пришлось как следует напрячь ум, чтобы изобрести устроившее Екатерину объяснение касательно того, что через четыре года ее таланты и добродетели, пребывающие под спудом, вдруг откроются и станут видны всем. После этого никто не осмелится посягать на ее высокое положение, которое она будет занимать, как говорят звезды, еще сорок лет.

— Неужели мой августейший супруг проживет так долго? — спросила она, нервно теребя четки.

Она не любит мужа, он понимал это. Как такая гордая и самолюбивая женщина может любить человека, грубо унижающего ее? Однако ему говорили, что Екатерина обожает сыновей и готова сделать едва ли не все, чтобы они взошли на трон.

Екатерина Медичи

— Ваше Величество, звезды пока не открыли мне час смерти вашего супруга, но к моменту соединения Марса с Сатурном, что наступит через семь лет, Францию может ждать смена монарха. Я

видел, что место великого льва займет его сын, отважный львенок, чье правление будет не менее блистательным…

Кажется, королева была довольна. Напоследок она взяла с него обещание предсказать будущее ее четырех сыновей, которые в те дни жили в летнем дворце Сен-Жермен.

Однако переволновавшегося астролога свалил приступ подагры, и принцев он увидел только две недели спустя. Старшему, Франсуа, было 11 лет, младшего, его тезку, несла на руках кормилица. Нотрдам будто бы предсказал королеве, что все четверо один за другим станут королями. Но кто мог слышать это, если они говорили наедине, в строгой тайне? И разве осторожный предсказатель произнес бы такую фразу, означавшую, что как минимум трое сыновей Екатерины умрут молодыми и притом бездетными? Самое удивительное, что так и случилось: правда, Франсуа-младший так и не побывал на троне, но троим его братьям это удалось. Наследников они не оставили ввиду слабого здоровья и странного для французских монархов равнодушия к женщинам. Последний из них, Генрих III, был убит в августе 1589 года через полгода после кончины королевы-матери, балансировавшей на вершине радуги не сорок, а всего тридцать лет.

Несмотря на эти мелкие неточности, предсказание Нотрдама (или Нострадамуса, как он называл себя на латыни) блистательно сбылось. Вот только было ли оно? Слухи о нем впервые зафиксированы в конце XVI столетия — очевидно, они возникли еще при жизни хотя бы одного из сыновей Екатерины. Скорее всего, пророчество было выдумано задним числом, как случается довольно часто, но на славу Нострадамуса это никак не повлияло. Еще при жизни он был знаменит во всей Европе, его ежегодные альманахи предсказаний продавались огромными по тем временам тиражами, при королевских дворах его слова обсуждались наравне с самыми важными новостями. Правда, смерть провидца, наступившая в июле 1566 года, осталась почти незамеченной — Франции, погрузившейся в кровавое болото гражданских войн, было не до грядущих ужасов. Столетиями имя Нострадамуса было известно только его землякам-провансальцам да узкому кругу поклонников «тайных наук». Интерес к нему вернулся только в эпоху романтизма, когда поэты и мыслители вновь обратились к загадкам астрологии. В тот период Гёте устами своего Фауста призывал:

Встань и беги, не глядя вспять,
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять

Таинственное не забудь.
И ты прочтешь в движенье звезд,
Что может в жизни проистечь,
С твоей души слетит нарост,
И ты услышишь духов речь[1].

В примечаниях к советскому изданию поэмы говорилось: «Нострадам — латинизированное имя французского медика и астролога Мишеля де Нотр-Дам. С его „Пророчествами“ исторический Фауст, живший раньше, не мог быть знаком. Имя Нострадама является здесь скорее нарицательным для обозначения ученого, занимающегося магией». Так и было — вплоть до XX столетия знаменитые «Пророчества», называемые еще «Центуриями» из-за того, что в каждой их главе содержалось по сто (centum) четверостиший-катренов, не переводились на иностранные языки. Во Франции их первое после многих лет издание появилось в 1867 году, но его пришлось сопроводить переводом — язык за века сильно изменился, к тому же текст включал множество заимствований из античных текстов, архаизмов и слов, изобретенных самим Нострадамусом. К тому времени его по-прежнему считали не только предсказателем, но и кем-то вроде мага, приписывая (как и Фаусту, Парацельсу, Сен-Жермену) знание астрологии и алхимии, умение вызывать духов и даже создавать искусственного человека — гомункулуса. Это отразилось в ряде художественных произведений, однако в конце столетия литературный образ пророка изменился. Теперь он представал ученым-новатором, вольнодумцем, противником церкви и королевского деспотизма.

Такая трактовка имела под собой основания: до того, как заняться предсказаниями, Нострадамус был достаточно известным врачом, взгляды в самом деле имел достаточно либеральные, тяготел к модному в то время протестантизму, за что и подвергался гонениям церкви и религиозных фанатиков. Довольно, впрочем, умеренным для той эпохи, когда человек легко мог угодить на костер за «неправильные» взгляды, или за «неправильное» происхождение — как сегодня широко известно, пророк родился в семье евреев-выкрестов, чьи предки издавна жили в Провансе. Прежде это не афишировалось, а первый биограф Нострадамуса Жан-Эме де Шавиньи вообще отрицал его еврейские корни. Сегодня, напротив, этим корням придают преувеличенное значение, выводя его предсказания из талмудической традиции и каббалы. Однако серьезные специалисты не подтверждают эту теорию: вероятно, Нострадамус

интересовался еврейской мудростью (как и многие ренессансные гуманисты), по при этом оставался верующим христианином и тщательно избегал обвинений в симпатиях к иудаизму.

Однако его все равно обвиняли и в этом, и во многом другом — известность способствовала умножению числа завистников, да и характер у пророка был отнюдь не легким. Поддерживая свой авторитет в обществе, он устно и письменно восхвалял себя, попутно оскорбляя и высмеивая своих противников, что, конечно же, вызывало у них ответную реакцию. Памфлетов против Нострадамуса сохранилось не меньше, чем его сочинений. Противники обвиняли его в профнепригодности: на поприще медицины он не прославился, в астрологии был несилен, предсказания его большей частью не сбывались… Как ни странно, во многом это правда: ни в медицине, ни в астрологии, ни в естественных науках он не достиг каких-либо высот. Иное дело — поэзия. Нострадамус, успешно перенявший опыт реформаторов французской словесности, сумел заключить свои пророчества в такую интригующую форму, что даже спустя столетия они способны очаровывать умы. Лучший в России знаток его творчества Алексей Пензенский, чье имя еще не раз будет упомянуто на страницах этой книги, считает, что в роли поэта и социального мыслителя Нострадамус добился наибольших успехов и именно в этом качестве наиболее интересен для нас.

Однако многие наши современники думают иначе. С завидной регулярностью в разных странах появляются книги, статьи, телепередачи, объявляющие Нострадамуса величайшим из пророков, с абсолютной точностью предсказавшим едва ли не все события мировой истории вплоть до 2242 года — на эту дату он будто бы назначил конец света. Увы, он (как и большинство прорицателей) излагал свои прорицания в весьма туманном стиле; многие события описаны чрезвычайно подробно, но догадаться об их сути и тем более о времени, когда они совершатся, почти невозможно. Часть слов явно вставлена в катрены для рифмы, а архаизмы и ошибки наборщиков превращают текст «Пророчеств» в настоящий ребус. Однако это не останавливает толкователей, которые отважно берутся за поиск у Нострадамуса «кодов» и «шифров», позволяющих вычитать самые невероятные сведения, вплоть до пришествия инопланетян или истребления девяти десятых жителей Земли неведомой «красной чумой». Особая статья — переводы, за которые часто берутся люди, не знающие не только старофранцузского, но и современного французского языка, как и культурного контекста XVI века, без которого понимание «Пророчеств» попросту невозможно.

Став героем масскультуры, Нострадамус превратился для большинства наших современников в полумифического персонажа, всеведением способного поспорить с самим Создателем. Какое бы событие ни случилось, уже на следующий день в какой-нибудь бульварной газете появится статья «Нострадамус это предсказал» с «точной» цитатой из сочинений пророка. О нем самом тоже сообщаются удивительные вещи: он оказывается то мастером политических интриг, то агентом масонов-тамплиеров-каббалистов, то великим ученым, победившим чуму и черпавшим знания о будущем из «коллективного информационного поля». Конечно, этот вымышленный маг и чародей не имеет никакого отношения к реальному человеку, чей жизненный путь вполне типичен для интеллектуала его времени. О чудесных предсказаниях Нострадамуса мы можем судить по анекдотам из его жизни, часто ничем не подтвержденным, и по его сочинениям — точнее, по их толкованиям, сделанным в разные времена.

В этой книге мы попробуем подробно осветить биографию пророка, его образование и жизненный опыт, чтобы понять, чем обусловлены его пророчества и какие из них действительно соответствуют тем или иным событиям XVI века и последующих столетий. Сразу скажем, что у нас нет цели разоблачать Нострадамуса или, напротив, доказывать непреложную истинность его предсказаний. Задача книги иная — показать героя не отстраненным от своей эпохи, а укорененным в ней, болеющим ее болезнями, несущим в себе все ее достоинства и недостатки. Одним словом, живым человеком, в творчестве которого отразились не столько бесстрастие небесных светил, сколько кипение страстей его бурного и жестокого времени.

Годы странствий

Рассказ о любом знаменитом человеке начинается обычно с его родословной. Важно это и для Нострадамуса, в жизни которого сыграли большую роль как еврейское происхождение, так и рождение в Провансе с его античной традицией и близостью к ареалу арабско-иудейской образованности. Изыскания ученых, в первую очередь известного нострадамоведа Робера Беназра, позволили восстановить родословную пророка вплоть до жившего в XIV столетии Астрюка из Каркассона, который переехал в папский город Авиньон и основал там процветающее торговое предприятие. Имя Астрюк (Astruc) на провансальском языке означало «родившийся под счастливой звездой», его носили многие евреи, жившие здесь с давних пор.

Еще в X веке в городах Южной Франции существовали еврейские общины. Многие из них пострадали в ходе кровавого подавления французскими феодалами ереси альбигойцев в XIII столетии, но довольно быстро численность евреев в этих краях восстановилась. Ее подпитывала иммиграция с Пиренейского полуострова, откуда по мере освобождения страны от арабов выдавливалось многочисленное еврейское население. В 1492 году королевский указ изгнал из Испании всех евреев, не перешедших в католичество; порой утверждается, что предки Нострадамуса появились в Провансе именно тогда, но это явная ошибка.

Принято считать, что по отцу астролог принадлежал к библейскому колену Иссахара, представителей которого отличал пророческий дар.

Внук «счастливого» Астрюка Давен (или Давид) в 1453 году обратился в христианство вместе со своим сыном Крескасом, принявшим имя «Пьер де Нотрдам». Во Франции, в отличие от Испании, смена веры не была для евреев необходимым условием выживания, но сильно облегчала им жизнь и карьеру Многие из обращенных принимали благочестивые фамилии де Нотрдам (Богоматерь) или де Сент-Мари (Святая Мария). Третьей женой Пьера де Нотрдама стала Бланш (или Бланка), дочь Пьера де Сент-Мари, лейб-медика герцога Калабрии. Его родственник Пьер Абрахам Соломон был личным врачом короля Прованса Рене Доброго, после смерти которого в 1480 году эта область официально вошла в состав Франции. К медицине имел отношение и Жан де Сен-Реми, врач из городка Сен-Реми в Провансе, чья внучка Рене (или Реньер) в 1495 году стала женой 25-летнего сына Пьера де Нотрдама Жома (Жака). К тому времени Жом вслед за своими братьями покинул Авиньон,

занимаясь коммерцией в разных городах Прованса. В Сен-Реми он получил должность городского нотариуса, выстроил себе двухэтажный дом и стал отцом многочисленного семейства — восьми сыновей и дочерей. Старший из них, Мишель, появился на свет только через восемь лет после свадьбы; можно предположить, что родившиеся ранее младенцы умерли, что было вполне обычно для того времени.

Нострадамус писал, что появился на свет 14 декабря, ту же дату приводит и его сын и биограф Сезар в своей «Истории Прованса». Недавно французский исследователь Патрис Гинар обнаружил архивные записи, в которых значится другая дата — 21 декабря. В то время многие не помнили точной даты своего рождения, но и в документах могли встречаться ошибки. В любом случае будущий пророк родился под знаком Стрельца; принято считать, что к нему относятся прямые, энергичные, общительные люди, привыкшие добиваться своей цели. В чем-то это похоже на Нострадамуса, в чем-то — не очень. Астрологи считают, что на его характер повлиял знак Козерога, вступающий в права уже на следующий день — 22 декабря. Люди этого знака расчетливы, замкнуты, властолюбивы, в их жизни сильно влияние судьбы, потому именно под этим знаком рождается большинство предсказателей. Излагая эти правила, мы не призываем верить им, однако люди той эпохи верили, да и сам Нострадамус относился к ним вполне серьезно.

Мишель де Нотрдам родился в самом начале XVI века, когда Францией правил король Людовик XII из династии Валуа, присоединивший к своим владениям герцогство Бретань и ввергнувший страну в длительные Итальянские войны. В 1515 году после смерти не оставившего наследников Людовика королем стал его двоюродный племянник Франциск I. Он тоже воевал в Италии, но успеха не добился и даже провел год в плену у императора Карла V после злосчастной битвы при Павии. Франт и любитель женщин, Франциск был также страстным поклонником искусства Ренессанса, которое благодаря ему стало во Франции господствующим. Он дал приют при дворе бежавшему из Италии Леонардо да Винчи, заказывал картины Рафаэлю, выстроил в долине Луары вереницу блистательных замков. По его приказу в Лувре была основана типография, где печатались книги на латинском, греческом, древнееврейском языках.

В то время быстро менялись не только Франция, но и весь мир. Открытие Америки, проникновение европейцев на Восток, обращение к памятникам античной философии и культуры сделали возможным грандиозные перемены в общественном

сознании. Узкий мирок средневекового человека разомкнулся в необъятные дали пространства и времени, поставив вопрос о поисках для этого человека нового, более достойного его места в мире. Возрождение было не только обращением к древней мудрости, но и движением за освобождение от невежества и духовного рабства, от жесткого идеологического диктата римской церкви. Естественным следствием этого стала Реформация, погрузившая Европу в пучину междоусобиц. «Новые люди» Ренессанса оказались более жестокими и нетерпимыми, чем их средневековые предки; XVI век стал временем кровавых войн, жестоких казней, охоты на ведьм, причем протестанты проявляли в кровопролитии ничуть не меньшее усердие, чем их враги-католики. Во имя милосердного Бога избивались жители целых городов, горели на кострах инакомыслящие, огнем и мечом истреблялись «дикари» в заморских землях.

Все это парадоксально соединялось с расцветом искусства, с развитием науки, превзошедшей своих античных предшественников, с небывалым распространением грамотности и книжной культуры. Книгопечатание, открытое в середине XV века в Германии, многократно увеличило количество книг, сделав их доступными обычным людям. Теперь человек среднего достатка (каким был Нострадамус) мог позволить себе домашнюю библиотеку в 200–300 томов — прежде роскошь, доступная только королю или епископу. С умножением книг росло и число их читателей; за столетие доля грамотных горожан во Франции выросла в среднем с 10 до 25 %. Читали, как и сегодня, в основном «массовую литературу» — в те времена это были молитвенники, лубочные романы, календари и альманахи на любой вкус. Открывались все новые школы, появившиеся еще в XI столетии университеты превращались из оплотов схоластики в подлинные научные центры.

В XVI веке во Франции было около 30 университетов, из которых самые известные находились в Париже, Тулузе и Монпелье. Там обучали богословию, юриспруденции, медицине и «свободным искусствам», в число которых входили математика, грамматика, риторика, астрономия и музыка. В свою очередь, медицина включала в себя все естественные науки, которые до сих пор изучались по античным трудам Аристотеля и Галена. Соответствующим было и состояние врачебного искусства. Не было никакого представления об анатомии, кровеносной и нервной системе, как и о том, что болезни вызываются микробами. До изобретения микроскопа оставалось больше сотни лет. В отсутствие наркоза и антисептиков почти любая серьезная операция кончалась смертью больного, поэтому их предпочитали

вообще не делать. Главными средствами лечения были клизмы и кровопускание, хотя иные врачи при виде крови падали в обморок. К числу таких горе-лекарей принадлежал будущий соученик Нострадамуса, великий Франсуа Рабле.

Мы не знаем, поощряли ли родители маленького Мишеля его тягу к знаниям. И вообще мало что знаем о семье Нотрдамов, в которой один за другим рождались дети. Судя по тому, что последний из них появился на свет в 1523 году, их мать Рене вышла замуж совсем юной и всю жизнь провела в заботах о своей большой семье. Как большинство женщин того времени, она проскользнула по страницам истории незаметной тенью, не оставив о себе никаких свидетельств. Иные авторы пишут, что ее дед-лекарь тоже жил в их доме и сыграл большую роль в выборе Мишелем профессии, но это всего лишь фантазия — Жан де Сен-Реми умер сразу после рождения правнука. Отец Рене, тоже Жан, в местную гильдию врачей не входил и занимался другим делом — скорее всего, торговлей, которой посвятили себя многие родственники Нотрдама. Впрочем, его отец Жом выбрал себе более интеллектуальное занятие нотариуса, хотя не исключено, что оно было лишь прикрытием для коммерческих сделок — ведь нотариус по долгу службы располагал информацией об имуществе горожан и вполне мог использовать ее в своих интересах. Жом де Нотрдам дожил до 1546 года, после которого документы упоминают о нем как о покойном. Его сыновья тоже пошли на государственную службу: второй по старшинству, Жан, стал прокурором и известным историком Прованса, а самый младший, Антуан, — сборщиком налогов. Об остальных — Пьере, Экторе, Бертране, Луи, — мы не знаем практически ничего, как и об их единственной сестре Дельфине.

В том же 1511 году, когда Жом де Нотрдам купил дом в центре Сен-Реми, Мишель отправился в грамматическую школу, куда брали с семи лет. Обучение там строилось по средневековым канонам — единственный учитель (обычно это был регент церковного хора) заставлял детей переписывать буквы и учить наизусть латинские псалмы. За невыученные уроки и шалости их нещадно били линейкой по пальцам, и все же в классе из 30–40 разновозрастных учеников стоял постоянный гомон, заглушающий слова педагога. Выучиться чему-то в такой обстановке было сложно, и состоятельные родители нанимали сыновьям домашнего учителя, — возможно, у юного Мишеля тоже был такой.

Мы не знаем, дразнили ли будущего пророка в школе из-за его происхождения. В то время евреев, даже крещеных, часто обзывали «обрезками» (***retaillon***), в смысле «обрезанными», хотя

местные власти пытались бороться с этим — в 1542 году парламент Экса даже велел отрезать язык тому, кто хоть раз употребит это прозвище. Однако в столице Прованса христиане еврейского происхождения должны были входить в церкви через особый боковой вход, а в Сен-Реми их, в том числе и Жома де Нотрдама, заставляли платить особый налог. Если местная элита скрепя сердце приняла разбогатевших евреев в свой круг, то простонародье относилось к ним с неприязнью и подозрением. Можно не сомневаться, что Мишель рос с чувством своей особости, даже изгойства; родители внушали ему, что преуспеть во враждебной среде можно, только выполняя ее правила, но при этом возвышаясь над ней посредством богатства или образования. Последнее было даже предпочтительнее, поскольку в эпоху Возрождения престиж образования сильно вырос.

В 1518 году 14-летний Мишель отправился в соседний Авиньон, чтобы продолжить обучение в коллеже при факультете искусств местного университета. В течение трех лет ему предстояло изучать обычную программу того времени: тривий (грамматика, риторика, диалектика) и квадривий (геометрия, арифметика, астрономия, музыка). Возможно, он еще не выбрал будущую профессию, а может, уже тогда намеревался стать врачом, однако на медицинский факультет того же университета принимали только с 18 лет, а коллежа при нем не было. Несмотря на принадлежность города, а с ним и университета, римскому папе, в коллеже царила весьма вольная обстановка — ученики больше увлекались не лекциями, а пирушками, танцами и посещением борделей, по числу которых Авиньон не уступал самому Парижу. Наверняка Мишель тоже участвовал в этих забавах — мы знаем о его общительности и неравнодушном отношении к женскому полу, а в одном из сочинений он назвал свою юность «веселой». Однако не меньшее внимание он уделял учебе: Жан-Эме де Шавиньи пишет, что он поражал соучеников и преподавателей «божественной» памятью. Возможно, он уже тогда читал не только учебники, но также стихи и романы современных авторов, давшие позже импульс его собственному творчеству.

В 1521 году после окончания коллежа Мишель должен был получить звание магистра искусств, открывавшее доступ в университет. Он, похоже, уже окончательно решил стать врачом, что сулило не только доступ к неведомым доселе знаниям, но и неплохой доход. Медицина в те годы еще находилась в плену устаревших представлений Галена, но ее принципы уже начали меняться. В конце XV века папа Сикст IV признал наконец полезность анатомии и позволил врачам изучать устройство человеческого тела путем вскрытия трупов. В 1543 году Андреас

Везалий выпустил в Базеле знаменитый анатолический атлас «Строение человеческого тела» с прекрасными иллюстрациями, выполненными Тицианом и его учениками. Эта книга, оспорившая многие утверждения Галена, на века вперед стала пособием для врачей. В те же годы возникла физиология, созданная придворным врачом Генриха II Жаном Фернелем. Учение о функциях различных органов развивал и испанский врач Мигель Сервет, впервые описавший кровообращение, однако в 1553 году его сожгли за ересь, и только через 75 лет учение о кровообращении вторично сформулировал англичанин Уильям Гарвей.

Медицина многим обязана распространению книгопечатания, которое позволило врачам самим, а не в пересказе, ознакомиться с трудами античных авторов. Сочинения великого Гиппократа и других греков, известные до этого лишь немногим, издавались и переводились на латынь, а потом и на современные европейские языки. Были отпечатаны также давно известные работы восточных мудрецов Авиценны (Ибн Сины) и Разеса (ар-Рази), в которых описывалось множество лекарственных средств. Еще больше новых лекарств доставили из дальних стран путешественники и конкистадоры, что дало новый толчок развитию фармакологии. Венецанский врач-новатор Джироламо Фракасторо в своей работе «О контагии, о контагиозных болезнях и их лечении» (1546) впервые предположил, что болезни вызываются крохотными частицами («семенами»), передаваемыми от человека к человеку через прямой или даже непрямой контакт. Однако только создание микроскопа Левенгуком полтора века спустя позволило открыть первые микроорганизмы и доказать их роль в распространении заболеваний.

Сумма накопленных медиками знаний позволила им пересмотреть общепринятую в Средние века теорию о жидкостях, согласно которой здоровье человека создавалось равновесием в его организме четырех жидкостей (угморов) — крови, флегмы, желтой и черной желчи, соответствующих четырем качествам природы — сухому, влажному, холодному и теплому. В случае болезни следовало удалить избыток одной из жидкостей кровопусканием, слабительным, клизмой или банками. Собственно, к этому до XV века (а во многих случаях и позже) сводилось лечение большинства болезней, дополняемое приемом гомеопатических средств и примитивной хирургией. Конечно, без обезболивания — эфирный наркоз начали применять только в XIX веке, а до этого чувствительность при операциях снижали с помощью вина или наркотических средств. Врач и естествоиспытатель Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм по

прозвищу Парацельс отверг в своих трудах теорию жидкостей, призывая лечить болезни алхимическими средствами, в том числе такими ядовитыми, как свинец, мышьяк и сурьма. Уже после безвременной кончины Парацельса в 1541 году его методы обрели популярность, вызвав ожесточенную полемику во многих университетах Европы.

Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм Парацельс

Несмотря на развитие медицины, она оставалась беспомощна перед эпидемическими болезнями — подлинным бичом человечества. Победить веками мучившую европейцев проказу удалось путем строгой изоляции заболевших, однако ее место заняли сразу несколько еще более опасных болезней, пришедших с других континентов. В конце XV века в кварталах бедняков свирепствовал сыпной тиф, а во Франции быстро распространялся сифилис, прозванный в других странах «французской болезнью», хотя его родиной считают Америку. Используя ртуть и мышьяк, медики смогли сохранить больным жизнь, но не излечить их до конца. Плюс к этому по континенту продолжала гулять «несвятая троица» опаснейших недугов — чума, холера, черная оспа. Первое

место среди них по заслугам принадлежало бубонной чуме, которая в 1346–1348 годах скосила 60 миллионов человек — почти половину населения Европы. Хотя такие катастрофы больше не повторялись, локальные эпидемии чумы вплоть до XVIII века посещали европейские страны, особенно города, где антисанитария, скученность, обилие крыс и блох создавали питательную почву для эпидемий.

Медицина той эпохи была полностью беспомощна перед чумой. Фактически единственным средством спасения, которое она могла порекомендовать пациентам, было бежать из зараженной местности «быстрее, дальше и дольше». Сами доктора в случае чумы вели себя по-разному: одни мужественно оставались рядом с больными и гибли вместе с ними, другие, забыв про клятву Гиппократа, спасались первыми, за что их, впрочем, никто не осуждал. Все это ярко проявилось в конце 1520 года, когда чума пришла в Авиньон. Университет временно закрылся, а студенты и преподаватели разбежались кто куда. Среди них был и Нострадамус, который не успел получить свой магистерский диплом. Из-за этого он не мог поступить в университет и решил поездить по Европе, чтобы обзавестись знанием жизни и опытом лечения болезней. Средства на путешествие выделил отец, одобривший планы Мишеля заняться медициной. Материально поддерживая сына все годы учебы, он за это лишил его доли в наследстве, разделив перед смертью все свое имущество между остальными сыновьями.

Странствия молодого школяра продолжались несколько лет; за это время он посетил все области Южной Франции, а также, вполне возможно, Германию и Италию. С неистощимым любопытством он собирал и записывал рецепты не только изготовления лекарств, но и приготовления разных блюд, сладостей и косметических средств. Много лет спустя он решил издать их отдельной книгой, получившей по обычаю той эпохи длинное название «Превосходная и весьма полезная книжица, необходимая всем, кто желает ознакомиться с множеством дивных рецептов, разделенная на две части». В этой «книжице» собраны рецепты пудры, белил, румян, притираний, варенья, конфет, пастилы и так далее, соединенные с интересными автобиографическими отступлениями. О своих странствиях автор пишет так: «После того, как я посвятил большую часть моих молодых лет, о благосклонный читатель, фармацевтике и познанию и изучению трав во многих странах и землях с 1521 по 1529 год, я непрестанно путешествовал, чтобы узнать и изучить источники и происхождение растений и иных трав, касающиеся вершин медицинской науки. И я поступил так, как говорит

светило латинского языка в словах: *„Etegressus syluis uicina coegi“*[2], — закончил свою учебу, продолжавшуюся до сего момента и занявшую 31 год моего призвания, до 1552 года. Во время частых и продолжительных занятий я прочел все у всех авторов — как греческих и латинских, так и варварских, переведенных большей частью на латынь, а иных — на иностранных языках»[3].

В трудах многочисленных «тайновидцев» утверждается, что в этот период Нострадамус посетил Египет, Персию и даже Индию, обогатившись там сокровищами древней мудрости. То же самое говорили о Парацельсе, Калиостро, Сен-Жермене, но в отличие от них наш пророк никогда не говорил о своем пребывании на Востоке. Казалось бы, приведенный пассаж говорит о его знании восточных языков, однако, скорее всего, речь идет о древнееврейском, который он почти наверняка знал с детства или выучил в путешествиях по Провансу, где было немало знатоков иудейской культуры. Если в его трудах можно найти немало отголосков еврейской традиции, то мусульманский мир оставался для него *terra Incognita*, о чем говорят фантастические описания в «Пророчествах». Его сочинения позволяют очертить круг хорошо знакомых ему областей, в который входят Франция, Италия, Испания и юг Германии. За пределами этого круга его исторические и географические знания весьма приблизительны, что следует помнить всем, кто говорит о предсказаниях им будущего России или Соединенных Штатов.

В документах имя Мишеля де Нострадамуса снова появляется в 1529 году в списке студентов медицинского факультета университета Монпелье. Этот университет был известен во всей Европе, унаследовав традиции не только латинской, но и арабско-еврейской учености. Число студентов здесь достигало 10 тысяч, составляя четверть населения города. Университет пользовался автономией — его студенты не подчинялись обычному суду, их судило свое руководство, оно же улаживало постоянно возникавшие конфликты между школярами и горожанами. Студенческое самоуправление на факультете возглавлялось прокуратором, которого избирали сами студенты перед ежегодным началом занятий 18 октября — в день святого Луки, покровителя врачей. Прокуратор записывал новых студентов в особую книгу (в нее был вписан и Нострадамус), представлял их канцлеру и собирал с них деньги на нужды факультета, в том числе на приобретение учебных пособий. В 1520 году для занятий был куплен скелет, обнаруженный в подземелье замка Эгморт. На нем преподаватели демонстрировали строение человека; они могли также вскрывать трупы казненных преступников, но их, вопреки современным представлениям, было очень мало, и

обычно студенты довольствовались весьма приблизительными рисунками.

Занятия заключались в основном в заучивании наизусть отрывков из Гиппократа и Галена. Они проходили каждый день, кроме воскресенья и среды, а также многочисленных праздников, и продолжались до Пасхи, однако студентам приходилось оставаться в университете до Иванова дня (21 июня), чтобы присутствовать на экзаменах будущих докторов. Многие не особенно утруждали себя учебой, предпочитая праздники и попойки, красочно описанные Франсуа Рабле, — он окончил медицинский факультет в 1532 году, а позже преподавал в нем.

Первые три года студенты изучали общую теорию медицины, биологию и философию, получая по итогам экзаменов звание бакалавра, — оно позволяло стать аптекарем или помощником лекаря, но не полноправным врачом. Второй трехлетний цикл завершался получением степени лиценциата, а третий — доктора, что давало наконец право на полноценную врачебную практику. Мы знаем, что Нострадамус стал доктором уже в 1532 году, а это значит, что он начал обучение не позднее 1525 года, а не в 1529-м, как пишет сам. Возможно, в первые годы он посещал университет не слишком часто (правилами это допускалось), продолжая путешествовать и изучать труды древних авторов. Странно и такое раннее — в 30 лет — получение докторской степени, которую обычно удавалось заслужить только после сорока. Таким образом, или Нострадамус обладал незаурядным врачебным даром, или получение им степени сопровождалось некими чрезвычайными обстоятельствами.

Новички, поступившие на медицинский факультет, в течение года проходили период инициации, отголоски которой сохранились до сих пор. Эти «желторотики», как их называли, должны были прислуживать старшим студентам, терпеливо вынося их насмешки и издевательства. Студенческие обычаи соблюдались свято — например, каждый сданный экзамен отмечался попойкой, а получившего степень бакалавра на выходе из аудитории встречали шутливыми тумаками и библейской цитатой: «Изыди и убей, Каин». Тогдашние эскулапы действительно убивали больных не реже, чем вылечивали, но радовались студенты не этому Бакалавр мог наконец зарабатывать самостоятельно, не довольствуясь подачками родителей или более состоятельных друзей. До получения степени любая врачебная практика студентам запрещалась под угрозой изгнания из университета.

Отец продолжал помогать Мишелю, поскольку тот мог покупать не только еду, но и книги, продолжая пополнять свою

библиотеку, которой всю жизнь по праву гордился. Вероятно, в нее входили книги не только по медицине, но и по «тайным наукам», которые в эпоху Возрождения повсеместно входили в моду. Большинство медиков были хотя бы на начальном уровне знакомы с естественными науками, от которых в то время никак не отделялись астрология и алхимия. Если вторая мало интересовала Нострадамуса, то с первой он на долгие годы связал свое имя, поэтому необходимо кратко рассказать о ее развитии.

Учение о связи небесных явлений с событиями на Земле зародилось еще в глубокой древности. Античные мудрецы разделили путь Солнца по небу на 12 созвездий, назвав их «животным кругом» — зодиаком. Главной целью наблюдений за небом были предсказания его влияния на людей. Астрономия, то есть «счет звезд», была на первых порах лишь служанкой астрологии — «звездознания». Почти две тысячи лет эти науки были неразлучны: любой астроном был одновременно и астрологом, начиная с великого Птолемея, составившего во II веке нашей эры не только звездный каталог, но и «Четверокнижие», где речь шла о влиянии небесных явлений на людей — на их здоровье, плодовитость и даже благосостояние. К тому времени любой царь или сановник имел при себе астролога, который давал прогнозы и, конечно, составлял гороскопы. Это греческое слово переводится как «наблюдение за временем» и означает схему взаимного положения светил на определенный момент времени. В натальном гороскопе этот момент связан с рождением человека, в мунданном — с важным событием в жизни страны или всего мира, в хорарном — с любым заданным днем. У этих и других гороскопов разные цели: предсказать всю судьбу человека или ее отдельные моменты, оценить полезность какого-либо поступка, рассчитать «астральную» совместимость с будущей женой или мужем.

Церковь преследовала астрологов, поскольку возможность предвидения будущих событий противоречила ее доктрине, гласящей, что знать будущее может только Бог. В эпоху Ренессанса, когда идейная монополия церкви пошатнулась, астрология пережила второе рождение. А. Пензенский в своей книге о Нострадамусе пишет: «Гуманисты и мыслители в той или иной степени привлекали к формированию своей новой идеологии магическое мировосприятие. Это была „родовая память“ — в прежние времена именно магия позволяла человеку стать свободным. Астрология, как часть магии, с ее системой уникальных, неповторимых гороскопов объективно способствовала вычленению индивидуума в отдельную личность со своими законами развития». Тем, кто удивляется влиянию

астрологических «предрассудков» на самых влиятельных ученых той эпохи, трудно понять, что астрология для них была именно наукой, используя тот же арсенал доказательств и выводов, что химия или математика. Астрологии и магии вообще отдавали дань Леонардо да Винчи, Парацельс, Джордано Бруно, а позже — великий математик Иоганн Кеплер. Последний составил знаменитому полководцу Тридцатилетней войны Альбрехту Валленштейну два гороскопа, в одном и которых предсказал маршалу успех и славу, а во втором — гибель. Беда в том, что новый, исправленный гороскоп не сохранился — до нас дошел только тот, что предрек генералиссимусу успех и, конечно же, повлиял на его поведение… Это типичная ситуация — самые известные предсказания астрологов оказываются сделанными задним числом или, по крайней мере, «подправленными».

Астрология эпохи Возрождения делилась на несколько направлений: юдициарная астрология определяла воздействие светил на людей, естественная — их влияние на земные стихии, сферическая — их взаимодействие друг с другом (из последней в итоге выросла современная астрономия). В свою очередь, юдициарная астрология разделялась на два аспекта. Первый, медицинский, без возражений принимали практически все ученые; он изучал влияние «макрокосма», то есть небесных светил, на «микрокосм» или организм человека, определяя в соответствии с этим причины болезни и способы ее лечения. Эту дисциплину как факультативную изучали на многих медицинских факультетов, и весьма вероятно, что увлечение Нострадамуса астрологией началось именно с нее. Другим аспектом юдициарной астрологии было гадание в попытках узнать будущее, которое серьезные ученые того времени отвергали. Зато его взяли на вооружение многочисленные астрологи-шарлатаны, а также издатели — мало кто знает, что уже в первых газетах XVII печатались астрологические прогнозы. Они вовсю эксплуатировали суеверия людей, жаждущих предвидеть будущее, о чем мудрый Эразм Роттердамский в трактате «О достойном воспитании детей» говорил так: «Едва округляется живот их жен, как они посылают за составителем гороскопов: родители спешат узнать, будет ли их будущее чадо мальчиком или девочкой. Они хотят знать и его судьбу. Если астролог заявил, что, согласно гороскопу, их отпрыск будет удачлив в войнах, они говорят: „Мы его направим к королевскому двору“. Если прочит церковную стезю — „Мы ему подыщем епископство или богатое аббатство; мы сделаем из него прево или настоятеля“».

Высмеивая использование астрологии исключительно для гадания, ученые Возрождения в то же время не отвергали самой

ее способности заглядывать в будущее. Они считали, что развитие Вселенной предопределено божественным замыслом, который запечатлен в движении светил, и способность человека проникнуть в суть этого замысла отнюдь не противоречит ему. Парацельс писал: «Звезды не дают нам ничего, чего мы не согласны принять; они не склоняют нас ни к чему, чего бы мы сами не желали… Нелепо верить, будто звезды повелевают человеком. Все, что могут сделать звезды, можем сделать мы сами, ибо мудрость, получаемая нами от Бога, могущественнее небес и выше звезд»[4]. При этом они отмечали отличие астрологии от других наук в том, что ее методы постижимы только избранным. Например, создатель утопии о Городе Солнца и одновременно адепт магии Томмазо Кампанелла пишет: «Изобретение пороха, огнестрельного оружия и книгопечатания было делом магическим, но сейчас, когда соответствующие им искусства всем известны, они стали вещами тривиальными… То же, с чем имеет дело физика, астрология и религия, в редчайших случаях становится широко известно; недаром в них древние черпали искусство магии»[5]. Многие поклонники астрологии считали ее не наукой, а искусством, что ускорило ее размежевание с естественными науками. Корифеи науки Нового времени Фрэнсис Бэкон и Галилео Галилей требовали изгнать из астрономии ее мистический компонент, оставив лишь то, что проверяется наблюдениями.

Впрочем, неодобрение ученых мало отражалось на популярности астрологии не только в народных массах, но и у аристократии и даже при дворе. С 1451 года астрологи французского короля начали получать ежегодное — и немаленькое — содержание. Астрологом Карла VIII был Симон де Фар, собравший у себя библиотеку уникальных манускриптов на древних языках, включая арабский и древнееврейский. Высокое положение не спасло Фара от церковного суда, в 1493 году обвинившего его в ереси. После года изысканий суд вынес вердикт о том, что так называемая судьба, на которую ссылаются астрологи, изобретена дьяволом, чтобы развращать добрых христиан. Сорок книг из библиотеки Фара были сожжены, а сам он избежал той же участи только благодаря заступничеству знатных клиентов. Надо сказать, что именно в то время в папском Риме процветало увлечение астрологией, о котором живший тогда в Вечном городе Рабле сообщал на родину: «Никогда еще Рим так не предавался гаданиям и прочей суете». Да и французские монархи, несмотря на осуждение Фара, продолжали оплачивать услуги астрологов — уже упомянутая Екатерина Медичи держала при себе сразу нескольких звездочетов-

итальянцев.

Не желая ссориться с церковью, осторожный Нострадамус не называл себя астрологом, предпочитая слово «астрофил» (звездолюб). У такой смены названий была и другая причина: уже в те времена астролог часто ассоциировался с ярмарочным шарлатаном, и те из них, кто ставил свое имя и свой талант достаточно высоко, пытались избежать отождествления с этим скомпрометированным понятием. Слово «астрофил» в те времена употреблялось достаточно широко; им называли себя самые известные астрологи, его употребляет в своем романе тот же Франсуа Рабле. Возможно, примером для Нострадамуса в этом стал немецкий астролог Иоганн Штефлер, ставший знаменитым после своего предсказания в 1523 году. В следующем году ожидался «парад планет» — соединение Юпитера, Сатурна и других планет в знаке Рыб, связанным с водной стихией. По этому поводу Штефлер выпустил предсказание, составленное, как полагается, в весьма туманном стиле, но намекающее на новый всемирный потоп. Когда в назначенный срок катаклизм не наступил, это вызвало новые ожесточенные нападки на астрологию, но на популярности самого Штефлера, как ни странно, не отразилось.

Апокалиптические прогнозы подпитывались грозными событиями в разных странах Европы, включая родной Нострадамусу Прованс. В 1517 году король Франциск I отстранил от должности коннетабля (главнокомандующего) и наместника оккупированного Милана Шарля де Бурбона, попытавшись заодно отобрать его обширные владения. Вступив в тайный сговор с императором Карлом V, Бурбон бежал в Италию и в 1524 году во главе имперской армии вторгся в Прованс. Экс открыл ему свои ворота, он объявил себя графом Прованса, но не сумел взять Марсель и после подхода французских подкреплений покинул провинцию. В следующем году он взял реванш, разбив своего бывшего сюзерена при Павии и взяв его в плен. Тогда же в Провансе вновь появилась чума, пришедшая из соседней Испании. По ряду предположений Нострадамус принял участие в борьбе с ней; во всяком случае, в то время он находился в Нарбонне, Тулузе и Авиньоне, которые пострадали от эпидемии. Возможно, именно после этого он отправился в Монпелье, чтобы изучить медицину и попытаться найти средство борьбы с чумой.

Если так, то его ждало разочарование: ни один самый лучший доктор таких средств не знал. В 1528 году юг Франции снова был охвачен эпидемией, и студенты в страхе покинули Монпелье. Только осенью следующего года Нострадамус вернулся в университет; 3 октября его имя появилось в списке, который

прокуратор медицинского факультета представил на утверждение канцлеру. Туда был вписан *Michaletus de Nostra Domina*, «маленький Мишель де Нотрдам», причем уменьшительная форма говорила не о юности, а об отсутствии научных званий. Любопытно, что в документе, сохранившемся в библиотеке университета, это имя зачеркнуто с пояснением: «Тот, кто здесь записан, был аптекарем. Мы также были уведомлены аптекарем этого города, что он дурно отзывался о докторах. Потому-то я, Гийом Ронделе, как прокуратор студентов, вычеркнул его из реестра». Мы видим, что Нострадамусу вменили в вину попытку стать врачом, будучи аптекарем, — это были разные профессии, которые не должны были отбивать хлеб друг у друга. Помимо этого его обвинили в критике в адрес преподавателей, что вполне возможно, учитывая его язвительный и неуживчивый нрав.

Вероятно, Мишелю удалось оправдаться, поскольку через 20 дней его снова вписали в реестр студентов. После этого он направился к канцлеру, где поклялся, что ему не менее 22 лет, что он исповедует католическую веру и никогда не занимался ручным трудом, как презираемые дипломированными врачами аптекари и фармацевты. Если Нострадамус не соврал, то его обвинили в занятиях аптекарским делом ложно, только из-за того, что он изучал и хорошо знал свойства лекарств. Странно, что его заставили проходить всю процедуру приема в университет, если он прежде уже учился там. Не исключено, конечно, что это была бюрократическая формальность, но есть и другая возможность — пророк, в точном соответствии с его словами, впервые явился в Монпелье только в 1529-м.

О его студенческой жизни мы ничего не знаем, но сохранились воспоминания швейцарского врача Феликса Платтера, который учился в Монпелье в 1552–1556 годах. Он описывал, как студенты выкапывали по ночам трупы на городском кладбище Сен-Дени, чтобы тайно анатомировать их при подготовке к экзамену. Была и другая возможность повысить уровень знаний — снять с виселицы тело казненного, чем тоже занимались студенты, среди которых, вполне возможно, был и Мишель. Упорно занимаясь, он мог пройти трехлетний курс обучения за два года, поскольку уже являлся магистром искусств. Для получения степени лиценциата от него требовалось прочитать товарищам курс публичных лекций, занимающий три месяца. После этого он сдал экзамены, выплатив, как полагалось, каждому из экзаменаторов денежную сумму и угостив их ужином. Через неделю после последнего экзамена он сдал ведущим профессорам университета тест по «строгим пунктам» — толкование самых темных фрагментов древних медицинских

сочинений. После успешной сдачи он еще через неделю отправился во дворец епископа Маглонского, покровителя университета, и получил из его рук свидетельство лиценциата.

Летом 1532 года, уже через год, он стал доктором медицины, хотя обычно это занимало не менее двух лет. Экзамены на докторскую степень состояли из шести испытаний и занимали три полных дня. Одним из испытаний было обсуждение специально написанной работы, посвященной одному из злободневных вопросов медицины.

Доктором становился кандидат, за которого высказались не менее двух третей профессоров. Судя по ускоренному получению Нострадамусом степени, он был в университете на хорошем счету и прошел испытание без проблем. После этого ему вручили атрибуты доктора: черную бархатную шапочку с красной верхушкой, золотое кольцо и расшитый золотом пояс. Прочитав торжественную клятву Гиппократа, молодой врач отправился вместе с экзаменаторами отмечать событие в лучшую таверну Монпелье. После этого он поспешил покинуть город — найти работу там, где жили лучшие врачи Южной Франции, было нереально, и он отправился в Тулузу, где бывал уже не раз. Столица Лангедока, отстроенная из красного кирпича после недавнего пожара, встретила гостя дымом костров. Местные буржуа, преданные католической вере, сжигали еретиков, включая профессора права местного университета Жана Катюрса, знакомого Нострадамуса и Рабле. Последний писал в романе, что его Пантагрюэль заглянул в Тулузу, но «едва он увидел, что студенты живьем поджаривают своих профессоров, точно это копченые сельди, то не стал там долее задерживаться».

Мишель поступил так же, но успел издать в городе свое первое дошедшее до нас сочинение — «Парафраза Галенова увещевания Менодота в изучении изящных искусств, а также медицины». Эта небольшая книжка представляет собой перевод греческого сочинения, приписанного Галену и посвященного полезности изучения медицины. По-видимому, Нострадамус перевел ее не с греческого, которого толком не знал, а с латинского перевода Эразма Роттердамского, сделанного незадолго до этого. В книге интересно только то, что она написана в тяжеловесном, но вполне качественном ренессансном стиле, выдающем в авторе если не талантливого медика, то перспективного литератора. Скорее всего, она представляет собой докторскую диссертацию Нострадамуса, поскольку в предисловии он хвалит «ученейших» врачей из университета Монпелье. Он также воспользовался случаем, чтобы поблагодарить за советы своего брата Жана, который в то время уже занялся

краеведческими изысканиями.

Там же, в Тулузе, молодой врач получил письмо от прославленного Жюля Сезара Скалигера — ученого-гуманиста, поэта и врача. Итальянец Джулио Бордоне в молодости перебрался во Францию, где взял фамилию Скалигер (по-французски — Лескаль) в честь своих дальних родственников, правителей Вероны. Прославившись как знаток и комментатор античных текстов, он поселился в Ажене недалеко от Тулузы и взял в жены юную дочь купца, родившую ему восемь детей. Один из сыновей, Жозеф Скалигер, тоже стал знаменитым ученым, основателем современной научной хронологии. Скалигер-старший особенно прославился своей полемикой со знаменитым Эразмом Роттердамским, резко раскритиковав его латинский перевод Нового Завета. Среди множества его увлечений была и астрология, однако Нострадамус еще ничем не проявил себя в этой области. Вероятно, итальянец был наслышан о его успехах в медицине, поэтому и пригласил в Ажен, обещая устроить там на работу. Как и все ренессансные ученые, он был заинтересован в молодых талантливых учениках, которые продвигали бы его идеи и прославляли бы его имя на новой родине.

Мишель охотно принял предложение мэтра, получив в Ажене медицинскую практику. Вскоре он женился на дочери одного из пациентов, — по словам Шавиньи, «достойной и очень красивой девушке». Ее имя точно неизвестно, хотя, по словам аббата Торне-Шавиньи, еще одного биографа Нострадамуса, ее звали Анриетта (или Андиетта) д'Энкосс. Теперь у него был уютный дом, где по выходным они с женой принимали Скалигера и его ученых друзей. Мишель особенно сдружился с профессором Филибером Саразеном, который принадлежал к числу лютеран. Учение Лютера лишь недавно стало известно во Франции, его еще не воспринимали как угрозу существующему порядку, и его сторонники могли жить спокойно, не скрывая своих взглядов. Сохранился анекдот, согласно которому Скали-гер и Нострадамус однажды собрались покинуть Ажен, и городские власти, не желая допустить этого, предложили им богатые подарки. Двое ученых отказались, заявив, что дары лучше раздать беднякам и инвалидам. Тогда восхищенные таким великодушием горожане пронесли их по улицам на руках.

Это сомнительно, учитывая, что Скалигер никогда не был великодушен — его отличали мелочность, зависть и вспыльчивый, нетерпимый характер. Через несколько лет после появления Нострадамуса в Ажене итальянец вдруг начал относиться к нему враждебно. Скорее всего, причиной была его растущая известность и популярность у горожан. Уже не раз

Скалигер рвал из-за этого отношения со своими друзьями или коллегами, осыпая их оскорблениями и распуская порочащие их слухи. Франсуа Рабле говорил о нем: «Я хорошо знаю этого человека и все время жду, когда он оскорбит и меня». Но, возможно, у ссоры была другая причина — слишком уж внезапно она возникла, да и известность Нострадамуса была явно невелика. Быть может, ревнивому итальянцу показалось, что Мишель ухаживает за его молодой женой, которую тоже звали Андиетта. Как бы то ни было, с тех пор Скалигер до самой смерти в 1558 году сохранял враждебность к бывшему ученику. Когда тот стал знаменит на всю Европу, он язвил его злобными антисемитскими эпиграммами, балансирующими на грани откровенного доноса. Нострадамус не отвечал тем же — напротив, в 1552 году он называл бывшего учителя «человеком сведущим и ученым… одним словом, личностью, которую можно сравнить разве что с Плутархом или Марком Варроном».

От ссор и тревог он отдыхал дома, в обществе Анриетты, родившей ему двоих детей — мальчика и девочку. Горожане не отвернулись от своего доктора, число его клиентов росло, и почти ежедневно он, усевшись на мула, отправлялся с визитами к больным в Ажене и его окрестностях. В феврале 1538 года Скалигер снова доставил ему неприятности: из-за него Нострадамус попал под подозрение инквизиции. Услышав о появлении в городе лютеран, инквизиция Тулузы отправила в Ажен свое доверенное лицо — монаха-доминиканца Луи де Роше по прозвищу Рошето. Первым делом он собрал горожан в церкви и призвал их доносить на своих соседей и родственников, приверженных ереси. Как обычно, доносчиков нашлось немало, и первыми их жертвами стали ученые, чьи непонятные дела и интересы были подозрительны черни. Сначала попал под подозрение иноземец Скалигер, потом дознаватели занялись кругом его знакомых и единомышленников.

Среди прочих в местном архиве сохранился донос на Нострадамуса — его написали трое монахов, сообщившие, что в первые годы пребывания в Ажене доктор в их присутствии оскорблял образы Христа и святых. По их словам, однажды на рынке у стен монастыря августинцев один из монахов отливал из свинца фигурки Богоматери и тут же продавал их собравшимся. Увидев это, Нострадамус начал возмущаться и говорить, что монах поощряет идолопоклонство. В другой раз он будто бы заявил, что нужно выкинуть из храмов все иконы и статуи святых. Такая точка зрения была обычной для лютеран, и ее разделяла немалая часть французских интеллектуалов — во всяком случае, пока им за это ничего не грозило. Но со временем власть и

церковь, осознав исходившую от протестантов опасность, стали относиться к ним гораздо суровее, и Нострадамусу грозила серьезная опасность. Еще хуже пришлось Филиберу Саразену, который открыто проповедовал лютеранские идеи. Инквизитор Рошето отдал приказ о его аресте, но профессор, предупрежденный друзьями, успел сбежать.

Нострадамус тоже получил вызов на допрос, но эту беду заслонила другая, куда более страшная — в одночасье он лишился жены и детей. Что с ними случилось, сказать трудно. Большинство авторов обвиняет чуму, хотя в окрестностях Тулузы в том году ее случаев не отмечалось. Но чумой *(peste)* в то время могли называть любую инфекционную болезнь, даже грипп. Торне-Шавиньи упоминает не дошедшие до нас документы, согласно которым после смерти Анриетты ее родители через суд потребовали у Мишеля возврата приданого, обвинив его в том, что он, опытный вроде бы врач, не сумел вылечить их дочь и внуков. Раздавленный горем Нострадамус, которому угрожали разорение, тюрьма, а то и костер инквизиции, предпочел бросить все свое имущество и покинуть город, куда больше никогда не приезжал.

В его жизни наступил второй период скитаний, продолжавшийся без малого шесть лет. О нем мы знаем значительно больше, чем о первом: пророк посетил многие города Франции, Италии и Германии, хотя сам упоминал только о том, что занимался врачеванием в таких французских городах, как Бордо, Тулуза, Нарбонн и Каркассон. Судя по всему, из Ажена он отправился в Тулузу, но вскоре перебрался в Бордо, где, как сказано в «Книжице», однажды выступил экспертом в споре о подлинности двух кусков амбры, доставленных для продажи в аптеку Бодона. Принесший его крестьянин рассказал, что на его глазах лисица проглотила один из кусков и тут же исторгла его сзади. По этому признаку, упомянутому кем-то из древних авторов, Нострадамус догадался, что речь идет именно об амбре — окаменевших выделениях кишечника кашалота, высоко ценимых парфюмерами.

Из Бордо он отправился в Каркассон, а потом двинулся вверх по течению Роны, посетив Баланс, Лион и Вьенн. Следуя дальше на север, он попал в Лотарингию, где провел несколько лет. Один из его ранних биографов, Этьен Жобер, рассказывает анекдот о его визите в лотарингский город Бар-ле-Дюк. Приехав лечить бабушку одного из местных дворян, месье де Флоренвиля, он шел вместе с ним по двору замка, где увидел двух поросят — черного и белого. Зная о его пророческом даре, Флоренвиль спросил, что будет с этими поросятами, и Нострадамус ответил: «Мы съедим

черного, а белого съест волк». Желая уличить его во лжи, владелец замка приказал зажарить и подать к ужину белого поросенка, но когда повар собирался его готовить, в кухню вбежал волк и унес поросенка. Чтобы скрыть свою небрежность, повар зажарил черного поросенка и подал его на стол. Не зная этого, Флоренвиль среди ужина ехидно сказал Нострадамусу, что он ест белого поросенка, но тот спокойно ответил: «Не верю». Чтобы рассудить спор, вызвали повара, и он признался в обмане. Легко понять, что перед нами легенда — хотя бы потому, что в те годы Нострадамус был практикующим врачом, не занимавшимся предсказаниями и, конечно, никому не известным в этом качестве.

Около 1543 года он написал вторую из своих сохранившихся работ — «Перевод „Иероглифики“ Гораполлона».

Это сочинение, приписываемое египетскому жрецу IV века нашей эры, истолковывает иероглифы как символические картинки; поверив ему, европейские эрудиты вплоть до XIX века сочиняли глубокомысленные — и совершенно неверные — толкования древнеегипетских знаков. Предполагалось, что эти письмена скрывают в себе тайные знания, поэтому интерес к ним был особенно велик в среде мистиков и астрологов. Он особенно обострился после того, как известный флорентийский гуманист Марсилио Фичино перевел на латынь Герметический свод — сборник мистических трактатов, якобы дарованных человечеству в незапамятной древности египетским богом Тотом, которого греки переименовали в Гермеса Трисмегиста (Триждывеличайшего). «Герметическая» мудрость питает вдохновение оккультистов до сих пор, хотя она имеет античное происхождение и мало соотносится с подлинной традицией Древнего Египта.

В 1505 году в Италии был переведен на латынь и трактат Гораполлона — это издание, очевидно, и использовал Нострадамус. Поскольку жрец объяснял аллегорический смысл иероглифов ссылками на волшебные свойства изображаемых ими животных и растений, переводчик в предисловии обильно дополнил эти свойства данными Плиния и Аристотеля. Вслед за автором он полагал, что иероглиф с изображением змея-василиска означал ход времени, которое, подобно василиску, несет всем погибель; что знак ястреба обозначал божество, «поскольку ястреб по своей природе превосходит любую птицу»; что два ястреба — «птицы, ненасытные в любви» — обозначали Марса и Венеру, и так далее.

Гермес Трисмегист. Старинная гравюра

Текст книги состоит из отдельных эпиграмм, написанных нерифмованным стихом. Приведем для примера одну из них в переводе А. Пензенского:

Изобразить луну желая или письма,
Весь круг земной, иль плаванье, иль гнев,
Или жрецов священного Египта,
Или вращение земли желая показать —

Рисуют бабуина, что привязан нежно
К ночному божеству златой луны.
Когда луна темнеет, приближаясь к солнцу,
То бабуин-самец не ест, не спит, не пьет.
В печаль впадая, радость забывает,
Склонив глаза к земле, оплакивает он,
Все, что с луной должно свершиться,
Которой нет прекрасней и не может быть…

Сравним текст Нострадамуса с оригиналом сочинения Гораполлона (перевод с древнегреческого А. Алексаняна):

«Изображая луну, вселенную, письмена, жреца, гнев или плавание, рисуют павиана. Луну — потому что это животное обладает неким тяготением к божеству. Ибо когда в определенное время луна, сближаясь с солнцем, делается неосвещенной, то самец павиана не видит, не ест, опускается наземь, как будто бы скорбя о похищении луны, а самка, так же ничего не видя и страдая вместе с самцом, еще и изливает кровь из своего естества; посему в храмах и по сей день содержатся павианы, так как по ним узнается время приближения луны к солнцу».

Легко убедиться, что при большой точности перевода Нострадамус усиливает его поэтическое звучание, вольно или невольно подражая образцам ренессансной поэзии. Во Франции эта поэзия лишь недавно нашла отражение в творчестве Клемана Маро и Мориса Шева, испытавших влияние Франческо Петрарки и его наследников-петраркистов. Прошло еще 10 лет, прежде чем она мощно расцвела в творчестве поэтов «Плеяды», в первую очередь Пьера Ронсара и Жоашена дю Белле. Нострадамус, годившийся им в отцы, во многом предварил их поэтические находки, хотя говорить о его влиянии на французскую словесность можно с большой осторожностью. Избранный им стиль, характерный для жанра пророчеств с его тяжеловесностью, архаикой, затемненностью смысла, мешал восприятию его произведений как явлений литературы. Они влияли на современников не в стилевом, а скорее уж в смысловом отношении: навеянные ими образы грозных катаклизмов, войн и переворотов отражаются во многих классических произведениях — от «Гаргантюа и Пантагрюэля» до «Властелина колец».

Впрочем, в переводе «Иероглифики» стиль Нострадамуса еще не отточен — он только примеривался к литературному творчеству, продолжая исполнять обязанности врача. Перевод остался неопубликованным, поскольку его автора отвлекли события, потрясшие весь Прованс. Осенью 1544 года обильные

дожди вызвали в крае разливы рек и наводнения. Были затоплены сотни гектаров полей, улицы Авиньона и Арля превратились в реки, по которым плавали гробы с размытых кладбищ. Миазмы, исходящие от трупов людей и утонувших животных, привели к новой, самой страшной за сотню лет эпидемии чумы. Болезнь распространялась молниеносно — достаточно было коснуться больного или принадлежащей ему одежды. Она начиналась с легкого озноба, за которым следовали жар, воспаление горла, затрудненное дыхание. Затем больной начинал мучительно кашлять, его рвало кровью и желчью до полного истощения. Одной из форм чумы была бубонная, при которой под мышками и в паху вздувались нарывы. Частым симптомом было помрачение сознания из-за воспаления мозговых оболочек. Одни больные впадали в оцепенение, другие метались в приступах ярости. У тех и других смерть наступала в течение недели, хотя были случаи молниеносной кончины в течение суток.

В эпоху Возрождения чума была не такой смертоносной, как «черная смерть» XIV века, — она убивала от 10 до 20 % населения зараженных мест. При этом частота ее появления неуклонно росла — раз в 10–15 лет. Росла и решимость медиков и городских властей противостоять болезни. Главным способом борьбы по-прежнему была изоляция зараженных районов. Когда где-то появлялась чума, соседние города выставляли на воротах стражу, которая задерживала беглецов. Правда, эта мера редко была действенной — голодные и отчаявшиеся люди все равно проникали внутрь. В пораженных болезнью городах дома больных нередко заколачивались, даже если там заболели не все, а после их сжигали вместе с живыми и мертвыми людьми. Иногда больных свозили в госпиталь или просто в сарай на окраине города, который впоследствии тоже сжигали. Чуму по-прежнему считали Божьей карой, поэтому для спасения от нее устраивались крестные ходы и молебны защитникам от чумы — Богоматери, святому Себастьяну и святому Роху. В этих церемониях участвовали как здоровые, так и больные, что конечно же способствовало распространению болезни. Еще одним, притом самым действенным способом лечения оставалось бегство, но если спасающиеся от эпидемии люди успевали заразиться, они гарантированно приносили чуму в новые регионы.

Пытаясь бороться с эпидемиями, медики одновременно искали причины их возникновения. Уже упоминаемое учение Джироламо Фракасторо о «контагиях» — болезнетворных частицах — видело причину их распространения в воздействии небесных светил: «Сами по себе светила могут согревать землю, а согревание вызывает обильные испарения из воды и из земли, что

производит разнообразное разложение, то обычное, то новое, более обширное, смотря по сочетанию светил». Поэтому считалось, что астрологи, наблюдая за положением светил, могут предсказать эпидемии чумы и рекомендовать меры по ее лечению. Еще во времена «черной смерти» XIV столетия медики Парижского университета выпустили пространный отчет, в котором говорилось: «Мы думаем, что небесные светила, вспомоществуемые природой, делают усилия в своем небесном могуществе для покровительства человеческому роду и для исцеления его болезней и, вместе с солнцем, для проникания силою огня, через густоту тумана в продолжение десяти дней и до 17-го числа ближайшего месяца июля. Этот туман превратится в гнилой дождь, падение которого очистит воздух; тотчас как гром или град возвестит его, каждый должен остерегаться этого дождя, зажигая костры из виноградных ветвей, лаврового или другого зеленого дерева; равно пусть жгут в больших количествах полынь и ромашку на общественных площадях и в местах многолюдных… Пусть употребляют мясо животных, одаренных натурой горячей и сухой, но не горячащей, не раздражающей. Мы рекомендуем приправы с толченым перцем, корицу и пряности, особенно лицам, которые привыкли ужинать немного и отборными блюдами; спать днем вредно; пусть сон продолжается только до восхода солнца или немножко позже. Пусть мало пьют за завтраком, ужинают в 11 часов и могут во время стола пить немножко больше, чем утром; пусть пьют вино чистое и легкое, смешанное с шестою частью воды; фрукты сухие и свежие, употребляемые с вином, не вредны, без вина же они могут быть опасны»[6].

Гнилостные испарения медицина XVI века считала главной причиной чумы, хотя суеверия предыдущих веков знали и другую причину — происки дьявола, который использовал как своих агентов ведьм, колдунов и иноверцев, главным образом евреев. Ходили слухи, что евреи делают из чумных бубонов умерших снадобье, которым мажут дверные ручки, скамьи в церкви, замки, отравляют колодцы, чтобы болезнь распространялась как можно шире. В зараженных городах нередко совершались погромы, хотя было очевидно, что евреи тоже умирают от чумы. Было и немало самосудов над мнимыми ведьмами, которых тоже считали «сеятелями чумы», хотя церковь официально отвергала подобные представления. Под подозрение попадал любой человек, замеченный в зараженном районе. Есть версия, что слухи о «сеятелях» распускали в первую очередь мародеры, заинтересованные в том, чтобы спокойно, без свидетелей выносить имущество из кварталов, где свирепствовала чума. Эти

вещи они продавали, что, конечно же, тоже способствовало распространению эпидемии.

В борьбе с чумой врачи использовали привычные средства — кровопускание и прижигание больных мест, прежде всего бубонов под мышками. На раннем этапе заболевания это действительно могло помочь, если только зараженный чумой человек не умирал от болевого шока. Другим способом было обеззараживание воздуха, о чем Фракасторо писал: «Следует опасаться воздуха, который окружает больного. Поэтому следует открывать окна и двери, особенно обращенные на север, а вокруг больного должны быть пахучие и холодные цветы и плоды: розы, волчьи ягоды, ненюфары, фиалки, тыквы, персики; кроме того, следует делать окуривания из розовой воды, камфоры и гвоздики… Для того чтобы вдыхаемый воздух входил более чистым, всегда держи во рту или зерна можжевельника, или корень горечавки, или корицу, или лимонное семя. Следует также смазывать ноздри губкой, пропитанной уксусом или розовой водой»[7].

Зараженные дома окуривали дымом душистых трав или просто сена, политого вином и уксусом, опрыскивали розовой водой с гем же уксусом. Уксус как средство, препятствующее гниению, рекомендовалось употреблять с пищей, как и другие обеззараживающие продукты — лук и чеснок. На полном серьезе считалось полезным носить драгоценности, охраняющие от яда — изумруд, бирюзу и аметист. Сами врачи, чтобы защититься от чумы, носили знаменитые балахоны из непромокаемой ткани, шляпы с защитными очками и накладные носы-респираторы с ароматическими веществами. Хотя этот костюм считают средневековым, он впервые появился именно в эпоху Возрождения. Чтобы сообщить о своем появлении, врачи привязывали к ногам бубенцы или несли в руках трещотку; по этому сигналу жители зараженных районов должны были выносить больных во двор, чтобы доктор мог осмотреть их. Тех, кому уже нельзя было помочь, забирала похоронная телега, объезжавшая город на рассвете. Тела хоронили в братских могилах, пересыпая негашеной известью, чтобы предотвратить дальнейшее распространение заразы. Часто население скрывало больных от врачей или вообще прогоняло их; самые темные считали, что именно врачи разносят чуму (в России так думали еще в XVIII веке), другие боялись, что их заболевших родственников увезут и похоронят живьем.

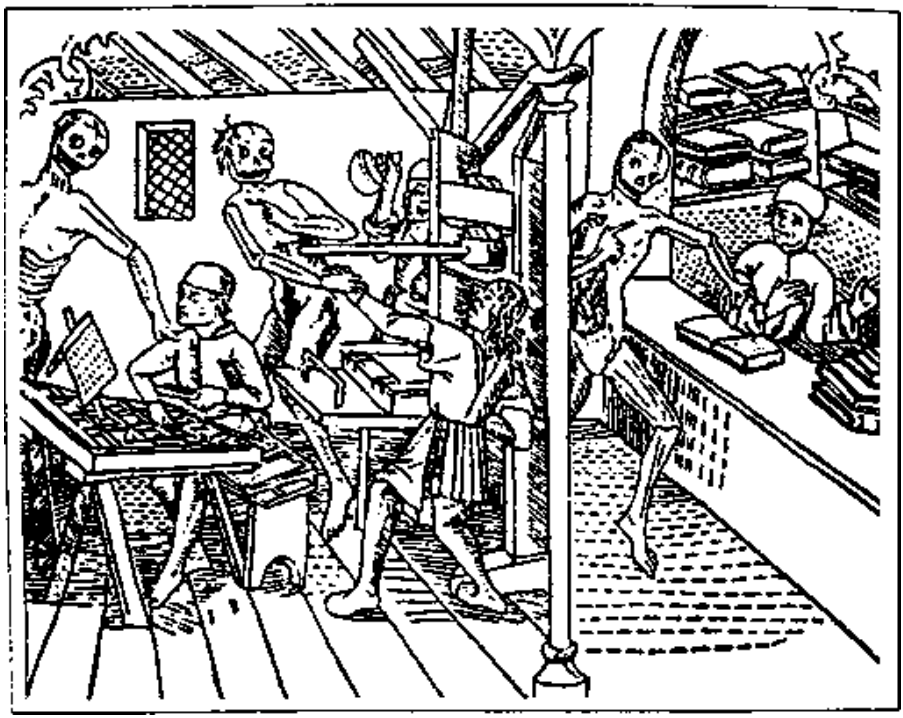
В конце 1544 года чума пришла в Марсель, где в то время находился Нострадамус, прибывший из Лотарингии. Он активно включился в борьбу с эпидемией под руководством местного врача Луи Серра, о котором позже отзывался весьма лестно.

Остальные марсельские эскулапы такой похвалы не удостоились — он в сердцах назвал их «худшими в королевстве», поскольку они не поддержали его способы профилактики чумы. Очевидно, в следующем году, когда болезнь пошла на убыль, доктор покинул Марсель. Весной 1546 года новый натиск чумы застал его в провансальской столице Эксе. Этот город, как и Марсель, славился своей антисанитарией — мусор и отбросы здесь выкидывали прямо на улицу, в них копошились полчища крыс — главных разносчиков чумы. Когда началась эпидемия, местные врачи умерли или бежали, и муниципалитет пригласил медиков из других городов. Нострадамус, находившийся в то время в Авиньоне, откликнулся на призыв одним из первых.

В своей «Книжице» он так описывал события в Эксе:

«Чума… началась в последний день мая и продолжалась целых девять месяцев, когда люди умирали все подряд, всех возрастов, в таких количествах, что кладбища оказались сплошь заполнены мертвецами, и не находилось более освященной земли, чтобы их хоронить. Большая часть на второй день впадала в лихорадку; на тех, кто впал в лихорадку, появлялись пятна, а те, на ком они появлялись, скоропостижно умирали. После смерти каждый был покрыт черными пятнами. Контагий был столь силен и зловреден, что было достаточно приблизиться менее чем на пять шагов к зачумленному, чтобы каждый, кто это сделал, оказался пораженным. И на многих появлялись язвы, спереди и сзади; и они не жили более шести дней. Кровопускания и укрепляющие лекарства оказывались неэффективными. Когда проводили осмотр города и удаляли из него зачумленных, на другое утро их было еще больше, чем накануне… Многие, запятнанные чумой, кидались в колодцы; иные выбрасывались из своих окон. Другие, у кого были язвы сзади плеча и спереди грудной железы, испытывали носовое кровотечение, которое продолжалось и ночью и днем, пока они не умирали. Короче говоря, отчаяние было столь велико, что часто умирали в отсутствие стакана воды, с серебром и золотом в руках… Среди всех достопамятных событий, которые я видел, была женщина, которая звала меня из окна. Я разглядел, что она в одиночестве шила себе саван, начиная с ног. Подошла санитарная команда. Я пожелал войти в дом этой женщины и нашел ее лежащей мертвой посреди дома, рядом со своей наполовину сшитой плащаницей»[8].

Нострадамус изобрел снадобье, которое, по его словам, сумело остановить распространение чумы. Вот его рецепт из той же «Книжицы»: «Возьмите… опилки кипариса самого зеленого, какой только сможете найти — одну унцию.



„Пляски смерти“: чума поражает типографских работников. Гравюра XVI в.

Флорентийского ириса — шесть унций. Гвоздики — три унции. Ароматического тростника — три драхмы. Алоэ — шесть драхм. Разотрите все это в порошок и позаботьтесь о том, чтобы оно не выветрилось. Затем возьмите красные зрелые розы, три или четыре сотни, хорошо очищенные, самые свежие и собранные до росы, тщательно разотрите их и смешайте с полученным порошком. Когда все хорошо перемешается, изготовьте из этого маленькие плоские шарики, сделайте из них род пилюль с отверстиями посредине и высушите в тени… Все, кто этим пользовались, спасались, и наоборот». Шарики полагалось постоянно держать во рту во избежание заражения; в этом лекарстве не было ничего нового в сравнении со средствами, рекомендуемыми тем же Фракасторо. Вероятно, оно мало помогало борьбе с болезнью — как, впрочем, и все меры до изобретения в XIX веке противочумной сыворотки. Часто утверждается, что Нострадамус впервые внедрил нормы гигиены — к примеру, велел врачам и всем прочим после контакта с больными мыть руки и менять одежду. В документах об этом ничего не сказано, хотя такая мера наверняка была бы полезна.

Как бы то ни было, именно в Эксе Нострадамус заслужил

славу успешного борца с чумой. Причины заключались не в успешности этой борьбы, а в решительности мер доктора и в бесстрашии, с которым он посещал больных, раздавая им свои пилюли. Городские власти взяли его на содержание, которое продолжали выплачивать и после того, как чума пошла на убыль, — это случилось в феврале 1546 года. Есть версия, что муниципалитет Экса платил ему пожизненную пенсию, но доказательств этому нет; более вероятно, что он, как утверждает Шавиньи, получал жалованье всего три года. Летом 1547 года он боролся с новой вспышкой чумы, на этот раз в Лионе, где его соратником был давний знакомый Филибер Саразен. В «Книжице» Нострадамус пишет, что Саразен научил его «первичным устоям». Если речь идет о медицине, то к моменту их встречи Мишель был уже достаточно опытным врачом. Если о религии — то он при всем сочувствии протестантам никогда не порывал с католичеством. Возможно, он говорит об астрологии — Саразен, как и весь круг Скалигера, живо интересовался этой наукой, и Нострадамус мог многому у него научиться. Их общение было недолгим: вскоре доктор-лютеранин бежал от преследований инквизиции в протестантскую Швейцарию, где прожил до самой смерти в 1573 году.

Чума в Лионе скоро прекратилась, а осенью Мишель принял судьбоносное решение — прекратить жизнь странствующего доктора, которую вел уже десять лет. Ему было за сорок, по тем временам весьма почтенный возраст, хотелось на склоне лет получить то, чего он долго был лишен — дом, семью, достаток. Скромный образ жизни и привычка к экономии позволили ему скопить скромную сумму, но она не могла обеспечить старость. Вероятно, немало средств было потрачено на эксперименты с лекарствами, покупку дорогостоящих ингредиентов и книг, которые оставались его страстью. Много лет он питал надежды на отцовское наследство — Жом де Нотрдам окончил жизнь богачом, владея несколькими домами в Сен-Реми и круглой суммой денег. На рубеже 1546 и 1547 годов Мишель получил известие о смерти отца и оглашении завещания, в соответствии с которым наследство делилось между остальными братьями, а ему досталось только пять флоринов — как уже говорилось, в компенсацию средств, потраченных на его образование. Между тем приближалось время, когда возраст должен был помешать ему работать — в жару и холод разъезжать на муле, навещая больных, писать рецепты при тусклом свете свечей… После сорока многие доктора бросали практику и шли преподавать в университет, но его эта стезя не привлекала. Возможно, он боялся противодействия медицинского сообщества, которое не раз

критиковал, или инквизиции, так и не снявшей с него подозрения в ереси.

Расставаясь с привычной жизнью, он решил осесть в тихом сонном городке, где цены ниже, а бдительность борцов с еретиками не так велика. Выбор нашелся сам — маленький городок Салон-де-Кро между Эксом и Марселем, на пустоши недалеко от моря. Свое название он получил от латинского *salis* — когда-то здесь добывалась соль, но в Новое время скромное процветание городу обеспечивало производство мыла. В XVI веке там проживало всего 3000 человек, а сегодня город, переименованный в Салон-де-Прованс, населяют 40 тысяч жителей. Брат Мишеля Бертран женился на девушке из этого города, Томине Ру, которая и посоветовала свояку поселиться в Салоне. Она же, вероятно, познакомила его с молодой вдовой Анной Понсар по прозвищу Жемелль («близняшка»). Анна была моложе Нострадамуса почти на 20 лет; ее первый муж, адвокат Жан Бом, умер от чумы, поразившей город в предыдущем году. Их дети, если они были, тоже умерли, как и немалое число горожан. Городские власти остро нуждались в докторе и были рады, узнав, что у них намерен поселиться знаменитый борец с чумой.

Конечно, вначале ни о какой любви между Мишелем и Анной не было и речи, просто Нострадамусу требовалась «тихая гавань», а потерявшей мужа женщине — утешение и поддержка, прежде всего материальная. 11 ноября 1547 года городской нотариус оформил между ними брачный договор, который вскоре был скреплен венчанием в церкви. Брак по расчету, как часто бывает, оказался удачным: Анна была миловидной и здоровой, судя по тому, что сумела родить Нострадамусу шестерых детей. Она глубоко уважала своего мужа, не вмешивалась в его дела и не ругала за авантюры, которых в его жизни было немало. Он, в свою очередь, окружал ее в меру сил любовью и заботой, что видно по завещанию — «возлюбленной жене» он оставил всю обстановку дома и попросил ее распоряжаться наследством до совершеннолетия детей, не раз подчеркнув, что испытывает к ней «полное доверие». Ничего, кроме этого, об их отношениях мы не знаем, и домыслы о том, что Анна помогала или, напротив, мешала мужу в его ученых занятиях, остаются на совести новейших толкователей.

С годами их отношения не испытали охлаждения, судя хотя бы по тому, что до последних лет жизни Нострадамуса его семья продолжала пополняться. Его старшая дочь Мадлен появилась на свет в 1551 году, а три года спустя родился первый сын Сезар, ставший историком и биографом отца. За ним последовали Шарль, известный в Провансе поэт, Андре, сделавший карьеру в

армии, а позже ушедший в монахи, и Анна, вышедшая за богатого дворянина. В 1561 году родилась последняя дочь Диана, ставшая монахиней. То, что двое из шести детей избрали духовную карьеру, говорило о том, что в доме царила обстановка католического благочестия без каких-либо примесей иудаизма либо протестанства. Анна, пережившая мужа на 16 лет, скончалась в 1582 году, все годы преданно ухаживая за могилой мужа. Получив хорошее наследство, она могла снова вступить в брак (завещание Нострадамуса предусматривало такую возможность), но не сделала этого, что тоже немало говорит об их отношениях.

Мы не знаем, где жила Анна Понсар до заключения брака. Возможно, родственники ее покойного мужа забрали их дом, как это случилось с домом Нострадамуса в Ажене, а может, она не хотела там жить из-за тяжелых воспоминаний. Во всяком случае, сразу после свадьбы Мишель купил в самом центре города, у подножия замка Шато д' Эмери, большой трехэтажный дом на улице, носящей сейчас его имя. Его накоплений с трудом хватило на дом и обстановку; не исключено, что жене пришлось добавить свое приданое. Как обычно, на первом этаже располагались столовая и кухня, на втором — спальни домочадцев. На третьем этаже, а точнее, в мансарде под самой крышей, хозяин дома устроил обсерваторию и рабочий кабинет, где и были написаны его знаменитые труды. В прихожей дома располагалась лавка, где Нострадамус или нанятый им человек продавали изготовленные по собственным рецептам мази и притирания. Но не лекарства — как мы уже знаем, врачам строго запрещалось заниматься аптекарским ремеслом. В первые годы Мишель еще работал врачом, хотя предпочитал не ездить к больным, а принимать их у себя. Потом все более частые приступы подагры прервали его практику, и примерно с 1554 года он окончательно забросил прежнюю профессию.

«Охота к перемене мест» покинула его не сразу. Прожив в Салоне всего год, он отправился в Италию, где как раз находился его давний знакомый Франсуа Рабле — секретарь французского посла в Риме кардинала Жана дю Белле. По упорным слухам, автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» играл в Италии роль французского разведчика, выяснявшего перспективы нового вторжения королевских войск. Быть может, Нострадамус помогал ему, хотя о своем пребывании в Риме он упоминает только мельком. Осенью 1548 года он посетил Венецию и Падую, потом отправился в ломбардский городок Савона, где совместно с аптекарем Антонио Вигерчо изобрел чудесную мазь для выведения веснушек. По его уверениям, в Италии эта мазь имела

большой успех, но во Францию он ее почему-то не привез. Там же, в Савоне, он якобы встретил на улице скромного монаха по имени Феликс Перетти и предсказал, что тот станет папой. В 1585 году Перетти и правда стал папой Сикстом V, но легенда о предсказании была записана лишь много лет спустя, что ставит ее правдивость под большое сомнение.

Весной следующего, 1549 года Нострадамус посетил Милан, потом Геную и в конце лета вернулся в Салон. После этого он покидал город очень редко и неохотно, целиком посвятив себя делу, которое принесло ему славу куда более громкую, чем врачебное искусство или писательский талант.

Звездные знаки

Как уже говорилось, заниматься врачебным ремеслом Нострадамус больше не мог в силу возраста. Можно было открыть аптеку, но это означало для него понижение статуса и презрение прежних коллег. Преподавать медицину, не уезжая из Салона, он тоже не мог. Оставалось одно, чем он прежде не занимался, но был неплохо к нему подготовлен — составление астрологических предсказаний.

В середине XVI века такие предсказания заполонили европейский книжный рынок. Обычно они издавались в форме альманахов (от арабского «аль-мана», календарь), то есть ежегодных выпусков объемом 10–20 страниц, в которых умещались календарь церковных праздников, полезные советы и предсказания на самые разные темы — политика, войны, погода, виды на урожай. Все это перемежалось цитатами из Библии и античных мудрецов, хотя альманахи, предназначенные для широкой публики, чаще всего печатались не на латыни, а на французском, немецком, итальянском и так далее. Их тираж составлял 5, 10, а то и 20 тысяч экземпляров — очень много по тем временам, когда до 90 % населения Европы было неграмотно. Эти дешевые брошюрки на плохой бумаге продавались в книжных лавках, но чаще — на ярмарках, где бродячие торговцы, как позже газетчики, выкрикивали самые скандальные предсказания, завлекая публику.

В то неторопливое время альманахи на какой-либо год сочинялись весной предыдущего года. Потом они отправлялись в набор, который обычно проводился на слух: один из работников типографии зачитывал рукопись вслух, а остальные составляли ее текст из металлических литер и вставляли его в рамку, с которой делался оттиск. При таком методе неизбежно появлялись опечатки, из-за которых многие слова в изданиях Нострадамуса почти невозможно понять. Власти повсюду стремились ограничить книгопечатание; в 1534 году король Франциск I даже попытался запретить все типографии, кроме дворцовой, но потерпел неудачу. Тем не менее все книги подвергались цензуре и могли выйти только при наличии официальной привилегии — разрешения на издание. Оно выдавалось осенью, а в ноябре в Лионе — столице французского книгопечатания — проходила большая ярмарка, на которой закупали товар все книжные лавки. К этому сроку альманахи должны были выйти из типографии, что заставляло издателей спешить и еще больше увеличивало число опечаток. Еще одной проблемой были подделки: ради прибыли

многие владельцы типографий выпускали пиратские издания известных авторов. Нострадамус не был исключением, причем его не только переиздавали без разрешения, но и приписывали ему предсказания других авторов, часто нелепые и безграмотные, что вызывало его гнев.

Франсуа Рабле, сам пытавшийся сочинять астрологические альманахи, в 1533 году выпустил пародию на них — «Пантагрюэлево предсказание», где, в частности, говорилось:

«В этом году слепцы почти не будут видеть, глухие будут плоховато слышать, немые будут не особо разговорчивыми, богачи будут чувствовать себя чуть лучше бедняков, а здоровые — лучше больных. Многие бараны, быки, свиньи, гуси, куры и утки умрут. Среди обезьян и верблюдов смертность будет не такой жестокой. В этом году старость будет неизлечимой — вследствие ушедших лет… Благородное Французское королевство пребудет в процветании и торжестве со всеми радостями и удовольствиями, да такими, что чужеземные народы добровольно отойдут подальше. Будут пирушки, милые утехи, тысячи озорных проделок, в которых каждый найдет удовольствие. Невиданное количество вин и лакомств, урожай репы в Лимузене, обилие каштанов в Перигоре и Дофине, обилие олив в Лангедоке, обилие песков в Олони, обилие рыбы в морях, обилие звезд в небесах, обилие соли в Бруаже. Изобилие зерна, овощей, фруктов, зелени, масел, молочных продуктов, и никакой чумы, никакой войны, никаких неприятностей, никаких тебе бедности, хлопот, меланхолии…

Италия, Романья, Неаполь, Сицилия пребудут там же, где они были в прошлом году. Они погрузятся в глубокие мечтания к концу Великого поста и станут порою предаваться сну в середине дня. Германия, Швейцария, Саксония, Страсбург, Антверпен и проч. будут процветать, если не разорятся. Торговцы реликвиями должны опасаться: в этом году предстоит не так много именин. Испания, Кастилия, Португалия, Арагон претерпят внезапные перемены к худшему, и там переживут сильный страх смерти молодые, как и старики, и все же удержатся в тепле и часто будут пересчитывать свои экю — если у них они есть… Австрия, Венгрия, Турция — ей-богу, ребятки, я понятия не имею, как у них пойдут дела, да и мало меня это занимает, ввиду славного вхождения Солнца в знак Козерога…

Говорю вам — не принимайте полет жаворонков за падение небосвода, ибо он не обрушится на вашем веку, клянусь честью. Ханжи, святоши и торговцы реликвиями, молельщики и прочие пузаны вылезут из своих берлог. Спасайся каждый, кто хочет. Берегитесь также рыбьих костей, когда будете есть рыбу, и

охранит вас Господь от яда»[9].

Этот набор банальностей, выдаваемых за откровения, весьма точно подражает стилю настоящих альманахов, которые пытались рассказать обо всем, одновременно не говоря ничего конкретного. Знаменательно, что в сочинении Рабле не сразу распознали пародию: многие вполне искренне верили его «предсказаниям». Его книжка похожа и на позднейшие альманахи Нострадамуса, но скорее по стилю, чем по содержанию — салонский пророк уделял больше внимания политике, а не житейским делам. Да и тон его предсказаний был не таким шутливым: он предсказывал войны, перевороты, ураганы, землетрясения, хотя обычно переносил их в далекие страны. По вековой привычке астрологов он остерегался обещать своим землякам, то есть покупателям всяческие беды, говоря о них разве что намеками.

По мнению исследователей, первый альманах Нострадамуса вышел в свет уже в 1549 году, хотя самый ранний из дошедших до нас относится к 1555 году, а издан был осенью предыдущего в точном соответствии с рыночной конъюнктурой. Отрывки из несохранившихся альманахов содержатся в рукописи «Сборник прозаических предсказаний Мишеля де Нострадамуса», составленной Жаном-Эме де Шавиньи в 1589 году. В этом тексте приводится по 10–12 самых ярких предсказаний из каждого альманаха, которые включали в себя, как и все последующие, от 16 до 24 страниц. Текст был написан прозой, но включал в себя 13 катренов — по одному на каждый месяц плюс один обо всем годе. Вероятно, эти опыты подсказали Нострадамусу идею создать книгу пророчеств в стихах, которые традиционно считались более «высоким» жанром, чем проза. Каждый альманах состоял из трех частей: календарь на год с церковными праздниками и данными о положении светил, пророческие катрены и развернутые предсказания в прозе, иногда дополненные обращением к читателю и другими материалами.

В 1549–1567 годах вышли в свет не менее 33 альманахов Нострадамуса, не считая подделок и переводов на иностранные языки — итальянский, английский, немецкий. Из них сохранилось чуть больше половины — 18 альманахов, некоторые в двух или даже трех вариантах: собственно альманахи, «*Presages*» («предвестия») и «*Pronostications*» («предсказания», «прогнозы»). Тиражи их с годами росли, доходя до 20–30 тысяч, что по тем временам было очень много. Один альманах стоил в розницу около восьми денье, как десяток яиц или бутылка дешевого вина. Для сравнения скажем, что вышедшие через несколько лет «Пророчества» стоили 4 су 7 денье, то есть всемеро больше (ливр равнялся 20 су, а су — 12 денье).

Альманахи охватывали едва ли не все сферы человеческой деятельности вплоть до алхимии и поиска кладов: «Продолжительные грозы, град, бури и неиссякаемые дожди своими потоками откроют древнейшие гробницы и сокровища». Как уже говорилось, большинство предсказаний чрезвычайно туманны и допускают самые разные толкования. Например, июль 1557-го: «Замечены легкие галеры, схваченный принц возвращается». Или декабрь 1558-го: «Молва, соглашение о перемирии, пока враг делает подкоп». Или январь 1562 года: «Никогда еще не было столько человеческой крови, ярости, гнева». Понятно, что все названное могло иметь место где-нибудь на земном шаре, поскольку время и место действия своих пророчеств Нострадамус не называет вовсе или тщательно затемняет. Те же из предсказаний, что привязаны к определенному времени или событиям, практически на 100 % не оправдались — кроме тех случаев, когда это легко объяснить простым совпадением.

Нужно отметить, что Нострадамусу, в отличие от его коллег, было тесно в сложившихся рамках жанра предсказаний. Помимо перехода от прозы к стихам он внес и другие новшества — например, постепенно расширял временной диапазон пророчеств, от года к нескольким годам, а потом и в более отдаленное будущее. Уже в ранних альманахах содержится несколько таких пророчеств, правда, опять-таки касающихся не Франции, а стран Востока, о которых было мало что известно. Вот что, например, говорилось в альманахе на 1566 год: «В течение всего месяца июля явит себя великий упадок арабов и всех их армий. И, согласно яснейшим указаниям этого соединения [планет], через 21 год, 7 месяцев и 14 дней, начинающегося в январе, являет себя начало изменения Византии, во Фракии, вследствие великих расколов. Царства будут затоплены византийской кровью; изгнанник воцарится на престоле. Таким образом явлено перемещение царства, как и упадок магометанства по истечении 960 лет; накануне срока в 72 года начнется некий великий раздор между белой и синей головами, или между белизной и небесным цветом; и с ними произойдут некие величайшие события». Последней названной им датой стал 1655 год, в котором «варвары захватят всё»: «Могущество обитателей Юга поднимется на столь высокий престол, что следует опасаться, как бы варвары через сто лет не заняли [Европу] до сих пределов, но это случится не на памяти ныне живущих».

На основе чего Нострадамус делал свои предсказания? Как и другие астрологи, он пользовался результатами своих наблюдений, а также давно составленными эфемеридами —

таблицами положения светил на определенное время. Будущее положение звезд и планет довольно точно вычислялось на основе изучения их положения в прошлом. Впервые сборник эфемерид до 1506 года издал в 1474 году знаменитый немецкий астроном и астролог Регионтан (Иоганн Мюллер), а позже они были продолжены другими учеными. Пользуясь ими, можно было составить гороскоп или определить астрономические события следующего года, чем и занимались Нострадамус и другие составители альманахов. Собственные наблюдения (как мы знаем, на чердаке его дома помещалась обсерватория) он использовал главным образом для уточнения данных эфемерид и изучения неожиданно появляющихся на небе объектов — комет или метеоров.

Последние относились к продигиям или предзнаменованиям, тоже имевшим важное астрологическое значение. Еще в Античности такие знамения, как удары молнии, рождение уродов, падение с неба разных предметов, тщательно изучались жрецами как предвестники значимых для всей страны событий. Почти все греческие и римские историки, как и средневековые хронисты, упоминают такие явления, а писатель IV века Юлий Обсеквент посвятил им целое сочинение «Книга продигий». Оно основано на «Истории Рима» Тита Ливия, из которой автор тщательно выбрал все, что касалось Чудесных явлений во всех частях Римского государства. Только за один год (63 год до нашей эры) он перечисляет такие продигии, как землетрясение в Сполетии, молния, разбившая статую Юпитера на Капитолии, другая молния, поразившая насмерть в Помпеях некоего Варгунтия, и пролет по небу «пылающего бревна» — очевидно, метеора. Обсеквент называет все описанное предвестием разоблаченного в том же году заговора Катилины. Христианские авторы не проявляют такой изобретательности, считая все знамения проявлением Божьего гнева. В эпоху Возрождения вновь ожили античные традиции; после издания в 1508 году «Книги продигий» примеры из нее повторялись во множестве астрологических альманахов.

Нострадамус не был исключением — он описывал рождение двухголовых, сросшихся, покрытых шерстью младенцев, человеческих и звериных, дожди из жаб, камней и крови, огненные «мечи» и «стрелы» в небе, поражавшие людей молнии. На основании этого им предсказывались войны и катастрофы, хотя какой-то четкой связи между событиями он (как и другие авторы) не устанавливает. Откуда он брал сведения? Частью из обширной переписки с учеными Франции и других стран, частью в буквальном смысле из базарных слухов. Часть, вероятно,

выдумывал сам, особенно для далеких стран Востока, тем более что он нередко описывал знамения, которым только предстояло случиться в будущем году.

Ранние альманахи Нострадамуса не пользовались большой известностью и выходили небольшими тиражами, сохранившись из-за этого только в выписках Шавиньи. Сдвиг наступил после 1552 года, когда были написаны целых два его альманаха (тоже несохранившихся). В том же году он завершил уже упоминавшуюся «Превосходную и весьма полезную книжицу» с кулинарно-косметическими рецептами, известную также как «Трактат о притираниях». Она была издана в Лионе в 1555 году на 238 страницах.

В тот период книги по кулинарии только начали появляться в печати и быстро набирали популярность, что, конечно, имел в виду Нострадамус. Но у него была и другая цель: донести до читателя собранные им за много лет скитаний полезные сведения, а заодно и свой опыт практикующего врача. Это видно из предисловия, которое знакомит нас с биографией автора и его взглядами на медицину и ее современное состояние. В книге, что характерно, нет никакой мистики — ее рекомендации чрезвычайно здравы и понятны, а описанные там варенья и желе может при желании изготовить любой. Многие рецепты он привез из Италии, где и кулинария, и косметика благодаря контактам с Востоком находились тогда на более высоком уровне, чем в остальной Европе. Не забывая о читателе, он неизменно добавляет, что его сладости хороши для богатых и бедных, здоровых и больных и даже «достойны быть поданными к столу королевских особ».

Особенно любопытны биографические фрагменты книги, а также те места, где отражен характер автора — человека умного, рассудительного, жизнелюбивого, но при этом язвительного и обидчивого. Похоже, его отношения с жителями Салона в первые годы не складывались, поскольку в «Книжице» он отзывается о них как о «скотах и варварах, смертных врагах словесности и досточтимой образованности». Чем это вызвано, сказать трудно: возможно, салонцы, видя в нем только врача, не оценили должным образом его альманахи. Но после 1552 года, как было сказано, положение изменилось. Уже в следующем году консулы Салона (двое избираемых на год магистратов) попросили его составить латинскую надпись на открытом в центре города общественном фонтане. Надпись гласила: «Если посредством человеческого мастерства сенат и магистраты Салона могли бы вечно обеспечивать вином своих сограждан, им не пришлось бы воздвигать с большими расходами, в дни консульства Антуана

Поля и Паламеда Марка, скромный источник воды, который вы видите здесь. Бессмертным богам — М. Нострадамус для жителей Салона, 1553». По случаю открытия фонтана состоялся праздник, на котором пророк стал одним из главных героев. Этому может найтись простое объяснение: заработав деньги на предсказаниях, он мог оплатить часть расходов на фонтан, чтобы задобрить горожан. Не исключено, впрочем, что он просто нашел общий язык с «отцами города», например, с Паламедом Марком, не чуждым (как показывает само его имя) ренессансной образованности; позже они дружили в течение многих лет.

Связи с власть имущими Нострадамус укрепил в следующем, 1554 году, когда в близлежащей деревне Оргон родился двухголовый козленок. По этому случаю губернатор Прованса Клод де Танд собрал целую комиссию, куда вместе с Паламедом Марком вошел и Нострадамус. Осмотрев козленка, он на примерах из античных авторов доказал, что его рождение сулит королевству множество бедствий. После этого губернатор проникся глубоким уважением к его мудрости, как и другой член комиссии — известный флотоводец, адмирал де ла Гард, известный как «капитан Полей». В дальнейшем оба вельможи не раз оказывали астрологу услуги, а несколько раз буквально спасали ему жизнь. Ла Гард подарил ему для вычисления положения небесных тел астролябию, упомянутую позже в его завещании. В марте того же года Нострадамус наблюдал пролет над Салоном необычайно яркого метеора, увидев в этом новый грозный знак, о чем и доложил губернатору де Танду. В его донесении, отпечатанном и даже переведенном на немецкий язык астрологом Иоахимом Геллером, говорилось, что это странное явление «предзнаменует в этой области Прованса, так же как в других приморских местах, неожиданное и непредвиденное бедствие, войну, пожар, голод, чуму или другие ужасные болезни, или же что эти края будут осаждены и захвачены чужеземными народами».

Никто не просил астролога сообщить свое мнение о метеорите, как это было с двухголовым теленком, — он сделал это по собственной воле, явно увидев в небесном явлении знак грядущих потрясений. Возможно, именно это подвигло его начать работу над книгой, прославившей его в веках, — «Пророчествами магистра Мишеля Нострадамуса». Работа над ней началась, вероятно, сразу после случившегося, весной или летом 1554 года, и была весьма напряженной, поскольку весь следующий год Нострадамус ничем себя не проявлял. В мае 1555 года «Пророчества» были отпечатаны в типографии Масе Бонома в Лионе, с которой пророк прежде не сотрудничал — возможно, это

было связано с более высоким качеством ее продукции и говорит о том, что он ценил новую книгу выше, чем предыдущие, и хотел издать ее как можно лучше. Его надежды не оправдались — в тексте оказалось множество опечаток, и он разорвал отношения с Бономом сразу по истечении двух лет, на которые издателю были переданы права.

Первое издание «Пророчеств» вышло на 91-й странице инфолио и включало в себя 353 катрена, объединенных в четыре главы-центурии. Это число было далеко не случайным: из 353 дней состояли как еврейский год, так и «большой цикл» обращения каждой из семи известных тогда планет. Тираж этого издания неизвестен; вероятно, он составлял не больше тысячи экземпляров, в то время как альманахи издавались тиражом 5–7 тысяч. Очевидно, издатель или сам автор считали книгу достаточно сложной для восприятия и предназначали ее узкому кругу знатоков. В настоящее время сохранилось всего два экземпляра, которые находятся в библиотеках Вены и города Альби в Лангедоке. Между ними имеются некоторые различия, говорящие об авторской работе над текстом — в экземпляре из Альби исправлена часть ошибок, имеющихся в венском, но только часть — вероятно, издатели торопили автора, стремясь поскорее отправить книгу в печать. Первое издание «Пророчеств» предваряло большое предисловие автора в форме обращения к сыну Сезару, родившемуся незадолго до выхода книги; в кругу поклонников Нострадамуса его принято называть «Малым апокалипсисом».

Второе издание вышло в 1557 году в лионской типографии Антуана де Роне; оно сохранилось в трех экземплярах, один из которых находится в голландском Утрехте, второй в Российской государственной библиотеке в Москве, а третий — в Национальной библиотеке в Будапеште. У этого издания было два варианта, поскольку в утрехтском экземпляре содержится 642 катрена в семи центуриях, а в двух других — 639 катренов. Ясно, что в процессе печатания книги в нее были внесены изменения, но зачем автор или издатель сделали это, понять трудно — в «лишних» катренах нет ничего необычного. При этом именно утрехтский, дополненный вариант был сдан в печать раньше, 6 сентября, в то время как вариант Москва — Будапешт — 3 ноября. Создается впечатление, что второй вариант — пиратская перепечатка, сделанная поспешно, без ведома автора. Во всяком случае, на нем нет цензурного разрешения, но оно почему-то отсутствует и в утрехтском варианте.

Центурия VI в этом издании завершается ненумерованным катреном на латыни, названным «Законное поручительство

против глупых критиков». Это своеобразный манифест автора, грозящего проклятием тем, кто станет обсуждать его труд, не имея должных знаний и квалификации. В их список входят невежды, варвары (то есть иноземцы) и, что неожиданно, астрологи. Натерпевшись от критики собратьев по профессии, Нострадамус заранее отвергал их доводы, утверждая, что его пророческий дар нельзя втиснуть в рамки астрономических расчетов, которыми они занимались. Надо отметить, что этот катрен он написал не сам, а заимствовал с небольшими изменениями из книги Петра Кринита, о которой будет сказано далее.

По догадкам ученых, в последующие годы «Пророчества» выходили еще не менее четырех раз, но эти издания до нас не дошли. Не исключено, что они пылятся в каком-нибудь провинциальном архиве или библиотеке, ведь даже во Франции далеко не все эти сокровищницы знаний разобраны и оцифрованы. Надо сказать, что издания 1555 года из Вены и Альби были обнаружены только в 80-е годы, а утрехтский экземпляр издания 1557 года — в 90-е. Поэтому не исключено, что нострадамоведов еще ждут новые удивительные находки. Особая статья — частные коллекции, владельцы которых порой ведут себя довольно странно. Живший в Мехико перуанец Даниэль Рузо собрал прекрасную коллекцию ранних изданий «Пророчеств», на основе которых написал совершенно безграмотную книгу «Подлинное завещание Нострадамуса». Ведущие специалисты по теме заискивали перед ним, надеясь в конце концов получить доступ к коллекции, но в 1991 году Рузо умер, и его уникальное собрание исчезло бесследно.

Первое дошедшее до нас полное издание «Пророчеств» вышло только после смерти автора, в 1568 году, в лионской типографии Бенуа Риго. Оно имело объем 204 страницы и включало в себя 942 катрена в 10 центуриях. К тексту добавилось послание к королю Генриху II, называемое также «Большим апокалипсисом» и датированное июнем 1558 года. Очевидно, вскоре после этого были написаны и оставшиеся три центурии: в 1560 году катрен из последней, десятой, цитировал в своем письме венецианский посол. Издание 1568 года стало каноническим, однако недостающие до тысячи 58 катренов появились позже. Насколько позже — сказать трудно. В 1605 году парижский типограф Пьер де Руо выпустил «Пророчества» в двух томах, куда вошли не только полная центурия X, но и фрагменты загадочных центурий XI и XII. Последние были взяты из книги Шавиньи, а вот происхождение «потерянных» катренов завершающей центурии в точности неизвестно. По стилю они (в отличие от поздних

подделок) очень похожи на тексты Нострадамуса, и большинство ученых признают их подлинными.

Настало время поговорить о загадочном биографе, которого несколько поколений ученых считало секретарем и доверенным лицом Нострадамуса. В доме пророка в 1560 году действительно появился молодой дворянин Жан де Шевиньи, рекомендованный ему поэтами «Плеяды» — Ронсаром и Жаном Дора. Доказав свою полезность и хорошую образованность, он стал секретарем астролога, сопровождал его в поездках, разбирал его переписку, а потом и вел ее, когда Нострадамус не мог писать сам из-за приступов артрита. Шевиньи не был упомянут в завещанию! пророка, однако по соглашению с семьей получил весь его архив. Позже он вернулся в Париж, занимался книгоизданием, а возможно, и астрологией. В 1578 году он упоминается в документах последний раз, а в 1582-м выходит книга Жана-Эме де Шавиньи — судя по ее содержанию, автору в то время было около 20 лет, так что он никак не мог быть Жаном де Шевиньи, родившимся в 1533 году.

Конечно, это могло быть литературной игрой, да и различие фамилий не аргумент — в XVI веке даже два брата могли писать свою фамилию по-разному. Однако один и тот же человек вряд ли стал бы писать свою фамилию иначе, да и обмолвки Шавиньи дают понять, что он не был лично знаком с Нострадамусом. Скорее всего, он был сыном или племянником Шевиньи, унаследовавшим как его бумаги, так и глубокий интерес к салонскому астрологу. В 1589 году он составил рукопись прозаических предсказаний Нострадамуса, взятых из его альманахов, со своими комментариями. Текст не был издан, и только в XX веке его обнародовал историк и дальний потомок Шавиньи Бернар Шевиньяр. В 1594 году вышла книга Шавиньи «Первый лик французского Януса», посвященная личности Нострадамуса и толкованию его пророчеств об уже совершившихся событиях. В скором будущем он обещал предъявить читателям «Второй лик» о предсказаниях будущего, но эта книга не была написана — или не дошла до нас. После 1600 года о Шавиньи ничего не известно.

Именно к его сочинению восходят многие эпизоды биографии Нострадамуса: его первый брак, борьба с эпидемией чумы, обстоятельства смерти. Принимая их на веру, мы не можем верить другим заявлениям Шавиньи: например, тому, что Нострадамус не был евреем по происхождению и придерживался правоверных католических взглядов. Сомнительны и его толкования пророчеств, в которых часто встречаются ошибки и натяжки. Быть может, Шавиньи, называющий себя секретарем

пророка — самозванец, каким его и считает ряд ученых? Но этому противоречат его хорошее знакомство с текстами Нострадамуса, в том числе неизданными, и явное родство с Шевиньи. Оба они родились в городе Бон, оба увлекались астрологией, оба были хорошо знакомы с Жаном Дора. Этот «французский Сократ», старший из поэтов «Плеяды», сам знал салонского пророка и живо интересовался его предсказаниями. В книге Шавиньи приводится их спор с Дора, где последний утверждает, что Нострадамус писал свои катрены под диктовку ангела, мало что понимая из написанного, а автор, скрытый под псевдонимом «Собиратель», спорит с ним. Есть версия, что Дора сам занимался толкованием пророчеств, но, мало заботясь о сохранности своих произведений, ничего не записывал.

Вероятно, Шавиньи вполне искренне восхищался Нострадамусом и стремился донести до потомков истинный (как он считал) смысл его предсказаний. Возможно, он так же искренне вжился в роль секретаря пророка, взяв на себя создание книги, которую тот не смог или не успел написать. Почти наверняка он включил в свое сочинение подлинные записи Шевиньи и самого Нострадамуса, но препарировал их согласно своим убеждениям и взглядам. При этом не избежал соблазна приписать кумиру собственные катрены из центурий XI и XII — несуществующих, поскольку сам астролог говорил в конце жизни, что ограничил число своих предсказаний тысячей. Не исключено, впрочем, что их написал Шевиньи, сочинивший в свое время ряд катренов для альманахов пророка.

Но Шевиньи вошел в жизнь Нострадамуса позже, а пока, в мае 1555-го, он получил из Лиона первые экземпляры «Пророчеств» и стал с некоторым трепетом ждать отклика. Отклик пришел с неожиданной (хотя неожиданной ли?) стороны: предсказатель получил приглашение к королевскому двору. Принято считать, что он тесно общался с королями и чуть ли не ногой открывал двери Лувра. На самом деле для незнатного провинциального астролога внимание монарших особ было событием столь же невероятным, как явление ангела. О его поездке в Париж подробно рассказывает сын, Сезар де Нотрдам, в своей «Истории Прованса»:

«Прошел год после того, как Мишель де Нотрдам посвятил мне, бывшему еще в колыбели, и выпустил в свет центурии, которые, обессмертив его, провели по стопам и путям добродетелей его предков. В конечном счете эти пророчества стали столь известными, хотя и были написаны темными стихами в сивиллином стиле (потому что подобные вещи нельзя осквернять простонародным языком), что молва о нем разошлась

повсюду, а его имя повторялось всеми с таким великим восхищением, что и писать неудобно. Скажу лишь, что королева отправила графу Клоду письмо с курьером, где требовала немедленно направить к ней этого человека, которого хочет видеть король. О распоряжении Ее Величества губернатор, который любил и ценил Нострадамуса, сообщил ему, и тот, собравшись, отбыл из дома в возрасте 53 лет 14 июля, и достиг стен Парижа 15 августа, в день Успения Богоматери, чье имя он носил, въехав в ворота Святого Михаила, чтобы счастливое предзнаменование было полным. Господин коннетабль (Анн де Монморанси) оказал ему необычайную милость, отвел его в свое жилище и представил королю, который велел поселить его у кардинала Санса (Луи де Бурбон-Вандома). Там его свалила подагра, которая держала его в постели десять или двенадцать дней, во время которых Его Величество отправил ему сто золотых экю в бархатном кошельке, а королева — почти столько же. Согласно четкому приказу Его Величества, как только он избавился от мучительных болей, он с удовольствием направился в Блуа, чтобы повидать французских принцев. Что касается почестей, королевских одежд, драгоценностей и великолепных подарков, которые он получил от Их Величеств, принцев и величайших людей двора, я лучше оставлю их на кончике пера, чем буду рассказывать о них с отменным избытком тщеславия, опасаясь сказать больше, чем позволяет скромность»[10].

За давностью лет Сезар допустил в этом тексте как минимум три ошибки. Во-первых, его отец посетил Париж не через год после появления своей знаменитой книги, а почти сразу же, о чем сам упоминал в письмах. Во-вторых, он навещал принцев не в Блуа, а в Сен-Жермене, где тогда находился двор. В-третьих, за столь короткий срок «Пророчества» не успели, конечно, обрести широкую известность, и приглашение их автора ко двору было вызвано другой причиной. Какой? В альманахе на 1555 год он писал, что пролет над Францией необычно яркого метеора предвещает в июле опасность для Генриха II: «Королю следует остерегаться человека или группы людей, преследующих такие цели, что я не осмеливаюсь изложить на письме». Это было замечено многими — например, коллегой Нострадамуса, астрологом Лораном Виделем, который писал сопернику: «Ты говорил, что не осмеливаешься писать, что случится в этом году. Зачем ты прибегнул к таким хитростям? Явно для того, чтобы тебя пригласили ко двору».

Такой вариант вполне возможен, но не исключена и другая версия, отраженная в предисловии к этой книге. Приглашение Нострадамусу через губернатора де Танда прислала именно

королева Екатерина, которая (как, впрочем, и сам король) живо интересовалась астрологией и внимательно следила за новыми предсказаниями. Нет ничего невероятного в том, что она получила экземпляр «Предсказаний», наткнулась в нем на слова о радуге, скрытой сорок лет, поразилась предвидению автора и спешно вызвала его к себе. Надо сказать, что сам пророк не мог предугадать, зачем его вызывают, и был сильно напуган. По пути, в Лионе, с ним беседовал местный торговец Жан Геро, записавший в дневник: «Он направлялся ко двору короля, куда был вызван, и очень боялся, что ему там устроят плохой прием; он сам говорил, что до 25 августа ему угрожает большая опасность быть обезглавленным».

Именно альманах на 1555 год, а отнюдь не «Пророчества», сделал Нострадамуса знаменитым во всей Франции и даже во всей Европе. Спустя много лет известный мемуарист, кюре Провена Клод Атон, писал о нем следующее: «В это время обрел большую славу астролог и математик из Салона-де-Кро в Провансе по имени магистр Мишель Нострадамус, доктор медицины, автор пророчеств и альманахов. В этих альманахах и пророчествах он рассказывал о многих грядущих событиях в христианском мире, в частности об упадке христианства, прежде всего во Франции и Германии. Иногда он говорил о будущих бедах в этих странах открыто, иногда — затемненными выражениями, загадками и скрытыми намеками. Особенно часто — о будущих невзгодах во Франции после перемен в королевской власти, церкви и католической религии. Эти вещи не могли понять самые сведущие люди, пока они не становились свидетелями предсказанного события…

У Нострадамуса было много врагов, которые как только возможно хулили его, утверждая, что он-де сносился с бесами, что он — колдун, маг и волшебник, потому и может предсказывать будущие события. Другие извиняли его, считая, что знания, коими он был обязан математической науке, — в которой он был самым сведущим человеком на земле, — помогали ему в его писаниях. Иные же, кому казалось, что он писал и изрекал вещи сверхъестественные, говорили, что Господь посредством Святого Духа подталкивал его писать вещи, которые он сам мог и не понимать, на манер пророчества, о несчастьях, произошедших спустя 10, 12 или 15 лет после того, как он их предсказал и описал. Эти-то пророчества и становились понятными, когда они сбывались у всех на глазах. Пока Нострадамус был жив, ни один из альманахов не обретал славу и хождение во Французском королевстве, если он не был подписан именем упомянутого Нострадамуса»[11].

Последнее обстоятельство помогает понять, почему салонскому пророку приписывалось столько чужих предсказаний — причем не только при жизни, но и через много лет после смерти. Он стал своего рода «эталонным» астрологом, чье имя было гарантией качества. Причин тому было много: внушительный внешний вид, экзотическое еврейское происхождение, умение облекать пророчества в загадочную, но грозную форму, намеки на общение с потусторонними силами, о которых говорит Атон. Одни считали, что Нострадамусу диктуют ангелы, другие — что бесы, но в любом случае это обостряло интерес к фигуре предсказателя.

Пребывание астролога в Париже описано им в письме, вносящем любопытные штрихи в картину его тогдашнего окружения. Его путешествие до столицы заняло почти месяц; он явно не спешил и в дороге так издержался, что по приезде был вынужден занять денег у дворянина Жана Мореля, державшего литературный салон, популярный у творческой элиты. В обмен на деньги Морель попросил гостя составить ему протекцию у короля и особенно у королевы, которая слыла покровительницей поэтов и ученых.

Решив, что Нострадамус хвалил его не слишком усердно, Морель в 1561 году отправил ему в Салон возмущенное письмо. В своем ответе Нострадамус оправдывался, говоря, что упоминал о нем Екатерине целых пять раз; это доказывает, что помимо первой аудиенции он еще не раз встречался с королевой, которая наверняка добивалась от него более внятных предсказаний будущего династии Валуа.

В том же письме пророк сообщает о своей болезни (подагре), из-за которой провел в постели почти две недели, получив за это время от короля с королевой 130 экю. Со своей обычной иронией он замечает: «Недурная сумма для того, кто покрыл две сотни лье и затратил сто экю, заработав, таким образом, тридцать!» Поправившись, он съездил в Сен-Жермен, чтобы предсказать будущее принцам, а потом его дважды навещала некая благородная дама, имя которой и вопросы, которые она задавала, остались тайной. Она предупредила Нострадамуса о том, что к нему собираются «представители парижского суда», чтобы разузнать о том, как и на основании чего он делает свои предсказания. Возможно, имелся в виду не обычный суд (с чего бы он стал интересоваться такими вопросами?), а инквизиция, которую пророк смертельно боялся со времен своих злоключений в Ажене. Уже на другой день он спешно собрался и уехал домой, не навестив Мореля, как обещал, за что тоже попросил извинения в письме. В заключение он выразил готовность вернуть меценату

свой давний долг. Насколько изменил Морель после этого свое враждебное отношение к Нострадамусу, видно хотя бы из его эпиграммы, основанной на игре слов: «Преподнося наши дары (nostra damus), мы преподносим лишь слова, поскольку мы обманщики и ничего другого преподнести не можем».

Визит ко двору, не принесший пророку ощутимых выгод, поднял его известность на новую высоту и вызвал явный творческий подъем. В 1556 году он опубликовал у парижского типографа Жака Керве целых три альманаха на следующий год, посвященных Генриху II, Екатерине Медичи и королю Наварры Антуану де Бурбону, отцу будущего короля Генриха IV. Эти альманахи широко обсуждались во Франции и других странах, а один из них вышел в Милане в итальянском переводе. Возможно, в связи с этим Нострадамус в том же году посетил Италию, что подтверждает французская надпись на мраморной доске, найденной в окрестностях Турина в 1807 году. Она гласила: «1556. Здесь жил Нострадамус, где есть Рай, Ад, Чистилище. Имя мое — Победа. Кто чествует меня — обретет славу. Кто презирает меня — погибнет». Загадочный смысл надписи разъяснили историки, установившие, что в XVI веке в том месте находилась вилла Виттория (Победа), а окружавшие ее земли носили название Ад, Чистилище и Рай, взятые из поэмы Данте. Возможно, владелец виллы, зазвавший знаменитого астролога к себе в гости, попросил его оставить надпись на память или сам увековечил пребывание у него знаменитого иностранца.

Вернувшись в Салон, Нострадамус занялся непривычным для себя, но очень важным делом. Чтобы оросить окружавшую город пустошь Кро, известный инженер Адам де Крапон решил прорыть канал от реки Дюране длиной 20 миль. Получив разрешение короля, он не мог собрать деньги на строительство, и астролог одолжил ему довольно внушительную сумму — 200 экю. Канал строился целых десять лет, и все эти годы Нострадамус поддерживал Крапона, организуя помощь его начинанию со стороны влиятельных лиц. Они стали друзьями, и позже Сезар де Нотрдам женился на внучатой племяннице инженера Анне де Гриньян. Участие пророка в строительстве канада сближает его с другим знаменитым мистиком — Иоганном Фаустом, который жил в Германии примерно в то же время (около 1480–1540 годов). В народных легендах о нем никакие каналы не упоминаются, но в трагедии Гёте Фауст завершает свой земной путь именно строительством канала на благо людей. Это оказывается иллюзией, внушенной бесом, — слепой Фауст принимает за копателей канала лемуров, роющих ему могилу. Без сомнений, немецкий классик намекал на Нострадамуса, который, как уже

говорилось, упоминается в самом начале поэмы.

В 1557 году в Лионе вышли второе издание «Пророчеств» и альманах на следующий год, не дошедший до нас. В той же типографии Антуана де Роне Нострадамус опубликовал свое юношеское сочинение «Парафраза Галенова увещевания Менодоту», а сразу в трех издательствах Лиона и Парижа — «Новое предсказание на 1558 год» с посвящением Гийому де Гаданю, сенешалю Лиона. Его известность росла, и вместе с ней рос поток направленных против него памфлетов: только в 1558 году их появилось три штуки. Их авторы с натужным остроумием именовали пророка Монстрадамусом («чудовищным») или Монстрадабусом («чудовищем кощунства»), обвиняя его не только в обмане и невежестве, но и в таких серьезных грехах, как нарушение церковных канонов и даже ересь. На Нострадамуса ополчились как католики, так и протестанты — те и другие считали, что его пророчества слишком благоприятны для их врагов. Конечно, не были упущены его еврейское происхождение и предосудительное занятие астрологией.

Фауст. Художник Рембрандт

Вероятно, больнее всего пророка ранили не эти обвинения, исходящие от презираемых им обскурантов, а трактат уже упомянутого астролога Лорана Виделя «Обличение злоупотреблений, невежества и подстрекательства Мишеля Нострадамуса», вышедший в том же 1558 году в Авиньоне. Видель критикует не сами предсказания Нострадамуса, а метод их получения, обвиняя его в незнании «благородной науки» астрологии. Он резонно высмеивает заявление пророка о том, что он узнает будущее, глядя на звезды: «Если бы знал хоть какие-то принципы астрологии, ты бы знал, что не нужно выходить из кабинета, чтобы писать альманахи, потому что в наше время есть достаточно ученых и искусных людей, которые уже рассчитали для нас движение восьми небесных сфер. Но это материи слишком сложные для твоего ума, ибо ты определенно не умеешь рассчитывать ни по небесам, ни по каким-либо таблицам».

Увидев составленные Нострадамусом гороскопы (натальные карты), Видель со знанием дела раскритиковал их, утверждая, что автор ничего не смыслит в избранной профессии. Называя его «невежественным ослом», он пишет: «Ты в какой-то мере прав, когда говоришь, будто за тобой по пятам следует стадо скотов, поскольку речь идет о твоей тени». При этом он не отрицает, что предсказания Нострадамуса могут быть точными, но уверяет, что они внушены колдовскими силами: «Я присоединился к всеобщему мнению, что ты связан с чародейством, злыми духами, земной и скверной магией, будучи несведущим в магии естественной — священной, помогающей познать и полюбить Бога». Стиль полемики здесь характерен для «просвещенной» эпохи Ренессанса, столпы которой клеймили оппонентов, не стесняясь в выражениях, не брезгуя компроматом или просто доносами.

Насколько справедлива критика Виделя? До нас гороскопы Нострадамуса не дошли, но его сочинения выдают весьма поверхностное знакомство с астрологией. Много лет пророк занимался медициной, хорошо знал естественные науки, но вряд ли имел возможность глубоко изучить астрономию и математику, необходимые астрологу. Специалисты говорят, что многие его предсказания основаны не на положении светил, указанном в тексте, а на умозрительных построениях, объясняемых «голосом свыше». В связи с этим можно вспомнить как слова Дора об ангельском внушении, так и начало «Пророчеств», где источником вдохновения автора назван бронзовый треножник — тот самый, на котором восседала Дельфийская пифия, слушая голоса богов.

Многие поклонники салонского пророка считают его ученым-новатором, который предвидел многие открытия будущего и даже пытался применить их — в первую очередь в медицине. Это не так: никаких открытий в борьбе с чумой, да и в других областях, он не совершил, следуя вполне традиционным методам. Если он и достигал успехов, то благодаря решительности и методичности своих действий, а не новаторству. Да и можно ли вообще назвать его ученым? В своих трудах он больше следовал не профессиональным астрологам наподобие Регионтана, Штеффлера, Витали, а таким оккультистам-натурфилософам, как Агриппа, Парацельс или уже упомянутый доктор Фауст. Это опять-таки свойственно медикам того времени, которые в следовании научным методам сильно отставали от астрономов и астрологов (напомним, что в XVI веке эти профессии еще не различались).

Устав от нападок критиков, Нострадамус решил ответить им. В августе 1558 года, после завершения очередного альманаха, он пишет сочинение, посвященное папскому легату Авиньона Джакомо Марии Сале и озаглавленное «О значении затмения, которое случится 16 сентября 1559 года». Это затмение, по его мнению, откроет новую страницу в истории Франции, сопровождаясь сменой монарха и длительной религиозной смутой, которая продлится до начала XVII столетия (заметим, что в точности так и случилось). Не задерживаясь долго на этом предмете, он перешел к опровержению доводов оппонентов, которых без церемоний обозвал ослами, неучами, грубыми скотами и воронами в павлиньих перьях. Отвергнув обвинения в неверии, ереси и обмане, он ничего, однако, не сказал о критике Виделя, сознавая, что она во многом справедлива.

Летом того же года Нострадамус завершил послание Генриху II, включенное в «Пророчества»; по догадкам ученых, вскоре после этого знаменитая книга была впервые опубликована в полном виде, хотя, как уже говорилось, первое ее сохранившееся издание относится к 1568 году. Скорее всего, тем летом астролог завершил «Пророчества» и больше к ним не возвращался. А вот его альманахи продолжали выходить, умножая славу автора. Среди его читателей и корреспондентов появлялось все больше вельмож, профессоров и епископов. Маршал Блез де Монлюк пишет в мемуарах, что герцог де Гиз, руководивший осадой Тионвиля, в июне 1558 года послал к королю гонца, извещая, что город скоро падет. Генрих II ответил, что уже прочитал у Нострадамуса, что завтра его ожидают добрые вести, и на другой день город сдался. Здесь удивляет не банальное совпадение прогноза с результатом, а то, что король и герцог чуть ли не

каждый день читали альманахи Нострадамуса и даже руководствовались ими. То же касается простых людей, которые ради предсказаний о погоде, разливе рек и урожае покупали альманахи, игравшие роль нынешнего Гидрометцентра. В дневнике мелкого нормандского помещика Жиля де Губервиля пророк упоминается едва ли не каждый год — например, в таком аспекте: «29 ноября 1558 года. Нострадамус говорит в своем альманахе, что в этот день надо прилежно работать». Ради такой ценной рекомендации не грех было заплатить восемь денье — как уже говорилось, такой была обычная цена альманахов.

Между тем Франция вступала в 1559 год, еще не зная, что он станет прологом к долгой эпохе бедствий и кровопролитий. В феврале Нострадамус завершил работу над альманахом на следующий год, посвятив его губернатору де Танду. Тому же году был посвящена другая работа — «Большое новое предсказание», посвященное монсеньору де Савииьи, генерал-лейтенанту Лионской провинции.

В апреле Франция прекратила многолетние Итальянские войны договором в Като-Камбрези, лишившим страну всех завоеваний в Италии и Нидерландах. Дочь Генриха II Елизавета, согласно договору, выходила замуж за испанского короля Филиппа II, а его сестра Маргарита — за вассала того же Филиппа герцога Эммануила Филиберта Савойского. Королевская армия была распущена по домам; тысячи вояк, забывших о мирном труде, остались без средств, и власть не собиралась их обеспечивать. В итоге они стали питательной почвой для агитации враждующих партий: католической и протестантской, непримиримых как одна к другой, так и к власти, которая, по их убеждению, вела страну к катастрофе.

Доля истины в этом была: Генрих II предавался охоте и другим развлечениям, оставив власть на откуп родственникам и друзьям фаворитки Дианы де Пуатье. В опустевшей казне не хватало денег на самые насущные нужды, порой чиновники не получали жалованья по несколько лет. Во всем этом протестанты винили церковь, требуя конфискации ее огромных владений и роспуска монастырей, где бездельничают многие тысячи здоровых мужчин и цветущих женщин. Большинство французских протестантов склонялись не к лютеранству, с которым Нострадамус был хорошо знаком, а к кальвинизму — учению «женевского папы» Жана Кальвина, отвергающего, в отличие от Лютера, не только монашество, иконы и таинства, но также церкви и священников, место которых занимали молитвенные дома и пасторы-наставники.

Во Франции кальвинисты называли себя гугенотами (от

немецкого Eidgenossen — «соратники». Несмотря на запрет, в мае 1559 года их руководители собрались в Париже под предводительством ученика Кальвина Жана Мореля и приняли свой символ веры — «Галликанское исповедание». На их сторону массами переходили купцы, городские буржуа и дворяне, не желающие терпеть диктат церкви и платить ей десятую часть своих доходов. Особенно велико было влияние гугенотов на юге Франции, но традиции оппозиционном центру; их центром стал богатый торговый порт Ла-Рошель в Гиени. Симпатии к ним выражали такие высокопоставленные вельможи, как принц Конде, адмирал де Колиньи, королева Наварры Жанна д'Альбре, воспитавшая в духе новой веры сына Анри — будущего Генриха IV. С другой стороны, крестьяне, городская беднота и воинственные дворяне севера яростно защищали католичество — не только из фанатизма, но и из нелюбви к тем кругам, где вербовали свою паству кальвинисты.

Долгое время тактика королевской власти сводилась к лавированию между двумя силами. Но когда на юге гугеноты стали захватывать церковные земли, Генрих II в июне 1559 года подписал эдикт, ставивший их вне закона. Эдикт короля — неслыханная дерзость! — раскритиковал в парижском парламенте гугенот Анн дю Бур, которого тут же бросили в тюрьму. Особого шума это не вызвало, поскольку общее внимание привлекали пышные торжества по случаю двойного бракосочетания, знаменующего мир между Францией и Испанией. На 1 июля был назначен рыцарский турнир — уже много лет они устраивались только в шутку, но тут король решил вспомнить молодость, посвятив свою победу прекрасной, хоть и немолодой уже Диане де Пуатье. В назначенный день на глазах сотен парижан Генрих и молодой капитан шотландской гвардии Габриэль Монтгомери сшиблись в поединке. Не веря своим глазам, зрители увидели, как король в сверкающих на солнце латах пошатнулся от удара и рухнул на землю. Случилось то, что даже в Средние века происходило крайне редко: копье Монтгомери от удара сломалось, его обломок угодил в прорезь королевского шлема и глубоко вонзился в глазницу, задев мозг. Промучившись несколько дней, Генрих скончался, оставив трон 15-летнему болезненному отпрыску Франциску II. Уже на следующий день фаворитке пришлось покинуть свои покои, сдав в казну все драгоценности, подаренные королем. Радуга королевы Екатерины засияла наконец на французском небе.

В наши дни смерть короля вспоминается главным образом из-за пророчества Нострадамуса (центурия I, катрен 35):

Глаз в шлеме златом, как в тюрьме или клетке,
Он выбит, падучею ставши звездой.
В турнире лев старый был менее крепким,
Чем хитрый, отчаянный лев молодой[12].

Французский король Генрих II. Художник Ф. Клуэ

В оригинале никакой «падучей звезды», правда, нет, а выбитых глаз два, а не один. Упоминаются еще два флота (classes), которым предстоит стать одним. Исследователи, считающие это опечаткой, предлагают немало разных значений, но суть неизменна — речь идет о поединке двух львов, молодого и старого, первый из которых лишит второго глаза и тем погубит. Слова о «золотой клетке» принято объяснять тем, что на турнире король был в золоченом шлеме, хотя об этой яркой детали никто не сообщает. Однако в целом совпадение поразительно — и еще больше поражает, что ни один современник не обратил на него внимания, и впервые катрен был связан с гибелью короля только в XVII веке. Даже сам Нострадамус, любивший хвастаться точностью своих предсказаний, ничего об этом не пишет: он

относил к роковому событию совсем другой катрен — III-55. Там говорится об одноглазом короле и каком-то «великом из Блуа», который убьет своего друга, что вызовет смятение при дворе. Монтгомери и правда получил за службу земли в Блуа, но вряд ли его можно назвать великим, да и другом Генриха он, конечно, не был, хоть и пользовался его расположением. После невольно совершенного им убийства он бежал в Англию, по возвращении сражался в армии гугенотов, был взят в плен и казнен по приказу Екатерины Медичи.

В связи с этим забавно звучит версия современных конспирологов, согласно которой смерть Генриха была подстроена королевой, чьим доверенным лицом и чуть ли не любовником был молодой шотландец. Нострадамус тоже участвовал в этом заговоре — его делом было объяснить случившееся волей рока, отвлекая внимание от истинных виновников. Интересно знать, как долго Монтгомери тренировался, чтобы отколовшаяся от копья щепка попала точно в прорезь шлема его соперника, и как астролог за год до турнира угадал, что на короле в этот день будет золоченый шлем (если, конечно, он и правда был). Впрочем, не исключено, что капитан направил копье в лицо Генриха не случайно — Дюма-отец в романе «Две Дианы» предположил, что он мстил за некие обиды. Но к Нострадамусу, который в то время мирно работал у себя в Салоне, все это не имеет никакого отношения.

Однако завертевшееся колесо событий затронуло и его. Филипп Испанский, которого на свадьбе в Париже представлял «заместитель», печально известный герцог Альба, в августе отбыл на родину из Нидерландов, где тоже волновались протестанты. Английский посол сообщал, что король опасался кораблекрушения, поскольку Нострадамус назвал этот месяц опасным для мореплавания. Другой новобрачный правитель, Эммануил Филиберт Савойский, в том же месяце отправился вместе с женой в Реймс на коронацию Франциска II, которая состоялась 18 сентября. На обратном пути он узнал, что в его герцогстве разразилась эпидемия чумы, и заехал в Салон, чтобы встретиться со знаменитым провидцем. Однако Нострадамус отправился по делам в Нарбонн, остановившись по пути в Безье, где тоже бушевала чума. Сразиться с ней по старой памяти он не решился, но занялся лечением местного епископа, страдавшего от целого букета болезней. Пророк не смог предложить больному ничего лучшего, чем средневековое прижигание ног; епископ не выздоровел, но и не умер.

Вернувшись в Салон, Нострадамус узнал о скором приезде туда принцессы Маргариты Валуа, которая без спешки ехала

следом за мужем и тоже хотела увидеть астролога, с которым познакомилась еще в Париже. Городские власти попросили его составить приветственный адрес на латыни; по прибытии принцесса долго беседовала с ним, и год спустя он посвятил ей очередной альманах. Не все были этому рады: сопровождавший Маргариту канцлер Мишель де Лопиталь в своей латинской поэме о путешествии обозвал Нострадамуса лжецом и безумцем, который пытается предвидеть будущее, хотя это — привилегия одного лишь Бога.

Осенью с именем Нострадамуса был связан еще один скандал: советник парижского парламента Анн дю Бур, арестованный по приказу покойного короля, был помещен в железную клетку, где держали только самых опасных преступников. Разнеслись слухи, что гугеноты подготовили заговор для освобождения своего соратника и что об этом якобы писал Нострадамус в альманахе на 1559 год. Там и в самом деле имелась фраза «добрый Бур окажется далеко», хотя, возможно, это означало нечто совсем другое. Вскоре дю Бур был казнен на Гревской площади, что еще больше разъярило его единоверцев и еще ближе придвинуло Францию к смуте, которую Нострадамус без устали предсказывал уже несколько лет.

У края бездны

Весной 1560 года мирная жизнь Салона, да и всего Прованса, была нарушена столкновениями на религиозной почве. Обстановка в стране обострялась; как католики, так и протестанты вели себя все более агрессивно, а правительство юного короля Франциска II и регентши Екатерины Медичи не стремилось, да и не могло прекратить назревающий конфликт между ними. При дворе росло влияние католической партии, которую деятельно поддерживали Екатерина и Мария де Гиз — мать новой королевы, шотландки Марии Стюарт. Братья Марии, герцог Франсуа де Гиз и его брат-кардинал Шарль, играли все более заметную роль в придворных интригах. Не желая терпеть усиления католиков, гугеноты решили захватить короля и силой заставить его встать на их сторону. В марте 1560 года они собрались напасть на королевскую резиденцию в Блуа, но заговор был раскрыт, и монарха увезли в замок Амбуаз. Наспех собранный отряд гугенотов пошел на штурм, однако был разбит. Его командира, сеньора де Реноди, четвертовали; жестоким казням подверглись и другие заговорщики. Принца Конде, обвиненного в поддержке мятежа, бросили в тюрьму.

По всей стране прокатились преследования протестантов, которыми занимались не столько власти, сколько вооруженные католические фанатики. При этом к «Лютерам» могли причислить всех подозрительных, к которым относился и Нострадамус — крещеный еврей, интеллектуал, занимающийся подозрительными оккультными науками. Как уже говорилось, он не был гугенотом, но не раз высказывал симпатию к ним и критиковал церковные суеверия, едва не попав из-за этого под суд инквизиции. Многие его хорошие знакомые из числа местной элиты были гугенотами — к ним относились инженер Адам де Крапон, первый консул Паламед Марк, родственники его жены Анны Понсар. По своей привычке Нострадамус проявлял предельную осторожность в речах и сочинениях, но это не спасало его от подозрений. Например, в одном из альманахов он осудил протестантов, чья религия «больше напоминает иудаизм, чем христианство». Но в устах пророка, которого часто подозревали в симпатиях к вере предков, это звучало скорее похвалой, чем осуждением.

После событий в Амбуазе обстановка в провансальских городах стала обостряться, любое событие могло вызвать взрыв. В Салоне таким поводом стали протестантские гимны, которые дети местных гугенотов распевали в школе. Местная католическая партия, которую возглавлял небогатый помещик

Луи Виллермен-Курнье, стала распространять слухи, что протестанты готовят заговор. Это подняло крестьян окрестных деревень, которые 1 мая 1560 года огромной толпой явились в город с дубинами и вилами, чтобы расправиться с крамолой. Их называли *cabans* (у Пензенского — «бушлаты») из-за грубых курток серого цвета. Скандируя «Смерть лютерам!», они направились к домам подлинных и мнимых протестантов, которые им заранее указали подстрекатели, схватили их и потащили в темницу замка Эмпери. Многие были избиты, а друга Нострадамуса, нотариуса Этьена д'Озье, запинали ногами до смерти.

После этого «кабаны» еще не раз врывались в Салон в поисках протестантов. Их вдохновитель Виллермен-Курнье пытался захватить власть в городе, вырвав ее из рук гугенотов — Паламеда Марка и его родственника Антуана Марка. 2 июля те пошли на ответные меры: вождь католиков был ранен пулей из аркебузы и вскоре умер. О дальнейшем рассказывает Сезар де Нотрдам: «Тотчас же слух начал шириться, бежать и облетать город, переходя из ушей в уши и из уст в уста. Взволнованно сообщали, что убили и первого консула и что лютеране вознамерились захватить город. В этом столкновении „бушлаты“ выступили с большими напором и наглостью, чем ранее. Они пошли, как дикие звери, с воем, роняя пену, как кабаны, с оружием, с вероломными криками и кровавыми угрозами стереть с лида земли лютеранские дома и взять на шпагу всех подозреваемых… Они били в колокола всех церквей и в набаты всех колоколен, как если бы город охватил пожар или враги уже подкопались под городские стены»[13].

Сезар, сын Мишеля Нострадамуса. Гравюра XVI в.

Сезар упоминает, что крестьяне явились к ним в дом и не уходили, пока от них не откупились деньгами. Хорошо что вскоре подошло время жатвы, и большинство «кабанов» разошлось по домам, а оставшихся городские власти кое-как уговорили покинуть город. В скором времени Нострадамус отправился в Лион договариваться об издании очередного альманаха. В этом городе тоже кипели религиозные распри, что вызвало у него тревогу. Однажды после обеда в одном из богатых домов он подошел к окну верхнего этажа, откуда был виден весь центр города. Когда его спросили, о чем он думает, он, по свидетельству каноника Габриеля Саконе, ответил: «Я смотрю на эту красивую церковь Святого Иоанна, разрушение которой предопределено, и, хотя она и находится под Господней защитой ввиду богослужений, которые совершаются в ней столь благоговейно, от нее скоро не останется камня на камне». Настроенный к пророку враждебно, Саконе в своих воспоминаниях добавляет: «И пусть теперь не говорят, будто сатана непричастен к замешиванию этих козней, поскольку он так хорошо предуведомил о них своего любимчика Нострадамуса».

В апреле 1562 года захватившие город гугеноты в самом деле разграбили собор Святого Иоанна Крестителя (Сен-Жан),

выбросив из него все образа и статуи святых. Описывая это событие, тот же Саконе снова приплел к делу Нострадамуса, будто бы заранее осведомленного о нем сатаной. «Хотя, возможно, ему об этом сообщили звезды», — оговаривается каноник. В то смутное время тиражи астрологических альманахов, прежде всего тех, что были подписаны именем Нострадамуса, значительно выросли. К нему внимательно прислушивались не только во Франции, но и в других странах. Великий Пьер Ронсар в своей «Элегии Гийому Дезотелю» упрекал свою родину в том, что не слушает голос предсказателя:

И столь же ты глуха к пророкам, что Господь
Избрал меж чад своих, и коим кровь и плоть
Дал в сем краю, чтоб здесь твою беду пророчить
Грядущую, но ты спешишь их опорочить.
Да, может быть, смогла миров Господних высь
Чрез Нострадамуса с пророчеством срастись,
Иль мужем демон злой иль добрый дух владеет,
Иль от природы он душой взмывать умеет,
Засим среди небес сей смертный муж парит,
Пророчества свои нам сверху говорит,
Иль мрачный ум его, томясь глухой тоскою,
От жидкостей густых стал сочинять такое:
Но он таков, как есть: что ни тверди мы, все ж
Неясные слова, что в нас вселяют дрожь,
Как встарь у эллинов оракул, многократно,
Предсказывали нам весь ход судьбы превратной.
И я б не верил им, коль Неба, что дает
Нам зло или добро, я в них не видел ход[14].

В ноябре 1560 года катрены «Пророчеств» оживленно обсуждались в придворных кругах. Один из них (X-39) гласил:

Два острова — в длительной траурной скорби:
Принц умер, еще не оставив детей.
Как быть же? Закон правый путь не находит,
Девчонка-вдова не в чести у властей.

Как раз в то время 15-летний король Франциск тяжело заболел лихорадкой. Детей у него не было, и перспектива его смерти должна была опечалить два «острова», под которыми в ту пору могли подразумеваться просто страны — Францию и Шотландию, принцем-консортом которой он считался. Его

будущая вдова Мария Стюарт и правда оказалась не в чести как у себя на родине, откуда ее изгнали, так и в Англии, где ее ждали тюрьма и смерть. В оригинале говорится не просто о принце (то есть правителе), а о «сыне вдовы от несчастного брака», но Екатерина Медичи и впрямь была вдовой, а брак ее с Генрихом II вряд ли можно назвать счастливым. Венецианский посол в Париже Микеле Сориано в своем дневнике сообщал: «Обсуждают предсказание, сделанное астрологами, а именно что король не переживет 18-й год своей жизни. Так что каждый рассказывает сообразно своим тревогам, приводя расчеты, по которым ожидается некое несчастье в это время, которое Господь не пожелает предотвратить». Далее дипломат излагает слухи, по которым наследник Карл будет отдан под опеку короля Наваррского Антуана де Бурбона, который обратит всю Францию в протестантство.

В своих донесениях иностранные послы неоднократно цитировали альманахи Нострадамуса — так, например, поступил тосканский посол Лоренцо Торнабуони в письме от 3 декабря, сообщая: «Состояние здоровья короля все еще неопределенное. Вот что говорят люди, в частности Нострадамус, путем пророческого духа, который в своем предсказании на нынешний месяц говорит, что „юнец потеряет царство из-за внезапной болезни“». Франциск действительно умер 5 декабря, а на следующий день трагически погиб 12-летний маркиз де Боперо, сын одного из младших принцев королевского дома. Испанский посол Шантоне писал королю Филиппу II: «Было отмечено, что за месяц умерли первый и последний по порядку члены царственного дома… Эти трагедии вызвали при дворе ошеломление, в том числе из-за угроз Нострадамуса, которого стоило лучше высечь, чем позволять продавать свои предсказания, способствующие пустым и суеверным легковериям». Отметим, что Испания была единственной крупной страной Европы, где альманахи Нострадамуса не переводились и вызывали резкое осуждение, поскольку их автора подозревали в безбожии и колдовстве.

В мае 1561 года был коронован 10-летний Карл IX, которого вскоре обручили с шестилетней Елизаветой Австрийской, дочерью императора Максимилиана. Здоровье нового монарха весьма беспокоило придворных и дипломатов, что вызвало обостренный интерес к предсказаниям Нострадамуса на этот счет. Новый венецианский посол Джованни Микеле писал на родину: «Ныне этот государь рискует, как говорят, потерять глаз, что напоминает мне очень популярное во Франции пророчество знаменитого астролога по имени Нострадамус, которое угрожает

всем принцам, утверждая, что королева всех их увидит на троне».

Таким образом, к этому времени уже упомянутое предсказание, сделанное в 1555 году, стало широко известным. Не исключено, конечно, что враги династии Валуа просто приписали его пророку, чтобы сделать более правдоподобным. Однако Нострадамус, забыв об осторожности, мог и в самом деле предсказать нечто похожее. Быть может, он оценил болезненность принцев как врач или понял, что в условиях политической нестабильности им нелегко будет усидеть на троне? Но при Генрихе II власть династии еще казалась прочной, а предсказать продолжительность жизни четырех разновозрастных детей по внешним признакам не смог бы даже самый опытный диагност. Однако пророчество, кем бы оно ни было сделано, оказалось достаточно точным: из четырех принцев, как уже говорилось, на троне не удалось посидеть только младшему — Франциску, герцогу Алансонскому, а затем Анжуйскому.

Сам Нострадамус никак не отзывался на слухи о приписанном ему пророчестве, у него хватало других дел. 31 января 1561 года был подписан королевский ордонанс, одна из статей которого запрещала всем печатникам под угрозой тюрьмы или крупного штрафа публиковать «богопротивные» астрологические альманахи без санкции церковных властей. Сами сочинители альманахов по этому ордонансу могли приговариваться к телесному наказанию. Одним из авторов закона был новый министр юстиции Мишель де Лопиталь, который недолюбливал Нострадамуса еще со времен своего посещения Салона в свите Маргариты Савойской. Впрочем, Лопиталь крайне отрицательно относился ко всем астрологам; например, предостерегая кардинала Лотарингского об опасностях, ожидающих его в Риме, он в первую очередь называл местных шарлатанов-астрологов. Неизвестно, отразился ли ордонанс на популярности Нострадамуса — скорее всего, нет, тем более, что он поддерживал хорошие отношения как с местными духовными, так и светскими властями и вполне мог получить у них все требуемые разрешения.

Екатерина Медичи с детьми. Неизвестный художник

Весной он составил альманах на следующий год, посвященный папе Пию IV и напечатанный в Париже в типографии Гийома Ленуара и Жана Бонфона. Тогда же было написано «Новое предсказание на 1562 год», изданное в Лионе у Антуана Волана и Пьера Брото. Для переговоров о его издании владельцы типографии сами приехали в Салон, что по тем временам было совершенно необычно и показывало степень популярности Нострадамуса — тогдашнего «топового автора». Вероятно, это сказалось и на его гонорарах, но растущая семья заставляла не сбавлять писательской активности. Он взял за правило выпускать в год по несколько альманахов, а также делать предсказания сразу на несколько лет для определенных заказчиков. Сохранилась рукопись одного из таких сборников: «Предсказания Мишеля Нотрдама из альманаха на 1562-й, 1563-й и 1564 годы» объемом 222 страницы. Сборник предваряет посвящение тому же папе Пию IV, но он не был закончен,

оборвавшись на 1562 году.

В тексте оставлены пробелы, из чего следует, что автор не смог закончить начатое дело. И мы знаем, почему — 4 апреля 1561 года, в Страстную пятницу, толпа фанатиков-«кабанов» снова появилась на улицах Салона. Их возглавлял францисканский монах, считавший Нострадамуса одним из главных врагов католической веры. Неизвестно, как пророк сумел спастись от толпы погромщиков — вероятно, кто-то из соседей спрятал его в своем доме. Через несколько дней он уехал в Авиньон, где оставался два с половиной месяца, пока губернатору де Танду не удалось навести в городе порядок. Его семья осталась в Салоне, поскольку Анна была в очередной раз беременна и вскоре родила дочь Диану. Похоже, пророк-все же планировал перевезти семейство в Авиньон, где было гораздо безопаснее — ведь город подчинялся папе и не был частью Французского королевства, где все сильней разгоралась гражданская война. Нострадамус арендовал в пригородах Авиньона вместительный дом, уплатив за год 18 золотых экю, но планы переезда по какой-то причине не осуществились.

В письме от 15 июля 1561 года, адресованном Лоренцу Тюббе, своему немецкому другу и клиенту, он сообщает обстоятельства своего бегства из Салона: «В этом городе, как и везде, среди знати назревают ненависть и споры из-за религии; неистовство начинает расти как среди тех, кто защищает папистскую традицию — то есть в массах, особенно среди простых людей, — так и среди тех, кто выражает учение истинного благочестия. Некий францисканец, весьма красноречивый на проповеднической кафедре, постоянно вдохновляет народ против лютеран, также подталкивая его к насилию и даже побуждая ко всеобщей резне. Что почти и произошло на Страстной пятнице; пять сотен людей, вооруженных железными палками, бросились вон из церкви подобно фанатикам. Среди лютеран они называли Нострадамуса. Почти все подозреваемые бежали. Что касается меня, то я, испуганный этой сильной яростью, уехал в Авиньон»[15]. Обращает на себя внимание, что Нострадамус именует протестантизм «учением истинного благочестия», что лишний раз говорит о его симпатиях к этому направлению.

Летом 1561 года он в последний раз посетил Италию, отправившись в Турин навестить герцогиню Маргариту, которая была беременна. По-видимому, его попросили предсказать судьбу будущего ребенка, и он, если верить автору «Генеалогической истории Савойского дома» Самюэлю Гишенону, туманно сообщил, что этот ребенок станет правителем Савойи и умрет, «когда

девятка будет предшествовать семерке». Действительно, герцог Карл Эммануил I умер в возрасте 69 лет, хотя, поняв предсказание буквально, рассчитывал дожить до 97. Впрочем, эта история, как и многое связанное с Нострадамусом, не находит никаких подтверждений.

Вероятно, из Италии он вернулся в Салон, где попытался вернуться к работе. Борьба партий тем временем продолжалась, хотя королева попыталась усмирить ее, проводя политику веротерпимости. Недовольные этим вожди католиков во главе с Франсуа де Гизом удалились от двора и начали формировать свою армию. В свою очередь, протестанты под началом освобожденного из тюрьмы принца Конде собирали своих вооруженных сторонников в Орлеане. В разных концах страны вспыхивали столкновения между партиями. В Эксе первым консулом был избран ярый католик Дюран де Понтев, сеньор де Флассан, пообещавший очистить Прованс от протестантов. Его сторонники — уже не толпы крестьян с палками, а хорошо вооруженные головорезы, — начали набеги на соседние города, устраивая «зачистки» гугенотов. Волна жалоб заставила короля отправить на юг следственную комиссию во главе с графом Антуаном де Крюссолем. Тем временем король (то есть Екатерина Медичи) 23 ноября издал секретный приказ о взятии Нострадамуса под арест — по догадкам историков, целью этого было спасение астролога от бессудной расправы. 16 декабря губернатор де Танд специально явился в Салон и увез Нострадамуса в свой замок, где тот оставался в достаточно комфортабельном заточении в течение двух месяцев. Правда, граф запретил ему сочинять предсказания, что, без сомнения, должно было смягчить гнев католиков.

17 января 1562 года Королевский совет утвердил Сен-Жерменский эдикт о религиозной терпимости, по которому протестанты получали право свободно исповедовать свою веру. Среди городов, где эдикт был отвергнут, оказался и Экс, что заставило де Крюссоля повести на город войска. Под угрозой штурма столица Прованса сдалась и лишила Флассана должности консула. Он со своими сторонниками бежал на восток, истребляя по пути протестантов. Крюссоль осадил его в городке Баржоль, который был взят штурмом; сотни мятежников погибли в бою или были казнены, но сам Флассан сумел бежать. В Эксе был оставлен гарнизон во главе с протестантом Антуаном Марком, другом Нострадамуса. Известен анекдот, по которому Крюссоль, проезжая через Салон, спросил пророка, каковы его шансы на успех. Тот боялся сделать ошибочный прогноз и в привычном туманном стиле сообщил графу, что он «оставит деревья

отягченными новыми плодами». Когда в Баржоле пленные католики были повешены на деревьях, разнесся слух, что Нострадамус имел в виду именно это. Впрочем, во время карательной экспедиции его в Салоне не было, так что эта история явно выдумана.

В феврале, когда обстановка в провинции временно успокоилась, Нострадамус был освобожден из-под ареста и вернулся в Салон. Там он ссудил еще 100 экю инженеру Крапону, который упрямо продолжал строительство канала. Тогда же он написал письмо клирикам кафедрального собора расположенного неподалеку города Оранж — они обратились к нему с просьбой найти похищенную церковную утварь. Нострадамус составил и послал им гороскоп, призванный указать на вора, сопроводив его письмом — одним из немногих сохранившихся автографов. В нем туманно сообщалось, что серебро похитили двое каноников этого же храма и что вскоре оно будет найдено. Вполне разумно он решил запугать преступников, чтобы они сами вернули украденное, не дожидаясь небесной кары: «Имейте в виду, достопочтенные господа, что на тех из вас, кто знает, когда кража священных предметов была совершена, если они не будут возвращены полностью… обрушатся величайшие несчастья, какие когда-либо случались с человеком, и на них, и на их семьи. Более того, к вашему городу подойдет чума и распространится среди его стен, поэтому пусть они не противятся». Неизвестно, были ли возвращены похищенные сосуды, но ответ вполне устроил церковников.

1 марта Францию облетела весть об очередной трагедии: солдаты герцога Гиза напали на гугенотов в городке Басси в Шампани. Окружив большой амбар, где протестанты совершали богослужение, они открыли по собравшимся огонь из аркебуз, а потом набросились на них с оружием; погибло 23 человека, десятки были ранены. Это было открытое объявление войны, после которого Гиз двинулся в Фонтенбло и захватил там не ожидающих нападения короля и королеву-мать, вынудив их отменить Сен-Жерменский эдикт. В ответ на это Конде и его соратники захватили Орлеан и ряд приморских городов, попросив помощи у протестантской Англии. В свою очередь, на сторону католиков встал король Филипп II, стремившийся искоренить протестантство во всех странах Европы.

В этой обстановке Нострадамус собрался в какое-то опасное путешествие. Вернувшись из Авиньона, он составил 18 марта нотариальный акт, согласно которому в случае, если он не вернется, нотариус Жозеф Роше должен был собрать воедино пергамент, который астролог разрезал на три части, отдав их

нотариусу, жене Анне и своему брату Жану. Если три куска совпадут, жена получит наследство, спрятанное в надежном месте — очевидно, это место и сумма наследства были названы в запечатанном письме, врученном мэтру Роше. Куда собирался Нострадамус, осталось тайной — есть версия, по которой это было связано с секретным заданием королевы Екатерины, с которой астролог продолжал переписку (ни одно из этих писем не сохранилось). Несомненно, королева делала все, чтобы сохранить власть за своими сыновьями; вполне возможно, что она привлекала Нострадамуса к выполнению этой задачи, поручив ему, например, наладить связь между вождями католиков и протестантов, манипулируя ими путем предсказаний. Впрочем, обо всем этом мы можем только гадать.

В апреле, когда пророк снова оказался в Салоне, король под влиянием Гизов сместил с поста губернатора Прованса графа де Танда, слишком лояльного к протестантам. Его заменили сыном, Оноре Савойским, который был ярым католиком; как нередко бывает в гражданских войнах, вскоре сын и отец начали друг с другом вооруженную борьбу. Воспрянувшие после отстранения де Танда католики изгнали из Экса Антуана Марка и впустили обратно Флассана, который отметил возвращение новым избиением гугенотов. В мае еще более жестокие протестантские погромы разразились в Тулузе. В ответ протестанты заняли Лион, где устроили расправу над католиками и разорили их храмы.

Столкновения охватили и Салон, откуда бежали многие протестанты. Нострадамус, однако, остался, о чем писал своему немецкому корреспонденту Лоренцу Тюббе: «Был назначен новый губернатор, и в течение четырех дней все сторонники религии были вынуждены уехать, в то время как паписты поднимали войска. Совсем недавно мы узнали, что христиане взяли Лион». Снова обращает на себя внимание то, что «сторонниками религии» и «христианами» он называет именно гугенотов, что характерно для лексикона протестантов, именовавших католиков «папистами» или «идолопоклонниками». «Что касается нового гороскопа, — продолжает он, — то мои секретари еще не смогли его переписать; если я его не высылаю, то только потому, что я пока не успел его окончательно отредактировать, в чем мне мешают религиозные войны… Заподозренные в принадлежности к христианской религии бежали; я остался один со своей семьей… по причине народного бешенства». По всей видимости, Тюббе, который тоже был протестантом, заказывал у Нострадамуса гороскоп для кого-то из немецких князей — сторонников Реформации. Но почему пророк, всегда такой осторожный, в этот раз не покинул Салон? Скорее всего, за услуги

королева-мать выдала ему столь внушительную «охранную грамоту», что ни один католический фанатик не решился ее нарушить.

Его протестантские симпатии не стоит преувеличивать — альманах на 1563 год, законченный в мае, был посвящен папскому легату Авиньона Франсуа Фабрису де Сербеллону, который как раз в это время готовил карательный поход против гугенотов, захвативших Оранж.

Изгнание гугенотов из Тулузы. Неизвестный художник

В июне католики уже занимали этот город, но протестанты снова отбили его и угрожали самому Авиньону. Однако в начале сентября католическая армия овладела крепостью Систерон, которую называли «ключом к Провансу», что вызвало бегство гугенотов. 8 сентября Сербеллон снова занял Оранж и отправил вождя местных протестантов Перрена Парпаля в Авиньон, где тот был казнен на глав ной площади. По всей области снова прокатилась волн; расправ над протестантами, которых изгоняли

из города а их дома сжигали. Нострадамус в письме возмущался этим: «Какое чудовищное варварство, направленное против христиан! Мы живем в мерзкие времена, и грядут еще худшие; как бы я хотел не видеть этого!» В предисловие к альманаху он писал о величии разума, позволяющего проникнуть в тайны природы: «Нет ничего приятнее чем овладеть наукой о высших предметах, узнать, как зарождаются ветры, где берут начало дождь и град, откуда происходят небесные вспышки и грозы, почему бывает молния».

Между тем французы продолжали свято верить его пророчествам, и порой эта вера оказывалась роковой. В июне 1652 года католики штурмовали городок Лиму, где засели протестанты; один из них, капитан Пен, смело бросился к крепостной стене и тут же был сражен нулей. Мемуарист ла Поплиньер пишет, что погибший вычитал в альманахе Нострадамуса, что в таком-то месяце сто ждет успех, если он достойно проявит себя. Ла Поплиньер осудил его легковерие: «Как можно верить предсказаниям астрологов и некромантов, не ведая того что лишь одному Богу оставлено предвидение будущего!» Но Нострадамус вряд ли виновен в том, что молодой честолюбец вычитал в его туманном, как всегда, тексте рекомендацию лезть под пули, не проявляя должной осторожности.

В марте пророк познакомился в Авиньоне с адвокатом Франсуа Бераром, ярым поклонником алхимии и астрологии. Тот вручил ему кольцо, которое считал магическим, чтобы Нострадамус изучил его. В августе Берар снова написал ему и пригласил в гости, предлагая деньги и помощь в работе. Астролог, всегда бывший человеком практичным, отправился вместе с сыном в Авиньон, где они оказались свидетелями повешения несчастного Парпаля (о чем пишет Сезар). Другие подробности пребывания Нострадамуса в папском городе неизвестны, но сохранилось его письмо к Берару, написанное на латыни. Оно проливает свет на отношение пророка к алхимии, которую он осуждал в своих сочинениях; на самом деле он уделял этой науке много внимания и даже составил свой рецепт знаменитого «эликсира жизни», способного превратить неблагородные металлы в золото. В отличие от многих алхимиков, он не скрывал этот рецепт, излагая его в письме не слишком близкому знакомому. Правда, в зашифрованном виде акростиха, первые буквы строк которого образуют слово NOSTRADAMES. Для получения «жидкого золота» следовало поместить в реторту очищенное серебро, руды, содержащие цинк и медь, миртовое масло, молибденовые опилки и серу. Затем все

это нагревать на сильном огне, а в качестве топлива использовать исключительно виноградную лозу. Полученный эликсир предлагалось пить мелкими дозами для продления жизни. А. Пензенский предполагает, что в результате этого процесса получались блестящие крупинки оксидов цинка и меди, действительно напоминающие золото.

Альманах на 1563 год был отпечатан в сентябре в Авиньоне — Лион, где пророк обычно издавал свои книги, захватили протестанты, и деловая активность в нем замерла. Возможно, что гугеноты, считавшие астрологию одним из проявлений ненавистного им суеверия, просто не позволили бы выпустить книгу главного представителя этой науки. Их отношение к Нострадамусу проявилось в ряде памфлетов, вышедших как раз в то время. Осенью 1562 года кальвинист Конрад Бадий обвинил его всего лишь в плохом качестве стихов. За этим последовали более серьезные обвинения: в следующем году два анонимных памфлета обрушились на Ронсара, хвалившего Нострадамуса, рикошетом ударив и по самому астрологу, обвиненному — уже привычно — в служении сатане. Один из этих пасквилей предостерегал королеву-мать от веры в вымыслы «проклятого Нострадама», которые распространяет «безумный Ронсар». Странно, что протестанты обращаются с жалобой к Екатерине Медичи, ревностной католичке; возможно, ее хотели скомпрометировать связью с Нострадамусом, о которой в то время твердила молва.

В начале 1563 года о пророке вспомнил видный деятель кальвинизма Теодор де Без, который после смерти Кальвина в мае следующего года занял его место «женевского папы». В своем письме он сообщал, что в Тулузу, которая прошлым летом едва не была разрушена из-за боев между католиками и протестантами, пришло письмо Нострадамуса, предупреждающее, что 15 февраля этот город может быть захвачен врагами. Началась паника, жители взялись за оружие, и дело едва не дошло до новых столкновений. «Вот что значит, — заключает Беза, — доверять этим канальям предсказателям и гадателям, наказуемым по всем законам божественным и человеческим!.. Ныне эти мерзости, как справедливо назвал их Господь, разрушают царства и республики».

Тем временем на севере Франции продолжалась гражданская война. В декабре гугеноты были разбиты в Нормандии, принц Конде попал в плен. Преследуя противника, герцог Гиз осадил Орлеан, но в феврале 1563 года был застрелен из засады протестантом Польтро де Мере. После этих тяжелых потерь королева-мать сумела усадить противников за стол переговоров,

и 19 марта был подписан Амбуазский мир, по которому гугеноты получали свободу вероисповедания, но должны были совершать богослужения только дома или за пределами городских стен. Воцарилось неустойчивое равновесие: протестанты во главе с Конде и Колиньи и католики, которых возглавил сын убитого Гиза Генрих (Анри), продолжали копить силы для решающей схватки. Возобновление войны считали неизбежным чуть ли не все, однако Екатерина Медичи была полна решимости сделать царствование своего сына мирным и процветающим. С этой целью была задумана грандиозная поездка королевского двора по стране, демонстрирующая единение власти и подданных. В путь предстояло отправиться самой Екатерине, всем ее сыновьям и многочисленной свите придворных, фрейлин и слуг общей численностью до 2000 человек. Во всех городах, где должен был побывать кортеж, спешно возводились триумфальные арки, готовилось угощение, поэты сочиняли приветственные речи.

В июне «странствующая империя» двинулась в путь из Парижа через Труа, Бар, Макон и Лион, подолгу останавливаясь в каждом из этих городов. 24 сентября двор прибыл в Авиньон, а 16 октября покинул его, чтобы направиться к Марселю через реку Дюране, которую предполагалось пересечь по специально построенному понтонному мосту. При этом ходили слухи, что Нострадамус рекомендовал королю возвращаться в Париж, поскольку в Марселе или по пути туда его ждала некая опасность. Возможно, рекомендация была высказана во время личной встречи, которая состоялась 17 октября в Салоне. Венценосные особы приехали в город специально, чтобы увидеть пророка, как об этом сообщил Сезар де Нотрдам в своей «Истории и хронике Прованса». Минувшим летом там разразилась чума, которую, как считал хронист, вызвало гниение трупов, во множестве повешенных на деревьях; это были трупы католических фанатиков, казненных за грабежи и убийства после восстановления порядка. В страхе жители разбежались по округе, и посланцам короля пришлось собирать их и возвращать в город, чтобы подготовить его к прибытию двора. Поскольку процесс явно занял некоторое время, можно заключить, что визит в Салон не был спонтанным, а изначально входил в программу путешествия.

Генрих де Гиз. Неизвестный художник

В итоге праздник удался на славу. Весь путь кортежа от ворот Сен-Лазар до замка Эмпери был украшен триумфальными арками, увитыми цветами и лентами. Улицы устелили лавандой и розмарином, фасады домов были украшены коврами. Все церкви города звонили в колокола. Во главе процессии ехал 14-летний Карл IX в плате из фиолетового бархата с серебряным шитьем и таком же берете с белым султаном из перьев цапли. У главных ворот короля встретили местные власти во главе с консулом Антуаном де Кордом; он был другом Нострадамуса и просил того присоединиться к процессии, но пророк отказался, ссылаясь на плохое самочувствие. У него был свой сценарий встречи, который король (возможно, по предварительной договоренности) выполнил от сих до сих. Проезжая мимо дома астролога, кортеж остановился, Нострадамус вышел из дома и изрек латинское приветствие: «Vir magnus bello, nulli pietate secundus» — «Муж, великий в войне и непревзойденный в набожности». А потом повернулся к толпе и громко произнес на той же латыни: «О отечество, неблагодарное ко мне, как Абдера к Демокриту!» Все знали, что философ Демокрит немало

натерпелся от своих земляков-абдеритов, чье имя стало синонимом грубиянов и невежд. Нострадамус не упустил случая сравнить с ними салонцев, которые, несмотря на все сделанное им добро, не раз угрожали его жизни и имуществу. Теперь им пришлось с постными лицами стерпеть оскорбление, высказанное в присутствии самого короля.

Благосклонно выслушав предсказателя, Карл IX пригласил его присоединиться к кортежу, и тот пошел рядом с королевским конем, держа в одной руке свой бархатный берет, а другой опираясь на трость, с которой ходил все последние годы из-за мучившей его подагры. Когда процессия достигла замка Эмпери, его пригласили разделить с королем легкую трапезу, а потом позвали в покои, где он достаточно долго беседовал с Карлом и Екатериной наедине. По всей видимости, королева и ее сын остались довольны; в письме коннетаблю Монморанси Екатерина сообщала: «Проезжая Салон, повидали Нострадамуса, который обещает моему сыну королю всяческое счастье, а также что он проживет столько же, сколько вы, а именно 90 лет». Это явно противоречило знаменитому предсказанию о том, что отпрыски Генриха II умрут молодыми, но чего не сделаешь, чтобы угодить сильным мира сего! На самом деле Карл умер в 23 года от плеврита, успев запятнать свое имя участием в Варфоломеевской ночи и оставив трон брату Генриху III — последнему из коронованных сыновей Екатерины.

Карл IX. Художник Ф. Клуэ

Среди прочего Нострадамус предсказал юному королю и брак с Елизаветой Английской, которая была старше его на 17 лет. Такой проект и правда существовал, но королева вежливо отвергла предложение; позже к Елизавете долго и так же безуспешно сватался брат Карла Франсуа Анжуйский. Другое предсказание будто бы касалось 11-летнего Генриха Наваррского, который тоже присоединился к «странствующей империи». С семьей принца пророк был знаком давно — в 1545 году он посвятил его матери Жанне д'Альбре перевод «Иероглифики» Гораполлона. Королева Наварры, ярая протестантка, обратившая в свою веру мужа и сына, вряд ли оценила это мистическое сочинение, но теперь пожелала, чтобы Нострадамус предсказал будущее ее сыну. Пророк будто бы явился на утреннюю церемонию одевания принца, чтобы разглядеть знаки на его геле, после чего уверенно заявил, что он станет королем Франции.

Такое предвидение поражает, учитывая, что в 1564 году шансы Генриха на корону были близки к пулю. Но как

осторожный Нострадамус мог решиться вслух заявить об этом, зная, что его слова тут же дойдут до ушей королевы-матери? Став королем, Генрих IV очень любил рассказывать эту историю, добавляя, что он тогда очень испугался, решив, что сердитый старик с длинной седой бородой хочет выпороть его за какую-то провинность. Но сам Генрих не слышал предсказания; о нем сообщил его хронист Пьер Летуаль, ссылаясь на гувернера Генриха и прежде всего на его мать, которая с тех пор тратила все силы, чтобы возвести сына на трон, и пала в этой борьбе от рук королевы Екатерины. Жанна ненавидела династию Валуа как католиков и убийц своего супруга — Антуан де Бурбон погиб при штурме Руана. Она вполне могла выдумать историю с предсказанием, чтобы вселить решимость в своего сына. По последним данным, встреча астролога с Генрихом Наваррским все же состоялась, но не в замке Эмпери, а в доме племянника жены Нострадамуса Пьера Тронка де Кудуле, куда принца провели тайно, чтобы не узнала королева-мать. В этом случае пророк мог и в самом деле предсказать юному королю Наварры корону — конечно, намеком, чтобы в случае чего предсказание можно было истолковать иначе.

Уже на следующий день, 18 сентября, король пожаловал Салону новый герб и отбыл дальше. Посол Испании дон Франсиско де Алава, сопровождавший «странствующую империю» вместе с другими дипломатами, сообщал Филиппу II: «Чтобы Ваше Величество убедилось, насколько люди здесь безумны, расскажу Вам, что королева, проезжая местечко, где живет Нострадамус, призвала его и подарила ему 200 экю залога. Она приказала ему построить гороскоп для короля и другой для себя самой. Поскольку это самый лукавый человек на свете, он никогда не говорит ничего, что бы не понравилось вопрошающим; он так обольстил этими гороскопами короля и королеву, что они велели ему следовать за двором, обращаясь с ним наилучшим образом, пока не устали от него и не оставили его в Арле. Когда я выразил надежду, что с Божьей помощью из этих встреч произойдет великое благо для христианского мира, королева спросила меня: „А известно ли вам, что Нострадамус пообещал мне, что в 1566 году на свете воцарится всеобщий мир и что Французское королевство умиротворится и его положение укрепится? " Когда она это говорила, то имела такой вид, будто цитировала святого Иоанна или святого Луку"[16].

Испанец не совсем прав — Нострадамус остался в городе, сославшись на болезнь, но вскоре королева-мать послала за ним, когда кортеж был остановлен в Арле разливом Роны из-за осенних дождей. Очевидно, она хотела узнать, когда прекратится

паводок и не нужно ли кортежу вернуться обратно. Видимо, его ответ устроил ее, поскольку король подарил ему 200 экю, а Екатерина добавила еще 100. Видимо, тогда же Карл назначил Нострадамуса своим лейб-медиком и королевским советником, хотя документы об этом поступили в Салон позднее. Это была чистая синекура, поскольку никто не требовал от пожилого астролога перебираться в Париж; королева просто решила отблагодарить его за услуги, обеспечив приличным пособием. Она понимала, что особого ущерба казне это не принесет, поскольку Нострадамус выглядел глубоким стариком, да и был им по представлениям того времени — в 61 год. Однако у него хватило сил последовать за двором в Экс, Тулон, Марсель, а затем вернуться в Арль, где он сделал королеве еще несколько предсказаний — например, что ее дочь Елизавета, жена короля Филиппа II, беременна первым ребенком. Это и правда было так, однако дело кончилось выкидышем: родив мужу двух дочерей, Елизавета-Изабелла, болезненная, как все дети Генриха и Екатерины, умерла в возрасте 23 лет.

В середине декабря Нострадамус вернулся в Салон. Путешествие по осенней распутице значительно ухудшило его здоровье, подагра мучила его все сильнее, он с трудом ходил и часто не мог писать, диктуя письма и заметки Шевиньи или другим секретарям. В октябре он выпустил альманах наследующий год у лионских издателей Антуана Волана и Пьера Брото; в предисловии он посвятил альманах губернатору Оноре Савойскому, с которым, очевидно, тоже сумел найти общий язык, хотя их отношения были не такими дружественными, как с предыдущим губернатором, графом де Тандом. Незадолго до этого он завершил другое сочинение, над которым долго работал — гороскоп Рудольфа, сына императора Максимилиана II. В будущем Рудольф II тоже стал императором и прославился как покровитель алхимиков и астрологов, хотя в гороскопе об этом ничего не говорится.

22 декабря пророк отправил Екатерине Медичи последнее письмо: "Госпожа, я услышал, что приближается собрание Вашего королевства. И хотя Ваше Величество могло уже быть об этом уведомлено кем-нибудь другим, тем не менее, согласно тем познаниям, которыми меня наделил Господь, и исполняя мой долг перед моим королем, как покорнейший слуга и подданный, я со всей ответственностью чина, которым меня наградило Ваше Величество, обязан уведомлять Ваше Величество всякий раз, когда с помощью звезд будет возможно узнать и понять будущее. Благодаря нескольким воздвигнутым здесь небесным фигурам я нахожу, что после краткой отсрочки во времени и пространстве,

повсюду установятся неподдельные мир, любовь и согласие, сколько бы ни было великих противоречий и распрей. Но к концу каждый вернется оттуда с радостью на устах и в сердце — те, срок возвращения которых зависит от исчерпания вопросов. В конце концов эта ассамблея станет основой великого мира и счастья во всем Вашем королевстве. Я приготовил небольшое рассуждение об этом, однако не набрался смелости отправить его Вашему Величеству до тех пор, пока Вы не изъявите более ясного желания. То, что Ваше Величество скажет и назначит, будет быстро сделано и выполнено". Это заявление оказалось столь же неверным, как многие другие предсказания салонского пророка, — уже через полтора года гражданская война в королевстве вспыхнула с новой силой.

В июне Нострадамус дописал свой последний альманах на 1567 год, посвященный сразу двум влиятельным особам: хранителю печати (министру юстиции) Рене де Бирагу и герцогу Эммануилу Филиберту Савойскому. Работа над альманахом шла трудно, заняв всю первую половину года. До нас он дошел только в копии, сделанной в 1904 году с единственного уцелевшего экземпляра, который позже также был утрачен. Через два дня после завершения альманаха Нострадамус пригласил к себе нескольких друзей и нотариуса Жозефа Роше, которому продиктовал завещание. В нем "магистр Мишель Нострадамус, доктор медицины и астрофил из города Салона, королевский советник и лейб-медик" детально распорядился имуществом, накопленным за 62 года жизни. Первым делом он просил похоронить его тело в церкви монастыря Святого Франциска. У его гроба должны были гореть четыре свечи по фунту весом. После его кончины всем монастырям города, а также городским нищим надлежало выдать небольшие суммы за упокой души. Более существенные средства доставались детям: три дочери получали по 500 золотых экю (а любимая дочь Магдалена — 600), но не сразу, а только после замужества. Младшие сыновья Шарль и Андре по достижении 25-летнего возраста должны были покинуть дом, получая по этому случаю по 100 экю. Старший, Сезар, в свои 25 лет получал в собственность дом, которым до того должна была распоряжаться вдова — Анна Понсар. Ей же доставались 400 золотых экю, но если она вступит в повторный брак, то должна будет вернуть эту сумму детям Нострадамуса.

В завещании педантично перечисляются вещи и предметы обстановки, завещанные пророком любимой жене: "Он также завещал и оставил госпоже Анне Понсар, своей жене, ларь орехового дерева, именуемый большим ларем и находящийся в гостиной дома завещателя, вместе с другим, маленьким, у

кровати, а также кровать, находящуюся в гостиной, вместе с чехлом для матраца, матрацами, пружинами, подпоркой, тканым покрывалом, пологами и занавесями на упомянутой кровати; а также 6 покрывал, 4 полотенца, 12 салфеток, полдюжины блюд, полдюжины тарелок, полдюжины мисок, два кувшина, большой и маленький, чашку и солонку, все из олова, и другое движимое имущество в доме, которое ей будет потребно согласно ее положению, три бочки для вина и маленький квадратный чан, которые стоят в подвале. Также завещатель завещал и оставил госпоже Анне Понсар, своей жене, все ее платья, одежды, кольца и драгоценности, чтобы она могла взять все, что она пожелает и захочет"[17].

Любопытная деталь: все свои книги Нострадамус завещал тому из сыновей, кто "достигнет наибольших успехов в учебе и более остальных вкусит аромата лампового масла". Чадящая масляная лампа была тогда непременным спутником того, кто постигал книжную премудрость.

До совершеннолетия сыновей все книги и бумаги надлежало связать в пачки и надежно запереть в одной из комнат дома. Вероятно, пророк надеялся, что кто-либо из сыновей продолжит его дело, возлагая особые надежды на своего любимца Сезара. Однако этого не случилось: Сезар де Нотрдам (1553–1630) стал поэтом, живописцем и историком Прованса. Второй сын, Андре (1557–1601), избрал военную карьеру, но был арестован за убийство на дуэли и уволен из полка, вступив после этого в монашеский орден капуцинов. Шарль (1556–1629) тоже был известным поэтом своего времени, но слава не пережила его. Что касается дочерей, то Мадлен (1551–1623) вышла замуж за Клода де Перусси, Анна (1558–1597) — за Пьера де Сэва, а Диана (1561–1630) стала монахиней, пережив всех своих братьев и сестер. Последние прямые потомки Нострадамуса умерли в начале XVIII столетия.

Судя по завещанию, астролог владел довольно большим состоянием в размере 3444 экю и 10 су в золотых монетах разных стран — Франции, Англии, Германии, Португалии. Эти деньги были заперты в три сундука, два комплекта ключей от которых Нострадамус поручил своим друзьям — Паламеду Марку и Жаку Сюфрану. Жена, несмотря на все доверие к ней, ключей не получила — похоже, пророк все же не до конца доверял изменчивой женской натуре.

Состояние Нострадамуса ухудшалось с каждым днем.

30 июня, предчувствуя скорую смерть, он зарегистрировал у того же мэтра Роше приписку к завещанию, в которой дополнительно завещал Сезару свою любимую астролябию и

золотое кольцо с сердоликом, а Мадлен — ореховый комод из своего кабинета вместе с находящимися в нем вещами и драгоценностями. Завещание было скреплено личной печатью пророка с изображением астрологических символов Солнца и трех планет — Марса, Юпитера и Сатурна. Очевидно, это указывало на расположение светил в день его рождения, обещающее большую славу и в то же время трудную жизнь, полную испытаний.

В книге Шавиньи содержится известная легенда о том, что Нострадамус за некоторое время до смерти предсказал ее день и даже час. Но, во-первых, свидетелем этого пророчества был не сам автор книги, а его родственник Жан де Шевиньи, а во-вторых, состояние больного было настолько плохим, что он, будучи опытным врачом, вполне мог догадаться если не о часе, то о дне своего ухода. 2 июня 1566 года он умер во сне, как умирают люди, исполнившие свое предназначение. Согласно завещанию, его похоронили в церкви монастыря миноритов (францисканцев). Латинская эпитафия на надгробии гласила:

D.M. OSSA CLARISSIMI MICHAELIS NOSTRADAMI VNIVS
OMNIVM MORTALIVM IVDICIO DIGNI CIVIVS
PENE DIVINO
CALAMO TOTIVS ORBIS EX ASTRO RVM INFLVXV FVTVRI
EVENTVS CONSCRIBVNTVR. VIXIT ANNOS LXII.
MENSES VI.
DIES X. OBIIT SALLOWE DLXVI.
QVIETEM POSTERI NE INVIDETE
ANNA PONTIA GEMELLA CONIVGI OPTIMO. V.F.

В переводе это означает: "Богам Манам. Здесь покоится прах славнейшего Мишеля Нострадамуса, достойнейшего, по суждению всех смертных, чье почти божественное перо описало события, которые, под влиянием звезд, произойдут во всем мире. Он прожил на свете 62 года, 6 месяцев и 10 дней. Скончался в Салоне в 1566 году. Да не позавидуют потомки его покою. Анна Понсар-Жемелль исполнила своей обет лучшему из мужей".

Надпись о зависти потомков многие считают пророческой: в 1791 году революционный батальон марсельцев разбил гробницу, выбросив из нее останки Нострадамуса и его сына Сезара. По известной легенде, один из погромщиков пил вино из черепа пророка, чтобы стать таким же мудрым, и уже на следующий день был убит неизвестными. Другая версия гласит, что погибли все, кто участвовал в надругательстве. Конечно, это вымысел: на самом деле мэр Салона Давид пресек бесчинства марсельцев, сообщив им, что Нострадамус будто бы предсказал революцию (так это или нет, мы обсудим в следующей главе). После ухода

захватчиков останки были захоронены под полом часовни Святого Роха при салонском храме Святого Лаврентия. Это символично, поскольку святой Рох считался защитником от чумы, и именно ему надлежало упокоить прах отважного борца с этой болезнью.

Сегодня останки Нострадамуса находятся на том же месте, являясь главной туристической достопримечательностью Салона. В доме пророка, который, в отличие от гробницы, сохранился почти в неизменном виде, работает его музей, а улица, на которой стоит дом, носит его имя. В городе установлены целых три памятника самому знаменитому его уроженцу Но, конечно, главные памятники Нострадамусу — его сочинения, хранящиеся в книжных собраниях Франции и других стран.

Самые известные из них — "Пророчества" и ежегодные альманахи, сохранившиеся, как уже было сказано, далеко не полностью, хотя часть пророчеств приведена в книге Шавиньи и других источниках. Три книги Нострадамуса не содержат предсказаний: это "Перевод "Иероглифики" Гораполлона", "Парафраза увещевания Менодота Галеном" и "Трактат о притираниях". К ним можно добавить гороскоп принца Рудольфа, хранящийся в Стокгольме, и несколько писем. В 1559 году под именем Нострадамуса была издана еще одна книга — "Превосходный трактат о болезнях", сохранившаяся только в английском переводе; большинство ученых считают ее подделкой хотя бы потому, что трактат посвящен епископу Макона Аманье де Фу, который к тому времени давно умер. В 1888 году в одной из римских библиотек была найдена рукопись естественно-научного характера с 72 акварельными рисунками, авторство которой по неясной причине пытались приписать Нострадамусу, но эта "сенсация" лопнула очень скоро.

Из предсказательных сочинений, приписанных Нострадамусу, самые известные — "сиксены", то есть шестистишия из сборника, опубликованного в 1605 году Венсаном Сэвом, который будто бы получил их у несуществующего "племянника" Нострадамуса Анри. Сиксены, число которых достигает 58, относятся к событиям Религиозных войн и предрекают славу королю Генриху IV, к которому автор обратил льстивое предисловие. В их подлинность еще верят некоторые "тайновидцы", но язык этих предсказаний мало напоминает нострадамовский, а обстоятельства их появления однозначно указывают на подделку. Позже, в период Фронды — борьбы дворянства против кардинала Мазарини, противники кардинала несколько раз выпускали сборники пророчеств Нострадамуса, добавляя к подлинным катренам несколько подложных в своих интересах. Последняя такая фальсификация отмечена в 1802 году, когда в издание

"Пророчеств" попали несколько катренов, "предсказавших" события Великой французской революции.

Нострадамусу и позже приписывались предсказания самых разных событий: обычно это делали бульварные журналисты, когда им хотелось поразить публику. Например, после событий 11 сентября 2001 года появилось сразу несколько "пророчеств Нострадамуса", самое известное из которых поместил на своей веб-странице канадский студент Нейл Маршалл. Оно говорит о падении "двух братьев" среди "Божьего града" и о начале в связи с этим Третьей мировой войны. Эту фальшивку быстро разоблачили, но ее перепосты до сих пор бродят по Интернету.

К событиям 11 сентября был применен и один из подлинных катренов Нострадамуса, о котором будет сказано дальше. Это подводит нас к самой интересной, пожалуй, для современного читателя теме — предсказаны ли в "Пророчествах" судьбы мира, как об этом неустанно твердят со страниц газет и экранов телевизоров? Почему Нострадамус стал самым известным прорицателем своего времени, богатого на мистические откровения? И почему сегодня, почти 500 лет спустя, его предсказания по-прежнему вызывают не меньший интерес, чем прогнозы погоды и биржевые сводки?

Гадание на катренах

Загадка пророчеств Нострадамуса состоит из двух слабо связанных друг с другом вопросов, на которые могут быть даны совершенно различные ответы. Вопрос первый: что конкретно он имел в виду в своих предсказаниях, написанных весьма туманно и нередко искаженных при печати? Вопрос второй: описаны ли в этих предсказаниях какие-либо исторические события последующих эпох вплоть до нашего времени? Если на первый вопрос в значительной степени отвечают исследования множества ученых, то второй все еще повисает в воздухе. А точнее, тонет в информационном шуме, поднятом вокруг пророчеств их полуграмотными и корыстными толкователями.

Чтобы понять, почему современники и потомки так внимательно прислушивались к не слишком внятным предсказаниям Нострадамуса, нужно кратко рассмотреть всемирную историю пророчеств. Известно, что на заре истории ими занимались колдуны и шаманы, отвечавшие на насущные вопросы соплеменников — о погоде, видах на урожай, здоровье, брачных союзах. Ответы получались от богов или духов тремя разными способами: 1) гаданием; 2) наблюдением всевозможных знамений на небе и земле; 3) откровением, полученным после впадения в пророческий транс. Первый способ со временем породил всевозможные виды гаданий (на внутренностях жертвенных животных, картах, бобах, кофейной гуще), которыми занимались не только профессионалы, но и вполне невежественные любители, из-за чего престиж подобных предсказаний в обществе был невысок. Второй способ дал начало астрологии, хиромантии, нумерологии и прочим "тайным наукам", которые вплоть до Нового времени окружались почетом, да и сегодня у многих в чести. Но они не могут конкурировать с третьим способом, освященным авторитетом религии.

Считается, что Бог, желая просветить человечество, сообщает ему свою волю через избранных людей — пророков. Первым из них Ветхий Завет называет праотца "избранного народа" Авраама, который привел евреев в Ханаан, то есть Палестину. Далее череда пророков тянулась вплоть до последнего из них, Малахии, жившего около 400 года до нашей эры. Все пророки предсказывали людям всевозможные беды, если те будут нарушать Божьи установления — понятно, что нарушения неизбежно случались, а за ними аккуратно следовали беды. Главным пророчеством было грядущее явление Мессии, но он, если верить иудейской традиции, так и не пришел. Христиане

считали Мессией Иисуса Христа, которому также приписывалось немало пророчеств о судьбах мира. Подобные пророчества изрекали и ученики Иисуса, апостолы — особенно известно "Откровение Иоанна Богослова", питавшее вдохновение многих предсказателей, в том числе Нострадамуса. "Откровение" вошло в новозаветный канон достаточно поздно, но сегодня верующие видят в нем безусловную истину и пытаются соотнести описанную в нем картину гибели мира с реальными событиями близкого или дальнего будущего.

Как библейские пророки получали послания от Всевышнего? Часто им приходилось для этого являться в возвышенные и уединенные места, где ощущалось "присутствие Бога" — именно так Моисей получил на горе Синай (она же Хорив) каменные скрижали с Десятью заповедями. Иногда пророки "исполнялись духа" внезапно, даже в людской толпе, начиная вдруг биться в конвульсиях и изрекать малопонятные речи, из которых с трудом извлекались связные предсказания. Порой для этого они, подобно древним шаманам, жевали наркотические вещества или вдыхали сернистый дым земных недр. Тем же занимались прорицатели язычников, резиденции которых — так называемые оракулы — нередко возникали в местах выхода на поверхность вулканических газов. Самый знаменитый оракул в греческих Дельфах на склоне Парнаса был, по легенде, основан самим Аполлоном, убившим в том месте чудовищного змея Пифона. В честь этого в городе был основан храм солнечного бога, яри котором жили пророчицы-пифии — непременно девственницы. Раз в год пифия садилась на громадный медный треножник над расселиной и вдыхала ядовитые пары, после чего изрекала заплетающимся языком предсказания, больше похожие на змеиное шипение. Специально обученные жрецы растолковывали ее речь тем, кто желал получить пророчество, — а среди них были лучшие люди Античности, цари и герои. Ответы (или их толкования) были нарочито невнятными; известно, что лидийский царь Крез, желавший пойти войной на Персию, получил ответ, что разрушит великое царство, — и в итоге погубил собственное. Несмотря на такие конфузы, популярность оракула росла, пифий вместо одной стало две, потом три, но в 393 году император-христианин Феодосий Великий запретил "языческую скверну" раз и навсегда.

Нередко дельфийскую пророчицу причисляли к сивиллам — это было общим именем предсказательниц из разных стран Средиземноморья. В Италии самой знаменитой считалась Кумекая сивилла, будто бы прожившая тысячу лет и указавшая путь на запад прародителю римлян Энею. Записанные римлянами

предсказания сивилл хранились в храме Аполлона на Палатинском холме. Однако известные сегодня "Сивиллины книги" не имеют отношения к тем записям — это сборник пророчеств, составленный на рубеже нашей эры на Ближнем Востоке. В Средние века этот свод был окружен почетом, поскольку в нем, как считалось, предсказывалось явление Христа. О том же — предсказании сивиллами прихода новой эры — писал в одной из своих эклог Вергилий, за что христиане тоже объявили его пророком и чародеем. В число пророков задним числом был вписан и библейский царь Давид, в чьих псалмах также нашлись указания на приход Спасителя. В пророческом "пантеоне" Средневековья иудей Давид мирно соседствовал с языческими сивиллами и таким же язычником Мерлином — легендарным советником короля Артура, которому до появления Нострадамуса приписывались чуть ли не все предсказания, бродившие по Европе. Подлинный Мерлин, точнее Мирддин Дикий, был валлийским бардом VI века, чьи стихи дошли до нас, но их вряд ли можно отнести к жанру пророчеств.

В то же время в христианском мире было немало собственных предсказателей; ими были как правоверные католики, так и еретики, дерзко колебавшие каноны, согласно которым люди не должны стремиться к познанию будущего, доступного только Богу. Это, однако, не помешало епископу Регенсбурга Альберту Великому (1193–1280) заниматься не только естественными науками, но и астрологией, которая прямо вела к предсказаниям. В книге "Оракулы" Альберт будто бы предрек открытие Америки, изобретение роботов и космические полеты. Однако такой книги в списке многочисленных трудов епископа нет — ее вместе со всеми пророчествами выдумали бульварные журналисты Новейшего времени.

То же можно сказать об "Оракулах" великого медика и естествоиспытателя Парацельса (1493–1541), где якобы предсказаны Французская революция, великое будущее Московии и наступление в 2041 году "золотого века". Такой работы тоже не существует — просто Парацельса, как и Альберта Великого, людская молва считала чародеем, приписывая ему среди прочих даров знание будущего. Здесь проявляется **правило первое** теории пророчеств (ТП): в 90 % случаев они приписываются людям, прославленным — заслуженно или нет — как оккультисты и адепты "тайных наук", будь то Джон Ди, Калиостро или загадочный граф Сен-Жермен.

Не все в порядке и с нашумевшим "Пророчеством о папах", будто бы сделанным ирландским архиепископом Малахией во время визита в Рим в 1139 году (любопытно, что святой провидец

носит то же имя, что последний пророк Ветхого Завета). Пророчество содержит 112 кратких фраз о римских папах и антипапах, последнего из которых, Петра Римлянина, некоторые связывают с нынешним папой Франциском I — после него Вечный город якобы будет разрушен и наступит Страшный суд. Удивительному предсказанию мешает верить то, что оно впервые обнародовано только в 1595 году в книге монаха-бенедиктинца Арно де Виона, и если до этого все папы названы правильно (даже с именами), то после начинается сплошная невнятица. Это не помешало "знатоку" Нострадамуса Джону Хоугу доказывать подлинность "Пророчества" в своей книге "Последний папа".

Поздняя публикация предсказаний, будто бы сделанных в незапамятные времена, — правило, а не исключение. В Англии был знаменит "чеширский пророк" Роберт Никсон, предсказавший будто бы свержение короля Ричарда III, революцию Кромвеля и Первую мировую войну, в которой Англия будет союзником Франции и России. Однако все эти пророчества публиковались в разное время — и каждый раз после "предсказанного" события. Сам Никсон, косноязычный увалень-крестьянин, жил в XVII веке и был по приказу суеверного короля Якова I доставлен ко двору, где так и не предсказал ничего существенного. Прославилась и "йоркширская ведьма" Урсула Шиптон, действительно жившая в XVI веке; в число ее сбывшихся пророчеств входят появление паровозов, пароходов, телеграфа, а также гибель у берегов Англии испанской Непобедимой армады. Но и тут первая запись ее откровений появилась в 1641 году, когда армада уже погибла — а вот остальные пророчества упомянуты только в книге 1862 года, когда телеграф и паровоз уже прочно вошли в быт. Вскоре издатель книги Чарльз Хайндли признался в розыгрыше, что не мешает многим авторам до сих пор ссылаться на "матушку Шиптон".

Похожие примеры есть и в России — например, белорусский пророк Василий Немчин, чьи писания будто бы обнаружил в Полоцком архиве астролог Павел Глоба. Василий, живший в XV веке, в своем объемистом труде описал все войны и революции в России вплоть до правления некоего "Хромого гончара", призванного возродить империю. Стоит ли говорить, что никаких трудов Немчина в природе не нашлось (сам Глоба уверяет, что рукопись таинственным образом исчезла из архива), как и упоминаний о нем? Или о том, что с момента первой публикации предсказаний в газетке "Оракул" в 1994 году ни одно из них не сбылось, притом что за более ранний период они исполнялись с поразительной точностью? Нечто подобное случилось и с пророчествами монаха Авеля (Василия Васильева), умершего в

суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре в 1841 году. Он будто бы предсказал смерть Екатерины II, войну 1812 года и отмену крепостного права, за что был в конце XVIII века заключен в монастырскую тюрьму. Крестьянина Васильева и правда осудили за распространение какой-то книги пророчеств, но сама книга не сохранилась, а первый ее пересказ был сделай уже в 1875 году. Что касается прорицаний Авеля о мировой войне и революции, то они появились уже в 20-е годы в эмигрантской печати. Все это подводит нас к **правилу второму** ТП: подавляющее большинство предсказаний исторически значимых событий делается задним числом. Конечно, речь идет о сбывшихся предсказаниях — несбывшиеся, как правило, забываются, к чему их авторы прилагают все возможные усилия.

XIX век отмечен расцветом науки, на время вытеснившим пророчества из сферы общественного интереса. Теперь в салонах больше верили писателям-фантастам, чем магам с гороскопами и хрустальными шарами. Впрочем, были и исключения: именно в ту эпоху в Париже процветала мадемуазель Мари-Анн-Аделаида Ленорман (1772–1843), самая известная в истории гадалка. Среди ее клиентов были император Наполеон, русский царь Александр I, Россини, Гюго, Бальзак, восхищенные ее талантом. Впрочем, так ли это? Чаще всего о восхищении говорила сама гадалка, причем уже после смерти соответствующего деятеля — ведь письменно ее предсказания не фиксировались. В тех случаях, когда клиенты ее действительно хвалили, речь шла о людях впечатлительных (как тот же Бальзак), которым Ленорман невзначай сообщала малоизвестные детали их жизни и привычек. Для этого она внимательно изучала светскую хронику и общалась с дамами-сплетницами. Как и многие гадалки, она была отличным психологом, подмечая реакцию клиента на ее слова и в соответствии с этим меняя стиль и направление беседы. Такое поведение подводит нас к **правилу третьему** ТП: многие предсказания, сделанные профессионалами, — результат знания психологии и успешного пиара.

Монах Авель. Книжная миниатюра

Это в полной мере относится к самым знаменитым предсказателям XX века — Хейро (он же граф Луис Хамон), Эдгару Кейси, Ванге. Первый из них, сын бедняка-ирландца, стал настоящей знаменитостью в викторианском Лондоне. Его клиентами были несколько британских монархов и премьер-министров, Сара Бернар, Оскар Уайльд, Марк Твен и многие другие. О сделанных им предсказаниях он рассказал в вышедших в 1912 году мемуарах, где, как водится, немало приврал. Однако некоторые его пророчества поражают точностью — он, например, в начале XX века предсказал английскому генералу Китченеру смерть в воде в возрасте 66 лет. Сухопутный полководец не обратил на это внимания — и в начале Первой мировой войны утонул на крейсере "Хэмпшир", подорвавшемся на немецкой мине. Будущему королю Эдуарду VIII Хейро предсказал, что тот потеряет престол из-за любви к женщине, — как известно, так и случилось. Он предрек также возвращение евреев в Палестину и

то, что их государство будет называться Израилем. Впрочем, его пророчества сбывались не всегда, и в итоге хиромант умер в Калифорнии в больнице для бедных. К тому времени в США расцвел талант Эд-гара Кейси (1877–1945), который делал предсказания в гипнотическом трансе. Как утверждается, многие из них сбылись, однако они излагались так туманно, что допускали самые разные толкования. **Правило четвертое** ТП: чем более расплывчато предсказание, тем больше у него шансов сбыться.

То же можно сказать о прославленной Ванге — болгарской крестьянке Вангелии Гуштеровой (1911–1996). Ослепну в еще в детстве из-за несчастного случая, она после замужества поселилась в городке Петрич, где постепенно прославилась способностью определять причину болезни, находить пропавшие вещи и людей, даже общаться с духами умерших. К ней потянулись люди со всей страны, а потом и из-за рубежа; коммунистическая власть не препятствовала этому, извлекая из Ванги немалый доход (по слухам, болгарская госбезопасность даже снабжала ее сведениями об именитых гостях). По словам Ванги, она получала информацию от каких-то невидимых существ, говоривших странными голосами; во время транса таким голосом начинала говорить и сама пророчица. Она довольно редко говорила о событиях, касающихся политики и мировых проблем, однако в посмертных сборниках предсказания на этот счет присутствуют во множестве. Ванге, как прежде Нострадамусу, приписывают все пророчества на злободневные темы, например о том, что "Крым оторвется от одного берега и прирастет к другому" — цитата якобы взята из книги 1999 года, но там она благополучно отсутствует.

Ванга

Если за Вангу сбывшиеся предсказания сочиняют другие, то другой "пророк" XX столетия, Вольф Мессинг (1899–1974), придумывал их сам. Этот выходец из еврейского местечка в Польше после немецкого вторжения бежал в СССР, где стал знаменит как иллюзионист и "артист оригинального жанра". В 1965 году в журнале "Наука и религия" были напечатаны его мемуары "О самом себе", где утверждалось, что Мессинг предвидел начало войны и победу в ней Советского Союза, раскрыл немало преступлений, успешно предсказывал судьбу Сталину и Фрейду Эйнштейну и Ганди. Все это не подтверждается никакими документами, как и всемирная известность Мессинга — даже в родной Польше о нем мало кто слышал. Громкая репутация "экстрасенса Сталина", породившая немало книг и фильмов, является плодом искусного самопиара, поддержанного друзьями и знакомыми "пророка". В то же время многие люди, знавшие Вольфа Григорьевича, с восторгом отзываются о его способностях — он угадывал совершенно невероятные вещи, обладал несомненным даром внушения, успешно предсказал ряд событий (правда, на бытовом уровне).

Все изложенное позволяет нам вывести правило пятое ТП: бывают предсказания, не объяснимые ни совпадением, ни знанием психологии, ни инсайдерской информацией, доступной их автору. Каждый из нас, покопавшись в памяти, отыщет примеры таких пророчеств в собственном опыте или в жизни близких людей. Мессинг, Кейси, американская пророчица Джин Диксон и другие объясняли это существованием "всемирного информационного поля", к которому они якобы подключаются во время гипнотического транса. Да и Нострадамус, как уже говорилось, называл транс главным источником своего вдохновения. Есть и иные объяснения феномена ясновидения, который за столетия накопил немало свидетельств в пользу своего существования, но так и не смог убедить официальную науку. Ему приписывают такие странные события, как, например, публикация в 1898 году повести американского писателя Моргана Робертсона "Тщетность", детально описавшей крушение 14 лет спустя лайнера "Титаник", который писатель назвал "Титаном" (впрочем, не исключено все же, что речь идет о крайне маловероятном совпадении). Но практически все "чудесно сбывшиеся" предсказания относятся к близкому будущему и к знакомым их авторам темам; попытки предвидеть судьбу целых стран или даже всего мира на протяжении долгого времени неизменно оканчиваются крахом.

В этом суть отношения к Нострадамусу и его наследию со стороны специалистов-историков — в отличие от восторженных адептов или огульных критиков, они выносят за скобки вопрос о достоверности пророчеств салонского астрофила и истоках его дара, рассматривая его творчество в контексте эпохи, биографии и окружения. С этой точки зрения он видится не "титанической фигурой, возвышающейся над всей мировой историей", как писал Дж. Хоуг, а классическим гуманистом французского Ренессанса, наследником античной и библейской традиции, современником и во многом единомышленником Франсуа Рабле, Жоашена дю Белле, Этьена ла Боэси. Все это определяло его отношение ко многим вопросам, в том числе к собственным пророчествам. Без сомнения, он относился к ним в высшей степени серьезно — не только как к своему opus magnum, предельному выражению талантов и творческих сил, но и как к проявлению надличностных сил, влиявших на его судьбу, будь то Божья воля, перед которой он благоговел, или пугавшие его голоса "гениев", которых христианам было привычнее называть бесами.

Создается впечатление, что он ценил "Пророчества" гораздо выше, чем альманахи, хотя именно последние обеспечили ему славу и благополучие. Они строились по тем же привычным,

испытанным рецептам, что и нынешний телеэфир — внимание к житейским, интересующим всех темам, кровь, тайны, ложная многозначительность. Эта массовая литература своего времени требовала подстраиваться под вкусы публики, угождать сильным мира сего, втискивать вдохновение в жесткие каноны. В "Пророчествах" Нострадамус намеревался действовать иначе, дав полную свободу пророческому дару. При этом он вольно или невольно повторял ставшие привычными темы и приемы; поэтому без анализа альманахов и других сочинений невозможно в полной мере понять содержание "Пророчеств".

Еще одно необходимое условие — осознание места Нострадамуса и современных ему авторов в истории французской словесности. Одновременно с ранними сочинениями салонского пророка вышли первые издания "Гаргантюа и Пантагрюэля" Франсуа Рабле, новаторского как по тематике, так и по языку. XVI век стал временем создания из провинциальных диалектов единого французского языка, нормы которого еще только фиксировались — отсюда многочисленные разночтения и ошибки в произведениях той эпохи. В литературу проникали многочисленные неологизмы, к привычным заимствованиям из латыни добавились греческие, итальянские, даже древнееврейские слова. Вдобавок бурное развитие книгопечатания привлекло к созданию книг множество не слишком грамотных людей, из-за чего в тогдашних изданиях опечатки встречаются буквально через слово. Все эти особенности свойственны и произведениям Нострадамуса, что ставит их в литературный контекст своей эпохи и одновременно затрудняет их восприятие нашими современниками.

Те же свойства создают бескрайний простор для толкований "Пророчеств", позволяющих применить их буквально к любому событию прошлого, настоящего и будущего. Интерпретаторы, имя которым легион, смело применяют катрены Нострадамуса к злободневным политическим событиям, не зная ни языка, на котором эти катрены написаны, ни контекста их появления, ни сложной системы образов, применяемой автором. Со временем эти образы обрели совсем иной смысл, что заставило многих комментаторов видеть, к примеру, в катрене 1–3 изображение Гражданской войны в России. Вот как перевел этот катрен В. Завалишин:

Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже короны
И белых и красных жестокий обман.

А вот точный перевод А. Пензенского: "Когда носилки будут опрокинуты вихрем, а лицы укрыты мантиями, государство станут мучить новые люди, тогда бело-красные будут судить наоборот". По мнению ученого, речь идет о стихийном бедствии — сильном ветре — как предвестии политического переворота. "Бело-красными" названы судьи по цвету их мантий, вместо тронов появляются носилки, то есть портшез, в котором носили знатных особ, а о республике вообще ничего не сказано. В других предсказаниях "красные" — это кардиналы, а также испанские или имперские солдаты, которые шли в бой под красным знаменем. "Белые", в свою очередь, — французы, военное знамя которых было белым. В катренах появляется могучий правитель по прозвищу Хирен или Селин ("лунный"), в котором видят иногда грядущего мусульманского завоевателя Европы. На самом деле Chiren — анаграмма имени Henric, то есть Генрих II, на личном гербе которого изображался полумесяц в знак преданности Диане де Пуатье (Диана, как известно, — богиня луны). С другой стороны, "людьми полумесяца" пророк действительно нередко называет мусульман.

Эта путаница понятий с давних пор смущает толкователей, заставляя их видеть в катренах знакомые им имена и реалии. Самую большую неясность вносит то, что если в альманахах Нострадамус четко указывает на время осуществления своих предсказаний, то в "Пророчествах" царит полная хронологическая неразбериха. Никакой видимой связи между событиями нет, одни из них явно связаны с другими, но катрены с их описанием разбросаны по разным центуриям. Точные даты упомянуты лишь в 13 случаях, еще в нескольких их позволяют определить астрологические указания. Конечно, эти случаи привлекают особое внимание исследователей; в конце XX века, например, буквально весь мир с волнением обсуждал катрен X-72, который в изложении Завалишина звучит так:

> Ну, с чем мы придем к двадцать первому веку?
> Сошедший с горящего неба — теперь повелитель земли.
> Конец и начало столетья мятежным живут человеком,
> Открытие Марса свободе грозит.

Это один из случаев, когда перевод особенно далек от подлинника, в котором сказано: "13 седьмом месяце 1999 года небесный великий царь-устрашитель воскресит великого короля Анголмуа, который будет до и после Марса править удачливо". На

эту дату назначали конец света, нашествие марсиан и даже возрождение Монгольской империи, предполагая, что *Angolmois* — это искаженное *Mongolois,* то есть "монголы". На самом деле в тексте присутствуют две опечатки, сильно меняющие смысл. Анголмуа — это Ангумуа, французское графство, правитель которого Франциск I во времена Нострадамуса был французским королем. Вместо "устрашителя" (*deffrayeur*) в одном из изданий стоит "искупитель" (*deffrayeur),* то есть Христос. Общий смысл катрена, который вполне согласуется с воззрениями Нострадамуса, таков: на рубеже XXI века Бог пошлет на землю новое воплощение просвещенного короля Франциска, который в результате войны (Марс) достигнет больших успехов. Теперь мы знаем, что ничего подобного не произошло, но накануне предсказанных событий текст вызвал немало волнения.

Другие датированные предсказания более безобидны. Одно из них, по общепринятому толкованию, посвящено научной революции в Европе:

> В грядущем предвижу расцвет астрономов.
> Науку о звездах не сжечь на кострах,
> Шестнадцать веков и семь лет вспомнит умный потомок.
> Открытия не меркнут во всех временах.

В оригинале сказано, что благодаря "священным чашечкам" в 1607 году усилятся преследования астрономов, которых не защитят даже Святые Дары. В указанном году Иоганн Кеплер в своей работе "Новая астрономия" заложил основы современной астрономической науки; годом позже голландец Ханс Липперсгей изготовил первый телескоп, а еще через год Галилео Галилей впервые применил его для наблюдений за звездным небом. "Священные чашечки", под которыми можно понимать линзы, двинули науку о звездах далеко вперед, хотя церковь пыталась сдержать ее развитие, осудив теорию Коперника. Чуть раньше указанной даты, в 1600 году, был сожжен Джордано Бруно, который, как и сам Коперник, был служителем церкви, но это (Святые Дары) не защитило их от преследований.

Иоганн Кеплер. Неизвестный художник

Это предсказание оказалось удивительно точным, как и другое, из послания Генриху II: "Начиная с этого года будет организовано величайшее гонение на христианскую церковь, какого не бывало даже в Африке, и оно продлится до 1792 года, который будут полагать годом возобновления века". Пассаж не слишком ясный, но дата позволяет отнести его к событиям Французской революции, когда был введен (правда, в 1793 году) новый календарь, что можно с натяжкой считать "возобновлением века". Правда, гонения на церковь во Франции в том году не закончились, а только начались. К тому же этот отрывок вписан в изложенную в послании хронологическую схему Нострадамуса, которая полностью соответствует христианской эсхатологии: библейская история человечества дополнена грядущим пришествием Антихриста и концом света. В этом контексте гонения на церковь упоминаются много раз, в том числе в катрене VIII-80, где говорится о крови невинных, вдов и девственниц (монахинь) из-за "великого красного" и о святых образах, погруженных в кипящий воск. В этом тексте многие видят гонения на церковь в России после "великой красной"

революции, когда многие священники и монахини были убиты, а иконы сжигались вместе с другим церковным имуществом. Но, как уже говорилось, красный цвет для Нострадамуса — символ императора или испанского короля, которым при нем был император Карл V. Возможно, катрен повествует о широко известном взятии его войсками Рима в 1527 году, когда имперское наемное войско жестоко разграбило Вечный город, не щадя ни храмов, ни священнослужителей.

Слово "Россия" в "Пророчествах" не упоминается ни разу, но, по мнению комментаторов, оно зашифровано в названиях "Сарматия" и "Аквилон", то есть Север. Аквилон упоминается, например, в известном катрене X-86, который в дословном переводе звучит так: "Подобный грифону, придет король Европы, сопровождаемый аквилонянами, и поведет большое войско красных и белых против короля Вавилона". Здесь трудно не увидеть поход Александра I (грифон — герб дома Романовых) во главе русских, англичан в красных мундирах и австрийцев в белых против Наполеона — владыки "нового Вавилона". Мешает этому уже знакомое нам отождествление красных с испанцами или подданными Священной Римской империи, а Вавилона — с Турцией или Персией, но никак не с Францией. По мнению А. Пензенского, царь Вавилона здесь Антихрист, против которого поднимет европейские армии некий могучий правитель, подобный грифону — символу единства человеческого и Божественного начал во Христе.

Другой отрывок, в котором Аквилон не упоминается, тоже часто соотносят с историей России. Это катрен VI-49, который Завалишин со своей привычной вольностью переводит так:

> Железный паук любит берег Дуная,
> Где немцы из пленных готовят рабов,
> Их родина груды рублей золотых потеряет,
> Возмездье ведя из глубоких снегов.

Понятно, что в этой интерпретации речь идет о войне с фашизмом, основатель которого родился в Австрии, на берегах Дуная. Но точный перевод, как водится, совсем другой: "Со стороны Марса великий понтифик покорит пределы Дуная, изгоняет крест, от стали — полное разграбление, пленные, золото, сокровищ более ста тысяч рубов". Руб — это не "рубль", как наивно решил переводчик, а старинная мера веса, равная 50 кг, а крест — не свастика, а обычный христианский крест. Из текста неясно, изгонят ли крест с берегов Дуная (откуда он во времена Нострадамуса уже был изгнан турками) или сам крест

придет победителем на эти земли. Можно предположить второе, и тогда катрен превращается в описание крестового похода против Османской империи, который возглавит не "понтифик Марса", то есть полководец, а папа римский, ведущий войска из Мессины на Сицилии; сокращение mamert в тексте — это не только "Марсов", но и "мессинский".

Описание Второй мировой войны видят и в катрене II-24, где будто бы появляется и сам Адольф Гитлер. Вот в каком виде это предсказание приводится в книге Э. Берзина: "Звери, свирепые от голода, поплывут через реки. Большая часть земли будет против Гистера. Великие велят тащить его в железной клетке, когда дитя Германии не будет соблюдать никаких законов". Казалось бы, удивительное предвидение! Но уже неоднократно указывалось, что Гистер — не искаженная фамилия фюрера, а Истр (*Hyster*), старинное название Дуная, употребляемое в "Пророчествах" не однажды. Смысл текста в том, что на Истре расположится военный лагерь, какой-то великий потерпит поражение в бою и его потащат в железной клетке. Последнее вряд ли можно связать с известной легендой о том, что после войны Черчилль (по другой версии, Сталин) собирался возить Гитлера в клетке по городам Европы. И уж совсем притянуто за уши сопоставление событий войны с катреном V-94:

> Вождь хочет увидеть германским вассалом
> Брабант вместе с Фландрией, Кант и Бруджес,
> Но он был враждебным разбит идеалом:
> Кавказец взял Вену и замки окрест.

Германия в ходе войны действительно захватила Бельгию с Гентом (а не Кантом) и Брюгге (а не Бруджесом). "Кавказец" — в тексте "великий герцог Армении", под которым Завалишин почему-то понимает грузина Сталина, — отобрал у нее Вену, но не указанный далее в тексте Кёльн, который был взят американцами.

Адольф Гитлер

Еще один российский (а точнее, украинский) топоним встречается в катрене Ш-95: "Закон Мора окажется ослабевшим перед лицом другого, более соблазнительного; Борисфен падет первым. Новый закон более привлекателен своими дарами и языком". Этот текст много раз трактовался на указание краха социализма ("закона Мора") под натиском "соблазнительного" влияния Запада. Под Борисфеном, как в древности назывался Днепр, лихие толкователи 90-х часто понимали Бориса Ельцина, ставшего лидером "нового закона". Есть соблазн увидеть в нем и приднепровскую Украину, ставшую виновницей распада СССР, а позже отказавшуюся от "закона" дружбы с Россией в пользу сомнительных даров евроинтеграции. Таких домыслов можно отыскать еще много, но несомненно одно: Нострадамус ни о чем таком не думал, и Борисфен, как и Гистер, означает у него всего лишь реку.

Естественно, жители каждой страны ищут — и находят — в "Пророчествах" то, что может относиться к ней. Не являются исключением и англичане, не устающие удивляться точности предсказаний о событиях на их острове. Например, катрен IX-49 гласит:

Война и мятеж множат груды развалин,
К Антверпену движутся Гент и Брюссель,
Английский король к эшафоту отправлен,
От соли с вином будет Лондон хмелеть.

Дословно в тексте говорится: "Сенаторы Лондона предадут смерти своего короля, соль и вино его опрокинут". Считается, что речь идет о событиях 1649 года, когда английский парламент отправил на плаху короля Карла I по настоянию лидеров буржуазии, разбогатевшей на торговле. "Соль и вино" будто бы обозначают именно их, хотя этими товарами торговали не английские купцы, а как раз французы в Англии. В других местах это выражение означает "налоги", и тогда получается, что злополучный монарх был казнен из-за введенных им высоких налогов. Нередко говорится об уникальности предсказания для XVI столетия, когда сенаторы не отправляли на плаху королей, нов "Пророчествах" цареубийство упоминается множество раз, и мрачная фантазия автора легко могла для разнообразия приписать это злодеяние "сенаторам", под которыми он мог понимать не только членов парламента, но и просто царедворцев.

"Пророчества" завершаются катреном X-100, в котором говорится:

Быть Англии сильной владыкой империй,
Ждет слава ее моряков и солдат,
Ей три сотни лет будут многие верить,
Но лузитанец ей будет не рад.

Снова невероятно точное предсказание: владычество Англии на морях действительно длилось чуть более трехсот лет, чему были совсем не рады власти Лузитании, то есть Португалии, чью морскую гегемонию Англия свела на нет. Конечно, в середине XVI столетия, когда английский флот только создавался, догадаться об этом было очень трудно. Однако уже говорилось, что последние катрены центурии X были опубликованы только в начале XVII века, когда морская мощь Англии стала реальностью. Вполне возможно, что катрен был написан или отредактирован с учетом этого факта.

Завидуя англичанам, американцы принялись искать в "Пророчествах" указания на Соединенные Штаты. Среди их немногочисленных находок — катрен I-50: "От водного тригона родится некто, который сделает четверг своим праздником. Молва о нем, слава, царство, его могущество возрастут, с земли и

моря на Восток придет буря". Здесь видят указание на три моря (включая два океана), окружающие США, отмечаемый в четверг День благодарения и поражение, нанесенное Японии в годы Второй мировой войны. Катрен может быть отнесен к Америке только при большом желании, но у энтузиастов такое желание есть — особенно после знаменательных событий, увеличивающих интерес к предсказаниям. Сразу после убийства президента Джона Кеннеди в 1963 году самодеятельные нострадамоведы вспомнили про катрен VI-37: "Древнее творение разрушится, с крыши на великого обрушится злая гибель. Невиновного обвинят в том, что он подстроил смерть, виновный скроется в лесной поросли в тумане". В Кеннеди стреляли не с крыши, а с верхнего этажа здания; сразу же появились слухи, что обвиненный в преступлении Ли Харви Освальд невиновен, но где скрылся таинственный настоящий убийца, остается только гадать. Как и о том, какое "древнее творение" могло быть связано с гибелью президента.

Само собой, с особенным интересом предсказания изучают французы, отыскавшие в них множество намеков на свою историю. В катрене X-43, например, видят указание на правление Людовика XVI: "Слишком хорошее время, слишком добрый король. Победы и поражения, быстрая неожиданная небрежность. Глупец поверит лжи о верной супруге, он предан смерти из-за своей благосклонности".

Этого короля многие и правда упрекали в излишней доброте и небрежном отношении к делам власти, однако лживым сплетням о своей супруге Марии-Антуанетте, которые распространяли враги монархии, он не верил до конца. И причиной его смерти на гильотине была не благосклонность (правильнее — благодушие), а неумолимая логика истории.

С Людовиком XVI часто связывается и катрен IX-20: "Ночью прибудет Реннским лесом, с двух сторон — Вотрт, Эрне, Пьер-Бланш — черный монах в сером в Варенн. Избранный кап. — вызовет бурю, огонь, резню". Упомянутые здесь топонимы находятся возле города Майенн на северо-востоке Франции; в городке Варени ночью 21 июня были задержаны бежавшие из Парижа король и королева, что вызвало острый политический кризис. Беглецы были одеты в серые дорожные костюмы, а "монахом" короля назвали якобы потому, что после ареста в следующем году он был заключен в замок-монастырь Тампль. "Кап." в этом толковании означает Капет — родовое имя королей Франции. Однако есть и альтернативное толкование, изложенное Р. Прево: катрен относится не к будущему, а к прошлому. А именно, к карательной экспедиции Антуана дю Плесси —

бывшего монаха, ставшего капитаном в сером армейском мундире. Летом 1562 года он учинил в упомянутых местах жестокую расправу над протестантами, о чем Нострадамус, конечно, знал.

Катрен I-60 принято относить к Наполеону: "Близ Италии появится император, который очень дорого обойдется империи, скажут: "К каким людям он примыкает!" — и будут считать скорее палачом, чем принцем". Восклицание в тексте может относиться к незнатным сподвижникам, которых император сделал маршалами и графами. Конечно, на фоне XX века Наполеона трудно считать палачом, но общий итог его правления — более миллиона убитых в бессмысленных войнах — стоил Франции очень дорого. Комментаторы относят к нему еще несколько катренов, из которых самый известный (IV-54) гласит: "Носящий имя, которого никогда не было у галльского короля, никогда не было того, кто так боялся молнии. Трепещут Италия, Испания и англичане. В высшей степени внимателен к иностранке". От походов Наполеона и правда трепетала Европа, но молнии он не боялся (иногда строку переводят иначе: "Никогда не было столь ужасной молнии"). Его имя и впрямь было новым для французских монархов, а к иностранке — Марии Луизе Австрийской — он был так внимателен, что сделал ее своей женой. Конечно, текст так невнятен, что может относиться к кому угодно. Что касается первого из приведенных катренов, то титул "император" Нострадамус чаще применял к правителям Священной Римской империи, а не Франции.

Людовик XVI. Неизвестный художник

Разберем еще несколько предсказаний с точной датой. Одно из них относится к 1609 году, когда папой будет избран некий "серый и черный" выходец из Кампании, отличающийся крайней жестокостью. Завалишин переводит этот отрывок так:

> Наука! Терпи переходное время!
> Как зверь, начинает семнадцатый век.
> Цвет серый и черный на крыльях из ангельских перьев,
> И церковь суровый ведет человек

Некоторые комментаторы заменяют Кампанию "компанией", то есть орденом иезуитов, чьими цветами были серый и черный. Однако в указанном году новый папа не избирался, престол святого Петра с 1605 по 1621 год занимал Павел V (в миру Камилло Боргезе), а первым папой-иезуитом только в 2013 году

стал аргентинец Франциск I.

В 1700 году (катрен I-49) упоминается большая война, в которой люди Востока, "ведомые лунной силой", почти покорят Север (Аквилон). "Людьми Востока" Нострадамус, как и большинство его современников, называл мусульман, однако комментаторы часто считают, что речь идет о воинах шведского короля Карла XII, который именно в этом году начал большую войну на севере Европы, едва не покорив Польшу и Россию. Однако упоминания Востока и "лунной силы" (полумесяца) определенно указывают на мусульман, а значит, предсказатель опять ошибся.

1727 год упомянут в катрене III-77: "В году 1727-м, в октябре, царь Персии схвачен египтянами. Война, смерть, поражение, большое посрамление кресту". В октябре этого года персидский шахиншах Ашраф подписал мир с Османской империей, уступив ей почти половину тогдашней территории страны. Египет тогда принадлежал туркам, поэтому Нострадамус в принципе мог называть их египтянами (хотя в других случаях этого не делал). "Посрамлением кресту" можно считать поражение России, которая после смерти Петра I была вынуждена примерно в те же годы вернуть Персии захваченный у нее несколькими годами ранее Азербайджан. В общем, точное предсказание налицо, однако пророк столько раз писал о столкновениях турок, персов и других известных ему народов Востока между собой, что вполне мог угадать происшедшее случайно.

Опосредованная дата содержится в катрене III-57:

> Семь раз изменяла вся Англия облик.
> Почти триста лет кровь струилась рекой.
> Германия с Францией ждали здесь долго,
> Страна над раздвоенной звездной судьбой.

В тексте говорится о 290 годе после написания "Пророчеств", то есть о 1845 годе. Вскоре после этого, в 1848-м, по Европе прокатилась волна революций, после которой в Англии прошла парламентская реформа — завершение семикратных изменений, начавшихся с воцарением династии Тюдоров. Дословно в катрене сказано, что "Франция не станет опорой для Германии", — возможно, речь идет о том, что французская революция не смогла распространиться на Германию, как планировали Карл Маркс и другие радикалы. Из перевода пропала Бастарния (Карпатский регион), где, как сказано в катрене, тоже произойдут столкновения; комментаторы видят в этом описание революции 1848 года в Венгрии. Здесь мы видим типичный пример того, как

путем предположений и натяжек туманные предсказания применяются к реальным историческим событиям.

Лучше всего хронология "Пророчеств" отражена в послании Генриху II, обращенном не столько к королю, сколько ко всему ученому миру Европы. Если в послании к сыну Сезару Нострадамус излагает идейные основы и принципы своей работы, то в послании Генриху говорит о ее научном фундаменте, основанном на христианских догмах. Как известно, церковь устами своего первого историка Евсевия Кесарийского установила, что от Сотворения мира до Рождества Христова прошло 5200 лет, а конец света должен наступить через 7000 лет после этой даты. Не соглашаясь с этой датой, Нострадамус относит Сотворение мира то к 4173, то к 4758 году до нашей эры, а его конец — к "началу седьмого тысячелетия". Если отсчитывать от одной из этих дат 7000 лет, то он должен наступить в 2242 году, что соотносится с началом эры Сатурна, определенным средневековыми алхимиками. Примечательно, что это почти совпадает с 6000-летием от Сотворения мира по еврейскому календарю — 2240 годом, на который иудейские мистики тоже назначали конец света. Именно 2242 год автор считает годом окончания "Пророчеств", как сказано в катрене I-48: "Прошло 20 лет царствования Луны, за семь тысяч лет простреться ее единовластие. Когда Солнце закончит свои усталые дни, тогда исполнится и завершится мое пророчество".

В послании Нострадамус раскрывает королю причину смущающей всех комментаторов путаницы в "Пророчествах": "В своем трактате, сир, я помещаю предсказания почти беспорядочно — и когда это событие может произойти, и сам его приход, для времясчисления, приведенного ниже, которое никак или очень мало согласуется с приведенным выше, каковое составлено как астрономическим методом, так и другими, в частности с помощью Священного Писания, которое никак не может ошибаться. И если бы я хотел вложить в каждый катрен времясчисление, это можно было бы сделать. Но это не всем бы понравилось, не меньше, чем истолкование их, если только сир, Ваше Величество, не дарует мне широкую возможность сделать это, не давая клеветникам кусать меня"[18]. Мы видим, что пророк пытается подстраховаться от нападок как тех, кто упрекает его в недостаточном знании астрологии, так и тех, кто обвиняет его в колдовстве и дьявольском внушении. Считая тремя источниками своих предсказаний науку о звездах, изучение Писания и "божественный" пророческий дар, он настаивает на своей уникальности среди провидцев и просит короля на этом основании предоставить ему помощь и поддержку.

До приведенных слов и после них в послании присутствуют три версии истории мира, мало связанные между собой, но в целом следующие церковной версии. Первая описывает появление Антихриста и создание им империи на Востоке, с которой будут долго бороться владыки Севера, то есть Европы. О Втором пришествии и финальном конце света автор предпочел умолчать, чтобы не вдаваться в богословские тонкости — это могло бы навлечь на него новые обвинения инквизиции. Вторая версия начинается соединением Головы Дракона с Луной, Солнцем и Юпитером, которое астрологи относят к 1606 году. Именно в этом году, согласно Нострадамусу, начнутся гонения на церковь, которые толкователи обычно связывают исключительно с событиями Великой французской революции. Завершение этих гонений около 1792 года будет сопровождаться поражением Рима и Венеции в войне с тремя восточными царями, играющими роль "коллективного Антихриста". Их победит король Франции, "галльский Огмий", то есть Геркулес, который завоюет Италию и достигнет всемирной победы христианства. Это случится "в преддверии седьмого тысячелетия", то есть 7000 лет от Сотворения мира. Третья версия описывает объединение неких царей Севера с восточными правителями в служении Антихристу, которое приведет к новым гонениям на церковь. "Вновь — в последний раз — вострепещут все царства христианского мира, а также и неверные, на протяжении 25 лет. И произойдут тяжелейшие войны и сражения, и будут города, поселки, замки и другие строения сожжены, опустошены, разрушены, с великим пролитием крови; замужние и вдовы будут изнасилованы, грудных младенцев станут насмерть швырять о стены городов. И столько бедствий произойдет по вине Сатаны, адского правителя, что почти весь свет окажется разгромленным и опустошенным… И после всего этого почти возродится новое царство Сатурна и золотой век. Господь Создатель возговорит, вняв скорби Своего народа. Сатана будет связан и брошен в глубокую пропасть адской бездны. И тогда установится между Богом и людьми вселенский мир, и Сатана пребудет связанным на протяжении около тысячи лет, и могущество церкви обретет свою величайшую силу".

Фактически мы имеет дело с первой версией альтернативной истории, в которой каждому читателю "Пророчеств" предоставляется возможность выбрать один из трех вариантов будущего. Оправдывая их различие, Нострадамус пишет, что "мог бы рассчитать еще глубже и согласовать одно с другим", но боится проблем с цензурой, что почти наверняка служит завуалированным обозначением инквизиции. Прибегая к

заступничеству короля, он предвидел наступление эпохи Религиозных войн и гонений, когда это заступничество окажется для него необходимым. В этом он проявил если не пророческий дар, то отличную практическую сметку — покровительство власти в будущие годы не раз спасало его от гибели.

Низвержение Антихриста. Художник Ю. Шнорр фон Карольсфельд

Если в общей схеме пророчеств Нострадамус следовал библейской традиции, то в конкретных примерах во многом опирался на античные образцы, а именно сочинения историков и писателей Древней Греции и Рима. Для многих станет открытием то, что добрая половина его "пророчеств" посвящена уже случившимся к тому времени событиям. Он и сам подтверждает это в послании Генриху II: "Я рассчитал почти столько же событий грядущего времени, сколько и прошедших лет, включая и настоящее". Такой подход сближал его не с астрологами, считавшими каждое событие уникальным и неповторимым, а с натурфилософами, которые, следуя античной концепции циклического времени, верили в то, что события прошлого повторяются или, по крайней мере, служат образцом для

будущего. Поэтому в катренах "Пророчеств" содержится немало аллюзий на случившееся в прошлом.

Например, катрен I-40 повествует о середине XIII столетия, когда завоеванная крестоносцами в 1204 году Византия вернула себе независимость, а православной религии — господство. Примерно тогда же, в 1254 году, французский король Людовик IX Святой, вернувшись из египетского плена, издал ордонанс, регулирующий правила чеканки монеты. В катрене говорится: "Обманчивая труба Раскола, несущая безумие, принудит Византию к изменению законов. Из Египта придет желающий отпущения грехов; он издаст эдикт, изменяющий деньги и пробы". Конечно, с точки зрения Запада православие было расколом, а его возвращение — безумием. Катрен точен даже в подробностях: в плену король долгое время был лишен христианских таинств, поэтому по возвращении первым делом исповедовался и причастился. Если бы этот текст относился к событиям будущего, он был бы удивительным предсказанием, но он, как уже говорилось, посвящен прошлому и ценен только как свидетельство умения автора обобщать уроки истории.

Это умение еще заметнее в катрене I-53, где Нострадамус кратко формулирует суть целого исторического периода — первой половины XVI века, вместившей в себя Реформацию и захват европейцами колоний в Америке и других частях света. Все это пророк обобщил в словах: "Увидят большой народ в беспокойстве и святой закон в полном упадке, и все христианство [пожелает] других законов, когда будет найден новый источник золота и серебра". Современные историки считают, что хлынувшие в Европу из Америки драгоценные металлы вызвали инфляцию и массовое разорение мелких собственников, ставших в итоге главной движущей силой Реформации. Можно только удивляться, как Нострадамус сумел понять это, не зная ни фактов, ни закономерностей, лежащих в основе выводов ученых. Конечно, не исключено, что и здесь речь идет о совпадении — золотые клады и изменение религии входили в число тем, неизменно интересующих автора.

Многие катрены можно понять, только хорошо зная круг чтения Нострадамуса, типичный для французских гуманистов эпохи Возрождения. В него входили поэмы Гомера и Вергилия, исторические сочинения Цезаря, Тацита, Тита Ливия, научные труды Аристотеля и Плиния Старшего. Вполне возможно, что он читал и "Декамерон" Боккаччо, о чем говорит упоминание в двух катренах — I-57 и VI-89 — старинной казни, когда преступника намазывали молоком и медом и оставляли связанным на съедение насекомым. У Боккаччо подобной каре подвергся в

Египте клеветник Амброджиоло, который "в тот день, как был привязан к колу и вымазан медом… был не только умерщвлен, но и съеден до костей мухами, осами и слепнями, которыми изобилует та страна". Правда, возможно, Нострадамус заимствовал этот сюжет из фольклора, восходящего к античным преданиям.

Катрен I-86 посвящен описанной Титом Ливием войне между римлянами и этрусками в 508 году до нашей эры: "Великая королева, увидев себя побежденной, проявит избыток мужской смелости: верхом на лошади пересечет реку полностью обнаженная, вооруженное преследование; совершит надругательство над обещанием". Имеется в виду эпизод, когда римлянка Клелия бежала из плена вместе с другими женщинами, хотя клялась не делать этого; царь этрусков простил ее, а на родине ее почтили статуей, изображавшей героиню обнаженной верхом на коне. Непонятно, почему Клелия названа "великой королевой", но Нострадамус по своей привычке затуманивал суть не только будущих, но и прошлых событий, чтобы избежать обвинений в простом пересказе античных авторов.

Загадочный катрен I-77 становится понятнее при обращении к греческим мифам: "Между двумя морями воздвигнется выступ того, кто потом погибнет от удил лошади. Его Нептун свернет черный парус, пройдя через Кальпу и флот близ Ронсеваля". Кальпой Нострадамус называет Гибралтар; в ущелье Ронсеваль был убит в 778 году знаменитый герой французского эпоса Роланд, но моря там нет, и это, вероятно, всего лишь опечатка. Миф о Тесее повествует, что этот герой, возвращаясь с Крита, забыл сменить черный парус на белый, что стало причиной самоубийства его отца Эгея. При падении с лошади погиб, впрочем, не Тесей, а другой герой, Ипполит, который запутался в упряжи. Выступ между морями — это остров или утес, возможно, тот же Гибралтар, хотя его связь с Тесеем, как и с Ипполитом, остается неясной. Есть версия, заменяющая "выступ" на "пролив", а "удила" на "укус"; тогда речь идет о Геракле, который, по легенде, и создал Гибралтарский пролив, называвшийся в древности Геракловыми столпами. Тогда "укус лошади" — аллегорическое описание коварства кентавра Несса, из-за которого погиб мифический герой. Этот пример дает хорошее представление о сложности расшифровки "Пророчеств", в которых автор то удаляется воображением к мифам древности, то возвращается к событиям недавнего времени.

Например, катрен I-90 обращен к событиям 1548 года, когда жители Гиени (Аквитании) восстали против введенного властью налога на соль. Мятежники попросили помощи у Англии, которой

эта область принадлежала до Столетней войны. На время Гиень вышла из подчинения короне и была с трудом усмирена коннетаблем Анном де Монморанси. В катрене говорится: "Бордо, Пуатье при звуках набата большой толпой пойдут до Лангона, их трамонтана будет [направлена] против галлов, когда близ Органа родится отвратительный урод". Трамонтаной Нострадамус называет холодный северный ветер, в переносном смысле — порыв, натиск. Говоря об уроде, он вспоминает двухголового козленка, которого лично осматривал в Салоне в 1554 году. Хронологическое несоответствие его, похоже, не волнует — в его циклическом мире предсказание вполне могло быть обращено в прошлое.

Порой пророк посылал в своих сочинениях "приветы" друзьям. Одним из них был знаменитый флотоводец Антуан Эскален де ла Гард (1498–1578), адмирал Восточного флота. Родившись в незнатной семье, он дослужился до высоких постов благодаря отваге и предприимчивости. В 1545 году он был отправлен в Прованс на подавление еретического движения вальденсов и проявил такую жестокость, что новый король Генрих II на три года посадил его в тюрьму. До этого ла Гард был послом в Стамбуле, приложив немало усилий для налаживания торговых связей между Францией и Востоком. Позже он участвовал в морских набегах на Англию и Италию, а в конце жизни сражался с протестантами в ходе Религиозных войн. Ему посвящены не только "Увещевание Менодота", но и не менее пяти катренов "Пророчеств". В одном (II-5) упоминается заключение ла Гарда в тюрьму и его освобождение, в другом (II-59) прямо упоминается его имя: "Галльский флот жив поддержкой великого Гарда — Великого Нептуна — и его трезубых воинов. Прованс обглодан налогами, чтобы поддержать большое войско, а еще более — Марсов Нарбонн — копьями и дротиками". Пограничный Нарбонн назван Марсовым, поскольку играл важную роль в обороне Франции, ради которой население Прованса пришлось обложить — "обглодать" — большим налогом.

Ла Гарду посвящен и следующий катрен II-60, где говорится, что "мул" изменит Ганг, Инд, Рону, Луару и Таг (Тахо), то есть реки Запада и Востока, по которым доставлялись товары. "Мулом", то есть "мулатом", автор называет адмирала, который, по утверждению современников, был сыном пленной мавританки. Катрен перекликается с "Увещеванием", где тоже говорилось, что ла Гард воплотил в жизнь предсказание Сивиллы, предрекавшее, что Ганг, Инд и Таг изменятся, начав обмениваться друг с другом товарами. По сведениям А. Пензенского, это пророчество не имеет отношения к знаменитым "Сивиллиным книгам" —

географические сочинения того времени говорят о том, что его нашли высеченным на каменной колонне у моря в 1505 году, о чем, конечно, слышал Нострадамус, собиравший все истории и слухи о предсказаниях. При находке указанное пророчество связали с открытием Америки, которую тогда еще считали Индией. Сам Нострадамус упомянул "царства Америки" только однажды в катрене X-66 к огорчению тех, кто пытается найти в его сочинениях ссылки на историю Нового Света. Нет у него, за редким исключением, упоминаний об Индии и Африке, а Китай и Япония вообще были ему неизвестны, хотя отдельные европейские эрудиты того времени знали о них из книг Марко Поло и других путешественников.

Кругозор Нострадамуса не выходил за пределы представлений его эпохи, никак не выдавая в нем великого провидца. Восточной границей его географических знаний были Польша, Венгрия и Дакия (Румыния). О первой он пишет в катрене V-73, утверждая, что при вторжении "арабов" (мусульман) в Европу к ним присоединятся поляки. Венгрии посвящен катрен II-90: "Из-за жизни и смерти изменится Венгерское царство. Закон станет более суровым, чем крепостничество. Их большой город полон стенаниями, жалобами и криками. Кастор и Поллукс — враги на ристалище". В 1526 году в битве с турками при Мохаче погиб венгерский король Лайош II, а его преемник Янош Запояи принес вассальную присягу туркам. Венгерская столица Вуда была захвачена и разграблена. При чем тут верные братской дружбе Кастор и Поллукс, неясно; возможно, автор говорит о том, что турки заставили венгерских дворян воевать против их братьев-христиан во время осады Вены и других походов. Он показывает хорошее знание событий в Венгрии, когда пишет об угнетении крестьян, затмившем прежнее крепостное право и вызвавшем мощное восстание Дьердя Дожи в 1514 году.

Конечно, пророк не мог обойти вниманием такое масштабное явление, как Реформация, встроив его в свою историческую схему. В катрене III-67 говорится о появлении в Германии "новой секты философов, презирающих золото, почести и богатства". По догадкам ученых, речь идет об анабаптистах (перекрещенцах), радикальных представителях Реформации, которые выступали за равенство во владении имуществом, властью и даже женами. Нострадамус наверняка слышал и о Крестьянской войне в Германии, в которой активно участвовали анабаптисты, и об их Мюнстерской коммуне, подвергнутой кровавому разгрому в 1535 году. О протестантах повествует и катрен IV-32: "Во время и в месте, где мясо уступит место рыбе, общепринятый закон будет ниспровергнут. С тарик будет крепко держаться, затем его

возьмут из среды. <Правило> "У друзей все общее" оставлено далеко позади".

Возможно, речь идет о Женеве, где в 1541 году установилась диктатура Жана Кальвина ("старика"). Захватив власть, кальвинисты завели строгие порядки, запретив развлечения, пышные наряды и даже зеркала. Постов они не признавали, но Кальвин для усмирения плоти призывал есть вместо мяса рыбу. Он умер только в 1564 году, но вряд ли предсказанию его смерти следует сильно удивляться. Надо сказать, что к Кальвину пророк питал личную неприязнь, поскольку фанатичные сторонники "женевского папы" не раз обрушивались на него и на астрологию вообще. В катрене I-47 правлению Кальвина предсказан жалкий конец: "Проповеди с озера Леман будут раздражать, дни уменьшатся до недель, затем до месяцев, затем до лет, затем все падут. Магистратуры проклянут свои пустые законы". Здесь имеется в виду, что женевцы отвергнут Кальвина и откажутся от его учения. На самом деле город и после смерти вождя кальвинистов остался верен его идеям, хотя в наши дни католики составляют там большинство.

Жан Кальвин. Неизвестный художник

В катрене III-76 Нострадамус тоже предрекает спад Реформации: "В Германии появятся многие секты, сильно приближающиеся к "счастливому" язычеству. С порабощенным сердцем и уменьшенными доходами вернутся к уплате истинной десятины". В то время много говорили о протестантских сектах, участники которых призывали покинуть города, уйти на лоно природы и жить там нагими и счастливыми, как жители рая. По мнению пророка, эти эксцессы предвещали возвращение немцев под власть католической церкви, что действительно случилось, но лишь в некоторых частях страны. Зато предсказание оказалось истинным для Франции, где протестантизм, несмотря на его формальное признание после Религиозных войн, с годами утратил популярность, и сегодня его исповедуют только 2 % верующих.

Помимо Библии и античных авторов, на Нострадамуса заметно повлияли три мистических сочинения XVI века, хорошо известных современникам. Автором первого из них был флорентиец Пьетро Риччо (1465–1507), больше известный под латинским псевдонимом Петр Кринит. Его книга "О благородной науке" (De honesta disciplina), написанная незадолго до смерти, была опубликована только в 1543 году. Из нее пророк заимствовал рассуждения в письме Сезару о том, как человек может узнать волю богов, хотя некоторые мысли Кринита он благоразумно утаил: тот, например, писал о существовании особых "даймонов" (гениев) пророчества, которых инквизиция легко могла счесть демонами. Однако первые завораживающие катрены "Пророчеств" заимствованы из сочинения итальянца почти дословно:

Таинственным знаньем пронизана память,
Подземные воды горят от свечи.
Трепещет и искрится бледное пламя
И в судьбы столетий бросает лучи.
Как будто сам Бог у меня за спиною
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь.

В оригинале речь идет о методах пророчества, которые Кринит заимствовал из сочинения Ямвлиха Халкидского "О египетских мистериях", где рассказывалось о дельфийской пифии: "Женщина, дающая оракулы в Бранхидах, или исполняется

божественным сиянием, держа в руках жезл, изначально предоставленный неким богом, или предрекает будущее, сидя на оси, или восприемлет от бога, смачивая ноги или край одежды в воде или вдыхая исходящий от воды пар. Во всех этих случаях она, приготовляя необходимое для встречи бога, получает его частицу извне"[19].

Вторым сочинением был сборник предсказаний, известный под названием "Книга чудес" (Liber Mirabilis). Он впервые вышел во Франции в 1519 году и был популярен до конца столетия, включая в себя самые разные предсказания сивилл, святых и астрологов. Специалисты считают, что сборник, составленный весьма тенденциозно, должен был обосновать притязания короля Франциска I на императорский престол — задача изначально провальная, поскольку главным претендентом был его соперник Карл V. Из "Книги чудес" Нострадамус заимствовал не только отдельные пророчества, но и теоретические моменты, например рассуждения Савонаролы об отсутствии разницы между прошлым и будущим в глазах Всевышего.

Третье сочинение, опубликованное в Лионе в 1550 году, принадлежало перу каноника Лангра, известного астролога Ришара Русса. Его "Книга состояния и изменения времен" содержала концепцию планетных эпох, согласно которой в истории мира сменяют друг друга семь эпох продолжительностью 354 года и 4 месяца каждая, связанных с небесными телами и управляющими ими архангелами. Согласно Русса, в 1533–1887 годах будет длиться эпоха Луны, в 1887–2242 годах — эпоха Солнца, а потом наступит эпоха Сатурна, "если, однако, мир не прекратит свое существование, подойдя к концу". О том же пишет Нострадамус в послании Сезару: "И сейчас, когда мы ведомы Луной по воле всемогущества Господнего, как только она закончит свой полный круг, воцарится Солнце, а потом Сатурн".

Многие пассажи "Пророчеств" становятся понятными только в сравнении с книгой Русса, где они изложены более понятным языком. Вот как каноник пишет о грядущем конце света: "Знайте же, друзья мои читатели, что близко царствие Божие; оно наступит в седьмом тысячелетии, в котором мы уже сейчас находимся, и в котором восьмая сфера (которая является высшим сводом небес и благословением Господним) завершит кругооборот, и небесные тела вернулся туда, откуда они начали свое движение, и прекратят его".

А вот как в своем стиле переложил эти слова Нострадамус: "Хотя мы находимся в седьмой тысяче, которая завершает все, приближаясь к восьмой, где находится свод восьмой сферы в высотном измерении, где великий вечный Бог завершит

кругооборот и где небесные образы возвратятся на свои места, и где высшее движение, которое делает нашу Землю прочной и устойчивой, "не поколеблется она во веки и веки" (Пс. 103: 5) — с оговоркой, что это случится лишь во исполнение Его воли и никак иначе".

Но откуда вообще взялась теория о конце света именно по истечении (или в начале) седьмого тысячелетия от Сотворения мира? Ее породила популярная в астрологии теория прецессии (смещения) равноденствий: ось весеннего и осеннего равноденствий медленно перемещается на небосводе, в сфере неподвижных звезд. Утверждалось, что полный оборот эта ось совершает за 7000 лет и по его завершении небосвод вернется в исходное положение, что будет означать конец света. Как уже говорилось, Нострадамус относил эту дату к 2242 году, о чем сообщал не только в послании Генриху II, но и в катрене I-48: "Прошло 20 лет царствования Луны, за семь тысяч лет прострется ее единовластие. Когда Солнце возьмет оставленные ею дни, тогда исполнится и завершится мое пророчество". Первая строка говорит о том, что катрен написан в 1553 году, когда Нострадамус, вероятно, и начал работать над "Пророчествами". Некоторые современные комментаторы утверждают, что хронологические рамки этого сочинения простираются до 3797 года, но это ошибка, полученная путем прибавления 2242 лет к 1555 году — году первой публикации.

Многие астрологи считали, что наступивший в 1533 году цикл Луны благоприятствует "людям полумесяца", то есть мусульманам, и грозит их нападениями на Европу и даже полной ее оккупацией. Отчасти эти опасения оправдались: впервые после арабских вторжений IX–X веков мусульмане, а именно турки-османы, вторглись на континент, захватили Балканский полуостров и двинулись дальше. Правивший в 1520–1566 годах султан Сулейман I Великолепный захватил Венгрию, осадил Вену, угрожал Венеции и Риму. При нем власть Османской империи распространилась от Марокко на западе до Ирака на юге, достигнув предела своего могущества. Подчиненные султану алжирские пираты совершали набеги на французские и итальянские порты и грабили корабли даже на просторах Атлантики. Нострадамус вполне мог считать, что после Сулеймана турки продолжат свои завоевания. Уже цитировался катрен I-49 о нашествии "людей Востока" на север Европы. Ему вторит катрен VI-80:

Фезанская армия хлынет в Европу
Под отблеск пожаров на взмахах меча,

Всю зелень и синь черным дымом затопит,
И вождь азиатов руины встречал.

В оригинале речь идет о нашествии армии из Феса (столицы Марокко) во главе с неким "великим азиатом". Говорится, что крест претерпит много бедствий от "синих", под которыми в других местах понимаются персы. Тему "великого" продолжает катрен V-55:

Он с войском поднимет арабские страны.
Великий крепит Магометов закон.
Гренада свободною быть перестанет,
Но враг не сожжет италийских знамен.

В оригинале говорится о новом захвате мусульманами Испании и Южной Италии. Все это вписывается в идею о мусульманской агрессии как предвестии появления Антихриста, отраженной в послании Генриху II. Однако Нострадамус, по-видимому, считал, что с окончанием цикла Луны натиск мусульман пойдет на убыль, сменившись другими угрозами. Об этом повествует катрен I-25: "Потерянный найден, скрывавшийся в течение долгого века, будет пастырь почитаем, как полубог. Когда Луна закончит свой большой цикл, будет обесславлен другими обетами". В этом отрывке иногда видят предсказание упадка христианства в эпоху Солнца, которая начнется в 1887 году. Под "полубогом", возможно, имеется в виду некий новый учитель, реформатор религии, хотя поклонники науки порой утверждают, что Нострадамус подразумевает под пастырем (***pasteur***) Луи Пастера, который примерно в те же годы стал бороться с болезнями при помощи прививок, совершив громадный прорыв в медицине.

В целом история будущего в "Пророчествах" развивается в соответствии с линией, намеченной в послании Геи-риху II, — постоянные войны и катастрофы сопровождаются возникновением и усилением всеевропейской монархии, которой суждено стать главным оплотом христианства в борьбе с Антихристом и его союзниками — правителями Востока и Севера. Во главе этой монархии должны встать короли Франции — сам Генрих, зашифрованный под именами Хирен и ***Селин*** ("лунный"), и его потомки. От монарха, которому к моменту окончания "Пророчеств" оставалось жить меньше года, Нострадамус ждал решительной победы над Габсбургами и завоевания Италии, которое уже полвека оставалось недостижимой мечтой

французских королей. Предполагалось, что Генрих также освободит из турецких темниц всех пленников-христиан (катрен II-79) — очевидно, по соглашению с султаном Сулейманом, с которым король в то время состоял в союзе против империи. В катрене VIII-54 предсказан почетный мир с Испанией с возвращением захваченных у Франции городов, хотя незадолго до этого, в 1557 году, французы были наголову разбиты у Сен-Кантена.

Нострадамус в шутку говорит здесь, что из испанцев сделают "мясной ряд", то есть превратят в отбивные. Его отношение к жителям Испании всегда оставалось негативным — не только из-за их враждебности к астрологии и астрологам, но и из-за обид, которые они причинили его предкам, изгнанным с Пиренейского полуострова. Главный антигерой "Пророчеств" — обобщенный злодей, явно напоминающий испанского короля Филиппа II. Автор скрывает его под именами Македонец (в честь его тезки, отца Александра Македонского), Эматиен (тот же Македонец по-гречески) и Энобарб — "меднобородый", поскольку у Филиппа были рыжеватые волосы. В борьбе с ним Генрих-Хирен добьется решающей победы, после чего будет коронован в императоры и принесет Европе долгий мир. Не останавливаясь на этом, Нострадамус делает своего любимца повелителем всего мира в катрене VI-70: "Великий Хирен станет во главе мира после "Все дальше"; его любят, боятся, страшатся, его слава и похвала ему превзойдут небеса". "Все дальше" *(Plus ultra)* — гордый девиз испанских королей, которых Генрих должен был затмить славой.

В реальности, как мы знаем, король Франции нелепо погиб на турнире в возрасте 40 лет. В видениях Нострадамуса — мирно скончался на пике своего величия и был похоронен в Блуа (катрен IV-77), передав царство своему сыну и наследнику, представленному как Огмий. Огмий или Огма — кельтский бог, которого римляне отождествляли с Геркулесом. Родившийся в 1555 году младший сын Генриха II и в самом деле носил имя Эркюль (Геркулес), хотя в историю вошел под вторым именем Франсуа. Ему в числе других принцев астролог предсказывал будущее в Сен-Жермене, но к тому времени Огмий уже стал одним из героев "Пророчеств". В катрене VI-42 говорится, что он, унаследовав царство отца, распространит свою власть на всю Италию, которой до этого уже завладел Хирен. В катрене IX-33 сказано: "Геркулес, король Рима и Аннемарки, титулованный званием вождя Тройной Галлии, заставит дрожать Италию и волну Святого Марка, признанный первым монархом среди всех". Аннемаркой тогда назывались владения Габсбургов в Чехии и Венгрии, и это значило, что французский король отберет у врагов

чуть ли не все их земли. В катрене VIII-44 упоминается следующий монарх, сын Огмия, которому грозят какие-то опасности из-за Наварры. Это снова пример точного, но никем не замеченного предсказания — ведь династия Валуа погибла именно из-за Генриха Наваррского. Правда, к Франсуа-Огмиосу, скончавшемуся в 29 лет от малярии, это не имеет никакого отношения.

По Нострадамусу, будущим королям Франции предстоит бороться главным образом с мусульманской угрозой, причем в основном на море — до битвы при Ленанто в 1571 году турки были хозяевами Средиземного моря. "Пророчества" полны описаний морских сражений, атак на приморские города и кораблекрушений. Когда турки особенно усилятся, обеспокоенная Франция разорвет союз с ними и вступит в коалицию с империей и Венецией, что вызовет "страшный крик Бороды" (катрен VIII-9). "Бородой" здесь назван некий чернобородый султан-завоеватель, который придет на смену Сулейману. В дальнейшем турки потерпят поражение от новой Арабской империи, о которой говорится в уже процитированном катрене V-55. Далее автор пишет о натиске "варваров" на Испанию, об их атаках на Чехию и даже Германию. Турки, не обращая на это внимания, будут продолжать борьбу с "меднобородым" Филиппом II, недобитым французами.

В итоге тот одолеет своего чернобородого противника и зажарит его на вертеле (I-74).

В свою очередь Франция ослабнет из-за новой войны с Англией, в которую вмешается и неугомонный Филипп. В результате законный король бежит на чужбину, где падет от руки заговорщиков (IV-45): "Из-за войны король покинет царство. Величайший вождь исчезнет, когда понадобится. Умершие, поверженные, мало кто спасется. Все изрублены, один будет этому свидетелем". В катрене VI-43 предсказано, что англичане хитростью захватят Париж, и после страшного разгрома столица обезлюдеет. О завершении войны говорится в катрене IX-89: "Семь лет Фортуна будет улыбаться Филиппу, он умалит усилия арабов. Затем в середине жизни все пойдет иначе, и юный Огмиос низвергнет его твердыню". Таким образом, ничтожному принцу Франсуа доверена роль окончательного победителя испанцев, что характеризует Нострадамуса как отличного льстеца, но весьма плохого предсказателя.

Дальнейшая история представлена как последовательный приход целых трех Антихристов, нужных, чтобы заполнить хронологический разрыв между XVII и XXIII веками. Ожидания конца света и явления лжемессии ожидали в Европе каждый раз с

приближением очередной хронологической вехи — вслед за 1000 годом это был 1500-й, после которого страх еще долго преследовал христианский мир. Франсуа Рабле по своей привычке посмеялся над этими ожиданиями в романе: "Разве ты не знаешь, что близится конец света?…Я слышал, Антихрист уже народился.

Правда, пока он только царапает кормилицу и нянек и до времени не обнаруживает своих сокровищ: он еще мал". В "Пророчествах" Нострадамус совместил все известные ему идеи христианской апокалиптики: союз Антихриста с мусульманами, возрождение им языческих культов, кровавые гонения на христиан, а также его война с последним великим королем Европы.

Первый Антихрист, судя по посланию Генриху II, родится в Испании, придет к власти в азиатских степях, где некогда правил Аттила, и с бесчисленным войском нападет на Европу. Великий понтифик, то есть папа римский, уничтожит его власть благодаря помощи Святого Духа. Очевидно, этому злодею посвящен катрен X-10: "Запятнанный убийством, потрясающими прелюбодеяниями, великий враг всего рода человеческого. Какой ужас случится с дедами, дядьями и отцами в стали, огне, воде; кровожадный и бесчеловечный". Явление первого Антихриста Нострадамус связывает с солнечным затмением, даты которых астрономы уже тогда научились определять; принято считать, что имеется в виду затмение 1605 года. Поскольку "новый Вавилон", о котором пишет пророк, просуществует 73 года, к 1678 году власть Антихриста падет и наступит реставрация христианства: "Из 50-го градуса выйдет тот, кто обновит всю христианскую Церковь… И будет заключен такой мир, что главный подстрекатель и зачинщик мятежей и раздоров среди верующих окажется связанным в глубочайшей преисподней. И объединится королевство Неистового, который будет притворяться мудрецом".

После этого явится второй Антихрист, которого Нострадамус называет "огромнейшим Псом". Он будет действовать в Южной Европе и добьется того, что папский престол будет перенесен из Рима в другой город (VIII-99). После этого "будут воздвигнуты храмы, как в первые времена, и служителю их будет возвращено его изначальное состояние, и он начнет блудить и купаться в роскоши, творить и совершать тысячу преступлений". Господство Антихриста продлится до прихода избавителя, который разобьет его войска и восстановит Святой престол в "Малом Междуречье", как Нострадамус называл любимый им Лион. После этого Антихрист будет "истреблен из среды и водворен в воздушное место", что означает — повешен. Эра второго Антихриста, по всей

видимости, начнется в 1792 году, а закончится до завершения "цикла Латоны" — одного из малых циклов Луны, который закончится в 1828 году.

После этого цари Аквилона (Севера) начнут новое гонение на церковь, которое продлится 11 лет, но потом один из них вернется к истинной вере и восстановит власть папы. Но к тому времени уже явится третий Антихрист и произойдет последнее сражение между добром и злом, завершающее существование нашего мира. Похоже, что эти события отражены не только в послании Генриху II, но и в группе из пяти связанных между собой катренов, завершающих центурию X. К ним относится и уже упоминавшийся катрен X-72 о "царе-устрашителе", который в этом контексте становится или самим Антихристом, или (если принять версию опечатки) его противником — Богом. В других катренах говорится о великом холоде, который скует Землю, о возрождении культа Юпитера с жертвоприношениями, о возвышении Антихриста над всеми царями Востока, о воскрешении мертвых. Все эти события описаны в христианской апокалиптикс, и новаторство Нострадамуса только в том, что он пытается определить их сроки с помощью астрологии.

Впрочем, его астрологические расчеты, как уже говорилось, далеки от совершенства. В альманахах он неверно определял время наступления лунных фаз, в гороскопе своего секретаря Шевиньи, приведенном в книге "Первый лик французского Януса", неправильно рассчитал положение планет по времени рождения. Что касается астрологических указаний в "Пророчествах", то они обычно так туманны, что не позволяют рассчитать дату события. Например, в катрене I-52 сказано, что когда "две зловредные планеты соединятся в Скорпионе", "великий властитель" будет умерщвлен в собственном дворце. Но соединение этих планет (Марса и Сатурна) в Скорпионе происходит каждые 30 лет, поэтому определить точную дату вряд ли возможно. Так, в соседнем катрене I-51 упоминается соединение "главы Овна" (первых градусов этого знака), Юпитера и Сатурна, случившееся в 1702 году; ссылка на это положение планет взято из сочинения Ришара Русса, указавшего, что в этом году произойдут большие волнения во Франции и Испании, хотя в реальности ничего подобного не случилось.

Многие астрологические идеи Нострадамус заимствовал из античной литературы, но и их не всегда передавал точно.

В катрене IV-50 он пишет: "Весы увидят владычество Гесперии, предержащей власть над небом и землей…" Между тем римский автор Марк Манилий писал: "Геспер (Луна) принадлежал Весам, когда основывался Рим, ныне владеющий миром,

решающий судьбы брошенных на весы народов". Все это говорит о том, что "астрофил" Нострадамус то ли по небрежности, то ли сознательно отвергал точность цифр в астрологических вычислениях. На первое место он ставил "пророческий дух" или, говоря словами Петра Кринита, одержимость "даймоном пророчества". Астрология здесь играла вспомогательную роль, обеспечивая теоретическую основу предсказаний. Не чувствуя себя ее глубоким знатоком, он предпочитал брать описания конфигураций светил у других авторов. При этом он должен был поддерживать свое астрологическое "реноме", то и дело нарываясь на критику более профессиональных коллег.

И все же в глазах не только современников, но и потомков Нострадамус стал первым и главным астрологом своего времени, воплощающим суть и тайну этого древнего ремесла. Причина заключалась в том, что он был поэтом, сумевшим превратить скучные вычисления в грозные и вдохновенные стихи. Однако он и здесь проявлял дилетантизм, вызывавший насмешки более искусных стихотворцев. Его катрены, полные "хромых" рифм, архаизмов и провинциализмов, устарели уже в эпоху своего создания. С другой стороны, содержание нередко приносилось им в жертву форме — многие слова искажены или добавлены, чтобы попасть в размер, отчего непоправимо страдает смысл. И все же его стихи ценили лучшие французские поэты того времени — Ронсар, дю Белле, Жан Дора. Пьер Ронсар считал, что "для первых мудрецов поэзия была не чем иным, как аллегорической теологией". По его словам, древние поэты общались с оракулами и предсказателями и пересказывали их темные и бессвязные речи изысканным языком стихосложения. Поскольку прорицатели излагали волю богов, поэты становились посредниками между высшими силами и народом, и их дар имел громадное значение.

Ту же точку зрения развивал Мишель Монтень в эссе "О суетности", обращаясь к античному опыту: "Поэзии, и только поэзии, должно принадлежать в искусстве речи первенство рі главенство. Это — исконный язык богов. Поэт, по словам Платона, восседая на треножнике муз, охваченный вдохновением, изливает из себя все, что ни придет к нему на уста, словно струя родника; он не обдумывает и не взвешивает своих слов, и они истекают из него в бесконечном разнообразии красок, противоречивые по своей сущности и не плавно и ровно, а порывами. Сам он с головы до пят поэтичен, и, как утверждают ученые, древняя теогоническая поэзия — это и есть первая философия". Треножник Платона — прямой родственник треножника дельфийской пифии, который в первых строках "Пророчеств" заменен бронзовой скамьей. В уединении своего

кабинета Нострадамус ощущал присутствие божества, чувствуя себя подлинным наследником древних пророков.

Мишель Монтень

При этом он был истинным сыном Ренессанса, наделенным тягой к знаниям, живым любопытством и широким кругом интересов. В его сочинениях нашли отражение алхимия и медицина, кулинария и военное дело, искусство и строительство — все, что он видел вокруг себя, о чем слышал или читал. В ряде мест он упоминает таинственный "греческий огонь", рецепт которого пытались восстановить многие алхимики. В катрене IV-23 он оставил свой рецепт: известь, магнезия, сера и смола. Уже говорилось о глубоком понимании им связи между политикой и экономикой, которое проявляется и в катрене IV-30: "Не пожелают, чтобы Луна и Солнце оба повысились и опустились в цене. Их будут так низко ценить, что станут добывать мало золота, и после голода и мора секрет будет раскрыт". Здесь речь также идет о притоке дешевого золота и серебра из испанских колоний, вызвавшем инфляцию, на которую жаловался современник Нотсрадамуса Жан Гломо: "Никогда еще в царстве

христианнейшего короля не было такого бедствия, как ото. Были такие, кто с полной мошной денег умирал от голода, ибо ничего нельзя было ни купить, ни продать".

В катренах не раз находили описания технических новинок будущего, особенно относящихся к военному делу. Вот катрен V-8: "Будет выпущен живой огонь, смерть скрыта внутри шаров — страшная, чудовищная. Ночью город выпустит порох во флот. Город в огне, врагу повезло". Здесь, в принципе нет ничего нового — ядра с тем же "греческим огнем", которые существовали еще в Византии; это страшное орудие древности вполне могло по недосмотру сжечь собственный город. Вопреки очевидности тайновидцы видят в этих строках описание атомной бомбы. Точно так же в "огне с неба" в катрене VI-34 усматривают боевую авиацию. В катрене I-63 предсказаны путешествия людей "по небу, земле, морю и волнам", но без подробностей. Катрен III-44 описывает и вовсе странное изобретение: "Когда прирученное животное с человеком после больших трудов и прыжков заговорит, молния для девы станет столь вредоносной, что она будет поднята с земли и повиснет в воздухе". Казалось бы, речь идет о говорящем животном, но при чем тут летающая дева?

А. Лепеллетье считал, что французское "молния для девы" *(Joudre a merge)* заменяет здесь латинское *fulmen a virga* — обозначение селитры, составной части пороха. Непонятное животное он смело отождествил с курком огнестрельного оружия, который по-французски, как и по-русски, называется "собачкой". Весь катрен комментатор считал описанием выстрела из мушкета, изобретенного в 1630 году и ставшего весьма важным новшеством; недаром во французской армии сразу же появились специальные полки мушкетеров.

Описывая технические новинки и изобретения, Нострадамус высоко ценил гуманитарные науки. Благодаря изучению древних авторов, он прекрасно знал историю и географию античного Средиземноморья, неплохо ориентировался в прошлом и настоящем современной Европы. Уже говорилось, что он владел латынью, итальянским и провансальским языками, приводил в сочинениях слова и целые фразы на испанском и древнегреческом. Два катрена в "Пророчествах" целиком написаны на провансальском, один — на латыни. Его творчество, как и у других писателей Возрождения, в значительной мере росло из античных корней. Как минимум половина его катренов содержит ассоциации с событиями Античности, взятые из трудов Тита Ливия, Овидия, Юлия Обсеквента и других авторов. У них он заимствовал и главную идею: история повторяется, меняется только антураж жизни, но не ее суть. Неизменны и люди, которые

упорно игнорируют волю богов, не обращая внимания на знамения, которые им посылают.

Высоко ценя античную культуру, Нострадамус не испытывал никаких симпатий к религии и государственной власти Древнего Рима. Первую он в полном согласии с христианскими догмами считал идолопоклонством и с тревогой предвидел времена ее возвращения, как в катрене I-44:

"Скоро вернутся жертвоприношения, нарушители будут преданы мукам, более не будет монахов, священников и послушников, мед станет намного дороже воска" (последнее значило, что церковные свечи больше не будут производиться, и воск упадет в цене). Поклонение языческим богам, кровавые жертвы, гадание по внутренностям животных он всегда описывал как признаки пришествия Антихриста.

Отвращение у него вызывала и свойственная Античности деспотическая власть, осуждаемая и другими ренессансными авторами, — например, автором "Рассуждения о добровольном рабстве" Этьеном ла Боэси. Он не жалеет бранных слов в адрес душителей свободы, полностью признавая право народа на их свержение. Вот катрен VI-76: "Древний город, творение Антенора, не сможет более терпеть тирана: фальшивый однорукий в храме перережет ему горло, а его сторонников народ предаст смерти". Речь идет о Падуе (Патавии), будто бы основанной троянцем Антенором; диковинные обстоятельства переворота там на самом деле довольно обычны для итальянских городов-государств — например, для Флоренции, где тиран Джулиано Медичи в 1478 году был зарезан прямо в соборе во время службы. Катрен II-42 выглядит совсем уж макабрическим: "Петух, собаки и кошки насытятся кровью и мясом тирана, найденного мертвым в чужой кровати, с перебитыми руками и ногами — того, кто не боялся умереть от жестокого укуса". Конечно, петухи мяса не едят, но в то время даже самые знающие естествоиспытатели имели довольно странные представления о животном мире, взятые из Аристотеля и Плиния, — верили, например, что у мухи шесть лапок.

Нострадамус был достаточно умен, чтобы понимать: часто свержение тирана приводит лишь к ухудшению положения народа, не готового к свободе. В послании к Генриху II он писал: "Области, города, селения, царства и провинции, которые сойдут со своих изначальных путей, чтобы стать свободными, поработят себя еще сильнее, и втайне будут рассержены своей свободой. И, потеряв совершенную религию, они начнут избивать левых, чтобы вернуться направо". В этом отрывке иногда видят послереволюционную историю России, когда "левые коммунисты"

потерпели поражение в борьбе со Сталиным, которого многие и сегодня считают реставратором империи. На самом деле эта ситуация типична для любой страны, притом вырвана из контекста: речь идет о возвращении на "правый путь", к утраченной религии, закону и порядку.

Не будучи политиком или политическим мыслителем, Нострадамус не оставил четкого описания своего идеала государственного устройства. Можно предполагать, что он был сторонником просвещенной монархии во главе с мудрым, терпимым, поощряющим искусства и науки человеком. Увы, в окружающей жизни таких примеров он не видел. Поглощенный своими забавами Генрих II, жестокая и властолюбивая Екатерина Медичи, ее жалкие сыновья, кровавый фанатик Филипп II были одинаково далеки от образа идеального монарха. Воздавая им лицемерные похвалы, пророк воспевал их в своих сочинениях, но вряд ли верил в выдающиеся способности всех этих Хиренов и Огмиев.

Это ставит перед нами важный вопрос: *был* ли Нострадамус шарлатаном? Все изложенное в этой книге наводит на мысль, что никаким пророческим даром *он не обладал*, а его сбывшиеся предсказания (как и у большинства знаменитых пророков) были угаданы случайно или выдуманы комментаторами. Но верил ли он сам в то, что делал и что писал? Ответ на этот вопрос можно найти в предисловии ***к*** альманаху на 1566 год: "О мой Господин, Господь вечный, Отец, Сын и Святой Дух, в этот ночной час и в этот миг воскресенья 11 марта 1565 года, когда Солнце входит в первый градус знака Овна, соединив руки, я обращаюсь к Тебе с трепетной молитвой, чтобы Ты в милосердии Своем простил меня и открыл мои чувства, память и рассудок, дабы я смог правдиво объяснить знаки и предзнаменования нынешнего 1566 года, произведя точное суждение по звездам; чтобы Ты даровал мне способность судить о ***них*** ясным и чистым умом, удаленным ото всякой земной беседы, с душой, очищенной ото всей мерзости и низости греха, — чтобы я, следуя верной тропой истины, смог возвестить французскому народу, что звезды обещают нам в нынешнем году"[20].

Нострадамус мог лукавить с людьми, но перед Богом он был искренним. Уверенный в своем пророческом даре, он всеми силами стремился не прятать его от людей, а использовать на благо родной страны и всех ее жителей. Именно поэтому он спешил высказать властям свое мнение о странных природных явлениях, казавшихся ему тревожными знаками для Франции. В этом заключается и одна из причин его обращения от медицины к предсказаниям: не в силах больше служить согражданам в

качестве врача он решил делать это в "должности" пророка. Широта его натуры видна хотя бы в заботе о жителях Салона: они не раз угрожали ему смертью, а он продолжал оплачивать строительство необходимого им канала. При этом он вовсе не был ангелоподобным добряком, каким порой изображается в романах. Язвительный, скуповатый, неуживчивый, нетерпимый к критике — таким предстает Нострадамус в отзывах современников и собственных письмах. Однако окружающие обходились с ним не лучше, чем он с ними; жизнь не баловала его, заставляя оплачивать добытый опыт трудом, лишениями, потерей близких и предательством друзей.

Он не был новатором ни в астрологии, ни в медицине, следуя путями, проторенными задолго до него. Отвага и находчивость, проявленные им при лечении чумы, не привели и не могли привести к заметному прогрессу в борьбе с болезнью. Значительных научных трудов он не создал, а его астрологические сочинения написаны на дилетантском уровне, что хорошо понимали знатоки. Изображая из себя ученого в глазах профанов, он на самом деле был поэтом, стремящимся при помощи своих предсказаний направить людей и прежде всего правителей на путь истины, добра и красоты. Его новаторство проявилось прежде всего в создании нового литературного жанра — стихотворного пророчества на политические темы. Этот жанр, вызвавший большой интерес у современников, остается популярным до сих пор.

Понимание истоков творчества Нострадамуса и причин, вызвавших появление его сочинений, — результат научных исследований, начавшихся еще в XIX веке. Опыт первого комментированного перевода "Пророчеств" на современный французский язык, предпринятый в 1867 году Антуаном Лепеллетье, оказался не слишком удачным, но обратил на салонского пророка внимание ***ученых.*** В 1920 году в Гарвардском университете была защищена первая докторская диссертация о Нострадамусе, автором которой стал американский историк Юджин Паркер. Однако подавляющее большинство серьезных исследований на эту тему появились во Франции и других франкоязычных странах. Статьи Эдгара Леруа о биографии Нострадамуса, опубликованные в первой половине XX века, вошли в книгу "Нострадамус, его происхождение и жизнь" (Nostradamus, ses origines, sa vie, son oeuvre), вышедшую в 1972 году. В 1983 году историк Жан Дюпеб впервые издал более 50 писем в книге "Нострадамус: Неизданные письма" (Nostradamus: Lettres Inedites). Эти документы пролили новый свет не только на биографию астролога, но и на его личность и взгляды, открыв в

них много нового — например, явную симпатию к протестантам.

В том же 1983 году в Лионе была основана Ассоциация друзей Мишеля Нострадамуса, основанная сотрудником муниципальной библиотеки Мишелем Шомара. Существующая и сейчас Ассоциация выпускает журнал, осуществляет факсимильные переиздания источников, собрала обширную литературу, связанную с Нострадамусом и его эпохой. Сам Шомара в 1989 году выпустил уникальную "Библиографию Нострадамуса", оснащенную превосходным справочным аппаратом и доведенную до начала XIX века. Продолжить работу ученому помешала смерть. Справочник Шомара во многом дополняет исследование Робера Беназра "Хронологический нострадамоведческий справочник (1545–1989)", вышедшее в 1990 году. В этой книге содержатся подробные сведения не только об источниках по жизни и творчеству Нострадамуса, но и о его сочинениях, а также большое количество уникальных иллюстраций.

В 90-е годы вышли две книги франкоканадского историка Пьера Брендамура, профессора университета Оттавы. В первой из них, "Астрофил Нострадамус" (1993), опубликованы малоизвестные документы о Нострадамусе. Вторая, "Нострадамус. Первые центурии, или Пророчества" (1996), представляет собой комментированное издание первого варианта "Пророчеств", отпечатанного Масе Бономом в 1555 году. Эта книга фактически стала первым научным анализом текста "Пророчеств"; Брендамур не только раскрывает историко-географические реалии, стоящие за текстом, но и пытается восстановить его подлинный смысл, исправляя ошибки наборщиков. В 1999 году вышла книга Бернара Шевиньяра "Пророчества Нострадамуса" (Presages de Nostradamus), выполнившая ту же сложную задачу для альманахов салонского пророка. В 2003 году писатель Жан-Поль Клебер (1926–2011) выпустил новый полный перевод "Пророчеств" на современный язык.

Все эти книги, к сожалению, известны только узкому кругу специалистов, в то время как массовый читатель узнает о Нострадамусе из популярной литературы, прежде всего англоязычной. Ведущие авторы этого жанра — Джон Хоуг, Эрика Читэм, Стивен Полас — выискивают в биографии своего героя исключительно сенсации, игнорируя культурный контекст его творчества, немилосердно искажая суть и смысл его сочинений. Не довольствуясь существующими предсказаниями Нострадамуса, некоторые из них (например, Долорес Кэннон) сочиняют новые, якобы продиктованные им вызванным из потустороннего мира духом пророка. Среди этой массы псевдонаучных сочинений

теряются немногие серьезные работы — книги Эдгара Леони, Питера Лемезюрье, Иэна Уилсона.

Особая статья — использование Нострадамуса в пропагандистских целях. Уже в XVII веке высокий авторитет астролога позволял изготавливать от его имени фальшивые предсказания, подобные сикстенам Венсана Сэва. Этот метод в начале XIX века взяли на вооружение англичане, распространявшие во Франции катрены "Пророчеств", якобы предрекавшие поражение Наполеона. В годы Первой, а затем и Второй мировой войны враждующие стороны сбрасывали друг на друга не только бомбы, но и листовки с препарированными отрывками из Нострадамуса. Руководитель гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг вспоминает в мемуарах: "Примером того, как мы смогли направлять в нужном для нас направлении поток беженцев в Северной Франции… является изготовленная нами брошюра, содержащая мрачные прорицания средневекового астролога Нострадамуса. Эта брошюра распространялась среди французского населения через наших агентов по радио и забрасывалась с самолетов. Мы выбрали те цитаты, в которых Нострадамус предсказывал появление "машин, изрыгающих дым и огонь, которые с грохотом будут пролетать над городами, неся ужас и уничтожение людям". В свою очередь, американские авторы послевоенной эпохи использовали сочинения Нострадамуса не только как банальное средство заработка, но и как орудие в холодной войне. Едва ли не в каждом их опусе цитаты из "Пророчеств" становились предостережением против российской, китайской, а впоследствие и исламской угрозы.

В самой России о Нострадамусе долгое время почти ничего не знали. Для традиционалистов он был подозрителен как католик и оккультист, для либералов — как проводник устаревших смехотворных суеверий. До начала XX века о нем по-русски не вышло ни одной не то что книги, но даже статьи, и наши читатели знали о нем только по скупым упоминаниям в "Фаусте" и французских романах. В знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона ему было посвящено буквально две строчки: "Нострадамус, франц. астролог, 1503—66, врач. Соч. "Centuries" (1558) обратили на себя внимание предсказаниями". Трагические события начала XX века обострили интерес российского общества к всевозможным пророчествам, в том числе к сочинениям Нострадамуса. Одним из первых на него обратил внимание выдающийся историк и мыслитель Лев Карсавин в своей статье "О свободе", опубликованной в 1922 году в петербургском журнале "Мысль" незадолго до высылки автора из страны на "философском

пароходе". Он писал не о биографии астролога, а о его пророчествах и о том, возможны ли пророчества вообще. По мнению Карсавина, Нострадамус действительно прозревал будущее, причем не благодаря астрологии, а в некоем подобии сомнамбулического сна. Астрологические вычисления всего лишь помогали ему уточнить даты и обстоятельства событий.

Статья Карсавина фактически открыла русскому образованному читателю имя Нострадамуса — и тут же закрыла его. В СССР мистика оказалась в немилости вместе с религией, и имя салонского пророка на много лет было подвергнуто ***негласному*** запрету. О нем могли писать ***только*** эмигрантские авторы, но и они не особенно усердствовали в этом. Только в 1938 году публицист Максим Генин выпустил в Риге книгу "Нострадамус. Пророк европейской истории", где писал о предсказании астрологом важнейших событий европейской истории. Доказывая истинность пророчеств Нострадамуса, Генин ссылается на детерминизм истории, где будущее определяется прошлым и вытекает из него.

В обоснование этого он приводит мысль Льва Толстого: "Каждое действие, кажущееся произвольным, в историческом смысле не произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определенно предвечно". При этом о самом Нострадамусе Генин пишет кратко и не слишком достоверно, опираясь на французские популярные изложения.

В 1974 году первый русский перевод "Пророчеств" выпустил в Нью-Йорке поэт-эмигрант Вячеслав Клавдиевич Завалишин (1915–1995). Этот потомок известного дворянского рода окончил Ленинградский университет, в годы войны попал в плен в Германию, оттуда переехал в США и много лет работал в газете "Новое русское слово" и "Новом журнале". По его воспоминаниям, интерес к Нострадамусу у него был давним: "Когда в ежовщину мои родители, отец и мать, были арестованы, у них конфисковали небольшую книгу о Нострадамусе с переводом на русский катренов и фрагментов двух апокалипсисов, выпущенную в начале двадцатых годов. Книга эта была признана антисоветским памфлетом под маской средневековой схоластики…" О такой книге ничего не известно, хотя в период нэпа что-то подобное действительно могло появиться на прилавках. В своем переводе Завалишин опирался на немногочисленные тогда французские издания, хотя делал оговорку: "Когда я собирал материал о Нострадамусе, я пытался — не от своего имени, а от имени влиятельных знатоков средневековой культуры — получить фотоснимки с нужных мне редких книг, хранящихся в разных библиотеках Советского Союза. Все мои усилия, к большому

огорчению, оказались тщетными" (очевидно, имелся в виду экземпляр "Пророчеств", хранящийся в РГБ, поскольку других редких книг о Нострадамусе в Москве не было).

Будучи поэтом, хоть и довольно слабым, Завалишин решил перевести "Пророчества" стихами, что сильно повредило смыслу Почти в каждом катрене он произвольно меняет слова — иногда для стройности, иногда для соблюдения своих намерений связать содержание с теми или иными событиями мировой и прежде всего российской истории.

Уже говорилось о произвольном толковании им катрена I-3 о "белых" и "красных". Он же первым обратил внимание на пророчество о 73 годах в послании Генриху II. Вот точный перевод этого отрывка, сделанный А. Пензенским: "В месяце октябре произойдет так, что случится некое великое перемещение — такое, что подумают было, что махина Земли… погрузилась в вечные потемки. Этому будут предшествовать великие землетрясения… с разрастанием новой Вавилонии, презренной дщери, приращенной мерзостью первого всесожжения; и продержится она лишь 73 года и 7 месяцев". А вот как переводит этот же отрывок Завалишин: "В октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда-либо существовавших. Жизнь на Земле перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весною и после нее произойдут великие перемены, падения королевств и великие затмения; и все это сопряжено с возникновением нового Вавилона, мерзкой проституцией, отвратительной духовной опустошенностью, и это продлится 73 года и 7 месяцев".

В комментариях переводчик развивает эту тему: "Если принять во внимание, что это пророчество имеет непосредственное отношение к Октябрьской революции в России в 1917 году, то надо согласиться и с тем, что начало крушения порожденных этой революцией порядков следует отнести к 1991 году. Окончательно же русская революция изживет себя в 2025 году". Это предсказание, сделанное, как уже говорилось, в 1974 году, оказалось удивительно точным — советская власть рухнула в 1991 году, просуществовав 73 года и несколько месяцев. Вопрос в том, при чем здесь Россия — как уже говорилось, в контексте послания этот пассаж относится к явлению первого из трех Антихристов, предсказанных пророком. Конечно, можно считать этим Антихристом Ленина или Сталина, а упомянутое в тексте "всесожжение" относить к убийству царской семьи, которому порой приписывают ритуальный смысл. Такие толкования уже много лет бродят по страницам желтой прессы, восходя к далекому от научности переводу Завалишина.

В то же время этот перевод при всей своей неточности хотя бы отчасти передает поэтическое очарование подлинника, а в своих комментариях его автор излагает немало здравых мыслей. Например, о вкладе Нострадамуса в историю общественной мысли: "Значение "Центурий" в том, что они оказались едва ли не самой первой антиутопией в истории мировой культуры… Нострадамус выступает суровым разрушителем утопических иллюзий и надежд: не земной рай, а деспотию, войны и кровь дадут человечеству новые времена… Возможно, Нострадамус вовсе не предполагал, что на свете появятся Маркс и Ленин, Сталин и Гитлер. Но то, что Нострадамус не верил в практическое осуществление утопических идеалов, а был убеждён, что в будущем восторжествует деспотизм под маской народоправства, как мне кажется, оспаривать невозможно".

Эта теория Завалишина объясняет особую популярность Нострадамуса в современной России, пережившей столетие потрясений, вызванных социальными экспериментами. Поэт считает своего героя первым футурологом, который старался не столько запугать человечество мрачностью предсказаний, сколько предупредить его о последствиях прогресса, железную поступь которого уже различал в грядущих веках: "Нострадамус укрепляет гуманное начало в человеке, которого судьба приносит в жертву катастрофам, социальным и революционным потрясениям, кровопролитным войнам. Только тот, кто прошёл через всё это, может открыть для себя и по-настоящему оценить Нострадамуса".

В Советском Союзе сочинения Завалишина, как и других эмигрантов, были запрещены. Информация о Нострадамусе там появлялась редко и дозированно — например, в посвященной астрологии книжке Григория Гурева "История одного заблуждения", вышедшей в 1970 году. Полный ошибок текст повествует о том, что "особую известность получила история будущего Франции, изложенная в 1553 г. астрологом Мишелем Нострадамом (1503–1566) в стихах в книге под названием "Астрономические четверостишия". После смерти Нострадама эта книга много раз издавалась с новыми добавлениями и исправлениями, что создало легенду будто автор продолжает работать в гробу". Эти смехотворные пассажи питали, однако, читательское воображение, лишенное другой пищи, и книга Гурева, как и подобные ей, моментально исчезла с прилавков. Серьезные исследования на эту тему в тот период, естественно, появиться не могли, а труды зарубежных авторов оседали в спецхранах библиотек. Немногие счастливцы из числа ученых могли ознакомиться с ними во время зарубежных командировок. Одним из них стал историк-востоковец Эдуард Оскарович Берзин,

чей интерес к Нострадамусу отразился в статье, напечатанной в популярном журнале "Знание — сила" (№ 6,1975). Статья, где впервые были опубликованы портрет астролога и перевод ряда катренов, вызвала всплеск интереса к Нострадамусу у "продвинутой" части советского общества.

Уже в 1992 году Э. Берзин выпустил в издательстве "Республика" книгу под названием "Нострадамус и его предсказания" — наиболее полный на тот момент труд по теме, сопровождаемый переводом посланий Нострадамуса и многих его пророчеств. В основном автор ориентировался на труды западных комментаторов (прежде всего Э. Леони), но его здравый научный подход позволил создать правдивый и достаточно полный очерк жизни Нострадамуса. В противовес Завалишину Берзин считает, что его герой создал не антиутопию, а утопию, предсказав — вслед за Леонардо да Винчи — появление самолетов, подводных лодок и других чудес науки. По этой причине он считал астролога истинным представителем Ренессанса, задвигая на задний план его мистические интересы и отрицая (что естественно для ученого-позитивиста) какую-либо истинность его пророчеств.

В этом плане книга Берзина отличалась от многочисленных опусов, хлынувших на книжный рынок с окончанием советской эпохи. Стремясь увлечь читателя, их авторы доказывали, что Нострадамус предсказал все, что только возможно, прежде всего захватывающие перипетии прошлой и будущей истории России. Чаще всего его пытались заполучить себе в союзники авторы сомнительных конструкций отечественной и мировой истории; каждый из них пытался найти в сочинениях пророка "код" или "ключ", позволяющий обосновать их построения. Поскольку большинство этих авторов не знали не только старофранцузского, но и современного французского языка, они опирались на английские, часто дилетантские переводы "Пророчеств", игнорируя при этом все остальные сочинения Нострадамуса. Среди таких толкователей особую активность проявляли супруги-астрологи Дмитрий и Надежда Зима, выпустившие несколько книг о "расшифрованном Нострадамусе".

Портрет Мишеля Нострадамуса. Художник С. Нострадамус

Появились и новые переводы "Пророчеств", первый из которых был осуществлен в 1991 году в Киеве филологами Валентиной Бурбело и Еленой Соломарской. В отличие от завалишинского, он достаточно точен и полон, хотя и не свободен от ошибок; к чести авторов, они не портят текст сомнительными комментариями. Вышедший в 1999 году в Москве перевод Леонида Здановича, сделанный якобы со старофранцузского оригинала, представляет собой переложенную свободным стихом версию киевского перевода. В том же году вышли "Пророчества Нострадамуса" Джона Хоуга, переведенные с английского и дополнившие ошибки дилетанта-автора неточностями перевода. Новым словом в отечественном нострадамоведении стали работы уже не раз упомянутого Алексея Пензенского, хорошо знакомого не только со старофранцузским языком, но и с культурным контекстом творчества Нострадамуса. В 2007 году этот автор выпустил биографию астролога в знаменитой серии "ЖЗЛ", а годом раньше опубликовал свой первый полный перевод "Пророчеств", впоследствии не раз переизданный. Этот перевод дополняют пространные комментарии, в которых трактат

Нострадамуса сопоставляется с трудами не только его современников, но и авторов Античности и раннего Средневековья.

При этом тяготение не слишком образованной публики к тайнам и мистике продолжают удовлетворять все новые дилетантские толкования "Пророчеств", появляющиеся по поводу любого значимого политического события. В наши дни газеты находят связь между предсказаниями Нострадамуса и событиями на Украине, как это сделала "Комсомольская правда" (12 апреля 2014 г.), ссылаясь на математика из Перми Виталия Хозяшева, в очередной раз разгадавшего "код Нострадамуса". По его мнению (впрочем, далеко не оригинальному), астролог отнес каждый свой катрен к определенному год и месяцу, а потом перемешал их, чтобы никто не догадался. Прозревший его планы Виталий Дмитриевич отнес к маю 2014 года катрен II-95, в его трактовке: **"Великие разногласия, чтобы вернуть земли. Царствами управляют люди, неспособные к благоразумию. Раздор и страх для великих братьев".** Он решил, что "великие братья" — конечно же, Россия и Украина, которые рассорились из-за Крыма, хотя об этом ровно ничего не творится. Да и точный перевод катрена по Пензенскому совсем иной: "Населенные места станут необитаемыми, чтобы произвести великое разделение полей. Царства отданы нерешительным и бездарным, тогда между братьями-сеньорами — смерть и распря". Конечно, этот текст при желании тоже можно отнести к отношениям России и Украины — а также к чему угодно…

Все "коды Нострадамуса" имеют, как нетрудно заметить, одну общую особенность — они прекрасно подходят к описанию прошлых событий, но оказываются совершенно несостоятельными, когда дело касается будущего, даже самого близкого. Да и технология их поиска у всех авторов одна: из отдельных фраз Нострадамуса, причем чаще всего неправильно переведенных, делаются совершенно произвольные выводы. Иной метод избрали создатели телепрограмм, с завидной регулярностью создающихся в разных странах, — они просто перечисляют факты (конечно, в своей интерпретации), потом берут интервью у нескольких "тайновидцев", а после с загадочной интонацией задают вопрос: "А может, Нострадамус все-таки знал нечто такое, что скрыто от нас?" При этом сама жизнь салонского пророка с его напряженными исканиями, трудами и ошибками почти не привлекает их внимания. То же можно сказать о романах и художественных фильмах, где он возникает скорее как символ магии и тайного знания, чем как реальный человек. Исключение — малоизвестный голливудский фильм

"Нострадамус" 1994 года, снятый Роджером Кристианом, где, несмотря на вольное обращение с фактами, главный герой изображен достаточно правдоподобно. Убедительно выглядят даже его видения, в которых он наблюдает то сражения Второй мировой, то ядерный взрыв над Хиросимой — и переносит все это в свои катрены…

Не вызывает сомнений, что и научные исследования творчества Нострадамуса, и масскультовая эксплуатация его образа будут продолжаться до предсказанного им конца света. Соединив в себе ученого и мистика, гуманиста и мизантропа, мыслителя и поэта, он стал одной из самых интересных фигур своего не менее интересного переходного столетия. Хотя в реальности большинство его удивительных пророчеств не сбылось, а слава провидца и чародея оказалась сильно преувеличенной, его предсказания волнуют нас до сих пор, заставляя обращаться мыслью к прошлому и будущему, равно недоступным нам и оттого притягательным. Именно поэтому сочинения Нострадамуса и само его имя привлекают и впредь будут привлекать внимание всех, чей интерес выходит за рамки насущных повседневных забот.

Краткая хронология

1503,14 декабря — Мишель де Нотрдам родился в провансальском городе Сен-Реми, став первенцем нотариуса Жака (Жома) де Нотрдама и его супруги Рене (Реньер).

1519 — Мишель оканчивает школу и уезжает учиться в коллеж при Авиньонском университете.

1521 — из-за эпидемии чумы покидает Авиньон и скитается по Франции, постигая науку врачевания.

1529 — поступает на медицинский факультет университета Монпелье.

1532 — получает звание доктора медицины.

1533 — переезжает в Ажен по приглашению гуманиста Жюля Сезара Скалигера и женится на Анриетте д'Энкосс.

1535 — написано первое из сохранившихся сочинений Нострадамуса — "Парафраза увещевания Менодота Галеном"

1538 — его жена и дети гибнут от эпидемии.

1539 — Нострадамус бежит от преследований инквизиции и несколько лет путешествует по Европе.

1543 — пишет второе сочинение — "Перевод "Иероглифики" Гораполлона".

1544 — борется с эпидемией чумы в Марселе.

1546 — успешно борется с чумой в Эксе.

1547 — женится на вдове Анне Понсар-Жемелль и покупает дом в Салоне.

1548–1549 — путешествие в Италию.

1550 — выход в свет первого альманаха предсказаний.

1551 — рождение дочери Мадлен.

1552 — написана "Превосходная и весьма полезная книжица".

1554 — рождение сына Сезара.

1555, май — выходит в свет первое издание "Пророчеств".

Июль — по приглашению королевы Екатерины Медичи Нострадамус посещает Париж.

1556 — рождение сына Шарля.

1557 — выходит в свет второе дополненное издание "Пророчеств". Рождение сына Андре.

1558 — послание папскому легату Джакомо Сале, в котором Нострадамус дает ответ своим критикам. Пророческое послание королю Генриху II. Рождение дочери Анны.

1559 — гибель короля Генриха II на турнире, будто бы предсказанная Нострадамусом.

1560 — начало Религиозных войн во Франции.

1561 — нападение фанатично настроенных крестьян на дом

Нострадамуса, его бегство в Авиньон. Рождение дочери Дианы.

1564, октябрь — королева Екатерина и ее сыновья навещают Нострадамуса в Салоне. Он назначается лейб-медиком короля Карла IX.

1566, 2 июля — Нострадамус умирает в Салоне от осложнений, вызванных подагрой.

notes

Примечания

1

Пер. Б. Пастернака.

2

Цитата из пролога к "Энеиде", написанного не самим Вергилием, а кем-то из его комментариев. В переводе: "Выйдя из леса, я обозрел окрестности". Имеется в виду выход автора из тьмы невежества, позволивший увидеть мир таким, какой он есть.

3

Перевод А. Пензенского.

4

Цит. по: *Гартман Ф.* Жизнь Парацельса и сущность сто учения. М"2009. С. 225.

5

Цит. по: *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 331.

6

Перевод А. Пензенского.

7

Перевод В. Горенштейиа и А. Садова.

8

Перевод А. Пензенского.

9

Перевод А. Пензенского.

10

Перевод А. Пензенского.

11

Перевод А. Пензенского.

12

Здесь и далее катрены "Пророчеств" цитируются в поэтическом переложении В. Завалишина — там, где оно не слишком далеко отклоняется от оригинала.

13

Перевод А. Пензенского.

14

Перевод Ю. Стефанова.

15

Перевод А. Пензенского.

16

Перевод А. Пензенского.

17

Перевод А. Пензенского.

18

Перевод А. Пензенского.

19

Перевод Л. Лукомского.

20

Перевод А. Пензенского.